A black and white portrait of a bearded Orthodox monk, likely a Carpatho-Ruthenian, wearing a black habit and a large, ornate cross. He is holding a wooden staff in his right hand. The background is dark and textured.

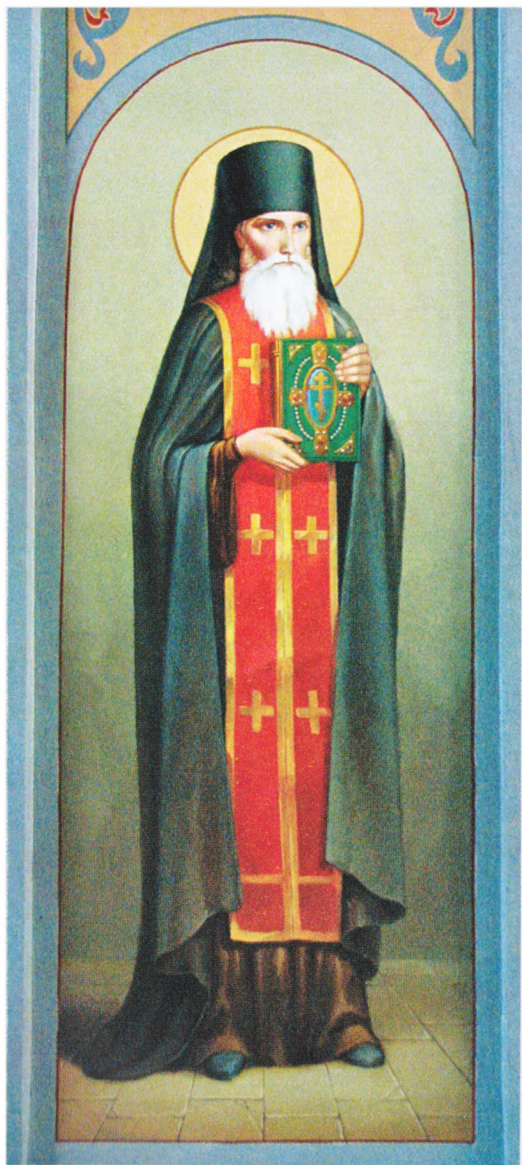
ПРЕПОДОБНЫЙ
АЛЕКСИЙ
КАРПАТОРУССКИЙ

ПУТЬ
К СВАТОСТИ

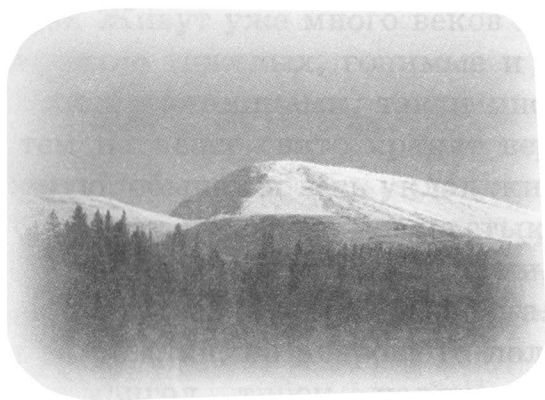

*Святой преподобный Алексий
Карпаторусский*

ПУТЬ К СВАТОСТИ

Преподобный
АЛЕКСИЙ
Карпаторусский

Успенско-Казанский монастырь
2009

*По благословению
Агапита, епископа Мукачевского
и Ужгородского*

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Русь Горняя, или Белая Сербия, Русь Угорская, Русь Подкарпатская... знакомые вроде бы названия, о чем-то смутно напоминающие... о чем-то далеком... А ведь на самом деле это названия Руси изначальной, тех мест, где обитали и по сей день обитают русские люди, первыми принявшие христианство. Живут уже много веков в условиях невероятно тяжелых, гонимые и теснимые как иноплеменниками, так и иноверцами, но тем не менее свято хранят веру православную, обычаи и весь уклад жизни.

Край этот, находящийся на стыке нынешних Украины, Молдавии, Венгрии, Польши и Словакии, во все века подвергался набегам то римлян, то аваров, то половцев, то татаро-монгол, турок, поляков, немцев... Никогда не жилось русинам спокойно, постоянно приходилось отстаивать свободу и этническую независимость. И, естественно,

веру православную: Рим постоянно стремился утвердить свою власть в крае под видом лукавой унии.

И Господь не оставлял чад Своих: Подкарпатье, занимающее на карте совсем небольшое место, дало огромное число святых подвижников, хранителей веры и стойких борцов за нее. К сожалению, русины-подкарпатцы почти всегда находились в информационной блокаде, и мы, великороссы, мало что знаем о том крае и просиявших там святых. Сейчас блокада прорвана, у русинов появились свои газеты, журналы, интернет-сайты. Однако они вновь вынуждены отстаивать свою свободу, свою независимость, свою самоидентификацию. Но сейчас у них появились помощники в этой борьбе: православные издательства начали печатать книги о карпаторусских святых, раскрывать неведомые нам страницы истории Подкарпатья.

Эта книга посвящена непростой жизни одного из величайших карпаторусских святых, апостола Подкарпатья, жившего на рубеже XIX и XX веков, — преподобного Алексия Карпаторусского, урожденного Александра Кабалюка. Святými не рождаются, ими становятся; его путь к святости был долг и труден, да он и не может быть иным. Господь многократно ставил его пе-

ред нравственным выбором, и Александр ни разу не отступил от единожды выбранного пути. Впрочем, едва ли есть смысл пересказывать здесь жизнеописание преподобного Алексия Карпаторусского – лучше прочитать книгу.

* * *

Несколько слов о ее авторе: Григорий Владимирович Рачук родился в Москве в 1976 году. В 1995 году, в возрасте 19 лет, окончил факультет канонической философии (богословский) Московского экстерного гуманитарного университета, где в этом же году защитил магистерскую диссертацию по теме «Специфика христианской метафизики». После этого на протяжении пяти лет занимался православным образованием и народной историей, со временем возглавив культурно-образовательный центр «Русь» на базе Русской историко-традиционной школы № 167 Северного округа г. Москвы, позднее переименованной в школу имени маршала Говорова с русским этнокомпонентом образования. С 2000–2001 годов по благословению своего, ныне покойного, духовника схиархимандрита Димитрия из Почаевской Лавры переходит к новой деятельности, углубленно работая над церковной историей Подкарпатской Руси и собирая драгоценные

сведения о ее мучениках, исповедниках и подвижниках.

Он – автор ряда публикаций, включая такие монографии, как изданная Мукачевским монастырем брошюра, посвященная игуменье Параскеве (в схиме Нине), дважды издававшаяся (в 2006 году в Москве и в 2007 году в Ужгороде), брошюра «Грушевская Святыня. Обитель в честь Архангела Божия Михаила, Архистратига Небесных Сил Безплотных. Древнейший монастырь Закарпаття», книги «Подвижник Руси Карпатской», посвященной святому Иову Угольскому (Кундре) (М.: Паломник, 2008).

Также, как переводчик с сербского, он перевел следующие книги: «Об исповеди для духовенства и мирян» митрополита Черногорского Митрофана (Бана) (М.: Синтагма, 2007) и «Святой Василий Острожский. Житие и чудеса». (М.: Синтагма, 2007).

Г.В. Рачук участвует в комиссии по канонизации Хустской епархии (Подкарпатская Русь – Закарпатье), является делегатом от России Второго Европейского конгресса подкарпатских русинов в Мукачево 2008 года и пресс-секретарем Московского землячества подкарпатских русинов «Карпатская Русь».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта легендарная личность в свое время стала живым символом Карпатской Руси, воскресающей в Православии накануне Первой мировой войны. В судьбе преподобного Алексия по-особому ярко выразилась бессмертная душа народа, его героический нравственный выбор. Первый православный священник и монах в родном краю после более чем векового господства унии, он своим подвигом показал подлинный смысл слов «Святая Русь», ибо это, в первую очередь, не название страны, а народное имя. Святая Русь – имя народа, который через невыносимые страдания воскресил Православие и воскрес вместе с ним, народа, который навеки связал своей мученической кровью Сербскую Церковь и Церковь Русскую.

Книга, которую вы держите в руках, содержит полное и достоверное жизнеописа-

ние преподобного. Путь к завершению этой работы был долог и тернист, но меня всегда укрепляла мысль о том, что люди должны наконец узнать правду об этом подвижнике.

Из святых Карпатской Руси преподобный Алексей наиболее известен. Еще при его земной жизни о нем была написана книга, оставлено множество воспоминаний, опубликовано много статей в газетах, им самим продиктованы и изданы прижизненно мемуары, записаны его рассказы и т.п.

О нем одном имеется больше биографического материала, чем обо всех остальных его святых земляках-современниках вместе взятых, так как он оказался на самом пике религиозного и политического противостояния накануне Первой мировой войны и о нем в газетах писали по всему миру в новостях как о главном подсудимом Второго Мармарош-Сиготского процесса. Сам святой царь-страстотерпец Николай II отправил ему в награду за подвиг исповедничества золотой наперсный крест.

И несмотря на все это, о нем не было проведено серьезного биографического исследования вплоть до настоящего труда. К тому же люди, писавшие о нем, имея множество письменных источников, упустили из виду самое главное — живую па-

мать близких людей. Житие вышло кратким, сухим, казенным и «причесанным». Драматическую личность святого, с напряженными исканиями, взлетами и падениями, с долгим и трудным путем к истинной вере, к монашеству и священству, свели к общим словам и биографическим датам. Я же ставил главной своей задачей воссоздать каждый момент великой судьбы, самые разные стороны благословенной Богом личности и, прежде всего, стремился обо всем разузнать от самых близких к нему людей — многочисленных родственников, которых почему-то никто не удосужился посетить и расспросить.

Благодаря этим встречам мне удалось восстановить и такой принципиальной важности момент, как дату рождения преподобного Алексия и срок его жизни. На основании не одного, а многих источников ясно, что святой прожил не семьдесят лет, а семьдесят два года, испросив себе у Бога тот же срок земной жизни, какой был у Пресвятой Богородицы. Ложные биографические данные могли возникнуть из-за того, что преподобный, направляясь в Россию, на обучение в Яблочинский монастырь, пересек границу Австро-Венгрии с чужим паспортом, чтобы не быть схваченным врагами Православия и славянства.

С этим же паспортом он, естественно, вступил и в пределы Российской империи. В этом паспорте, по предположению родственников преподобного, и могла быть чужая дата рождения – сентябрь 1877 года. При возвращении в Австро-Венгрию ему также было выгодно иметь эту путаницу для конспирации. Потом эта дата вошла в официальные документы и была оставлена святым для удобства, поскольку для него принципиального значения не имела. Современные же биографы без проверки брали эти данные и повторяли ошибку раз за разом, ссылаясь друг на друга, пока она не обрела характер само собой разумеющегося факта.

Аналогичным же образом стали переходить от автора к автору никогда не существовавшие фамилии девушек, мучимых с игуменией Параскевой (в миру Иулианией Прокоп); Хуст – вместо Хвуст, Смолик – вместо Симулик и т. д. Эти фамилии были записаны афонским иноком Денасием, автором прижизненной книги о преподобном Алексии, со слуха, неправильно, и повторялись впоследствии многими публицистами, начиная с самого Федора Федоровича Аристова, до настоящего времени без всякой проверки. Но в момент издания его книги бушевала Первая мировая война, он жил далеко от Закарпатья, а для ны-

нешних местных авторов подобных оправданий нет.

Таким же образом стала из статьи в статью переходить мифическая сестра-монахиня преподобного Алексия, Василиса, которая якобы возглавляла женское общежитие в Изе (путаница с игуменией Параскевой), хотя его реальная сестра Василиса никакого отношения к монашеству не имела, а вышла замуж. Вот почему составитель жития всегда должен не только работать в архивах и библиотеках, но, в первую очередь, узнавать все на месте от ближайших родственников, знакомых, соседей.

Ценность настоящей работы именно в том, что она основана, прежде всего, на воспоминаниях близких людей, которые действительно знали преподобного, и, кроме этого, показывает благодатное влияние его святой личности на родных.

Центральный момент жизни святого – принятие Православия на Святой Горе Афон и дарование Божьего благословения для страждущего народа – чудотворного образа Божьей Матери «Акафистной-Предвозвестительницы», освещен в полном житии по-особенному, нестандартно: слово предоставляется непосредственному свидетелю – афонскому иноку Денасию, который подробно все это описал. Пересказывать свои-

ми словами подробнейшую речь непосредственного свидетеля — труд недобросовестный и неблагодарный, поэтому это место книги инок Денасия приведено внутри текста жития полностью вместе со службой 26 мученикам Зографским и акафистом чудотворному образу Божьей Матери «Акафистой-Предвозвестительнице», с описанием истории чуда святой иконы.

В этой книге говорится и о необыкновенном месте рождения святого — гуцульском селе Ясиня, возникшем под Покровом Пресвятой Богородицы, о жизни племени гуцульского с описанием природы, жизни, обычаев и т.д. Здесь же перед глазами читателя проходит история карпаторусского края, которая неразрывно связана с необыкновенной судьбой преподобного Алексия.

ЧУДО ВЕЛИКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ

Это не общая фраза – это название конкретной исторической эпохи в жизни карпато-русского народа – первой половины XX века и это же – удивительнейшая страница в истории Церкви; то, чего никогда прежде не случилось. Никогда еще ни один народ так героически не сбрасывал с себя ненавистное духовное иго и не восстанавливал с такой стремительностью святость на своей земле через великое мученичество и исповедничество. Великое возрождение Православия дало толчок всей бурной, как никогда прежде, и как никогда прежде катастрофической, истории XX века, ибо против него восстали все силы зла, разрушив целые империи и убив миллионы людей в своем безсилии против Христа Спасителя, к Которому приникла Горная Русь – Белая Сербия.

В 1646 году горстка священников в Ужгородском замке под прямым давлением

властей приняла унию — и то на словах, без заключения письменного договора, а народ отчаянно сопротивлялся введению унии долгое время.

В том, что, несмотря на великую борьбу карпаторусского народа, к концу XVIII — началу века XIX уния всеми неправдами все-таки утвердилась в оккупированных Русских Карпатах, был несомненный смысл.

Смысл же этот был в том, чтобы Русь Горняя — Белая Сербия в это страшное время пошла властным будителем в великую царственную Россию и послужила запалом, истоком, совестью религиозно-национального (церковно-народного) возрождения общерусской культуры в XIX веке. В этом и есть великий смысл свидетельства о Христианстве народном, о Святой Руси и славянстве в мире — о гонимой Правде, о заглушенной совести, о забытой вере... Карпаторосс Кукольник основывает Нежинскую гимназию, давшую нам Гоголя, а его сын станет главным другом Михаила Глинки. Орлай, Венелин и другие карпаторусские ученые будят в России интерес к славянству. Так, Венелин открывает для России совершенно забытый к этому времени болгарский народ, а русин Балудянский становится первым ректором Петербургского университета и воспитывает будущего русского царя Николая I в осо-

бой любви к славянству, к народной культуре и ненависти к унии. Придя к власти, Николай Павлович поддержит и Пушкина, и Глинку, и далекую Черногорию, а в пределах России упразднит унию. Благодаря ему освободится православная Греция и начнет освобождаться Сербия, Россия вспыхнет русскостью, христианство станет укрепляться монашеством, православные в мире почувствуют великую поддержку России, как и славяне; ибо Россия резко восстанет против мирового зла.

За XIX век огромное множество русинов и сербов-гайдуков было омадьярено, обрумынено и ославачено, так что целые края потеряли свой сербо-русский (белосербский) народ, как Добрович со своими многолюдными гайдуцкими селами, ставший мадьярским Дебреценом, как множество сел Залесья — Трансильвании, как Токай с окрестностями, земли словацко-русинского совместного проживания в Карпатах и т.д. Это заставило самую образованную часть народа мобилизовать все свои силы, чтобы отвратить стремительно надвигающуюся под главенством папистского Рима духовную смерть народа.

Наступление духовного рабства шло сразу по нескольким направлениям: у народа, уже загнанного террором в унию, теперь

отнимали даже Восточный обряд, чтобы полностью стереть все следы Святого Православия, отнимали язык, отнимали землю, отнимали права, отнимали даже само имя. Это наступление шло неотвратно, поэтапно и неуклонно, шаг за шагом.

Сначала была эпоха борьбы с верой и свободой, эпоха восстаний и кровавого террора, эпоха насильственного введения унии, — великая эпоха столетней войны за веру — Маморышской войны. Эта эпоха тянулась почти до самого конца XVIII века, но все же ее логическим концом следует считать 1769 год — год официальной победы унии.

С 1769 до 1848 года тянется эпоха затишья, — затишья страшного и коварного, во время которого на обезкровленный, обезсиленный, обнищавший народ надевают безчисленное множество оков и униатская лжецерковь высасывает из народа последние соки, пользуясь его природным благочестием. Эта эпоха великой мадьяризации, когда славянский язык тает и исчезает в Среднем Потисье, отступая в горы. В это самое время, в самом конце этой эпохи поэт Шандор Петефи, сменивший свою сербскую фамилию «Петрович» на мадьярскую, как и свою национальность, выразительно и красноречиво пишет в письме — «чем ближе к Карпатам, тем больше рабства».

В это время, особенно в середине эпохи, еще была возможность обучаться в университетах выходцам с Карпат, еще названия улиц писались на местном языке и он преподавался в школах. Это происходило потому, что Австрия тогда была в политическом союзе с Россией против наполеоновской Франции и вместе с Россией разделила Польшу, поэтому некоторая снисходительность к карпаторусскому народу со стороны Австрии была, хотя и очень ограниченная. Народ мадьяризируется, румынизируется (в Залесье), ослабачивается (на крайнем Русском Западе), вытесняется из городов, с равнины и становится все больше сельским горным бедным народом. То же самое происходит и с чехами, где народный язык отступает в горные села, и со словаками, вытесняемыми с равнины в горы.

Затем наступает «Весна народов», и с 1848 по 1867 год происходит великое множество переломных событий в жизни большинства народов Европы. Череды революций и национально-освободительных движений, всколыхнувших Европу в 1848 году, заставляет славян собраться вместе, чтобы выжить и подняться в этом бушующем историческом вихре, не затеряться и не утонуть в историческом водовороте. В 1848 году состоялся первый всеславянский съезд в Праге и

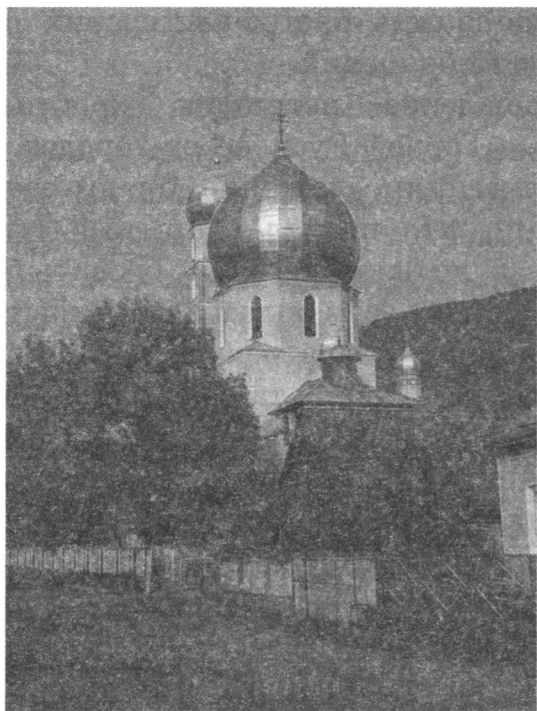
начинается у славян, живущих в Австро-Венгрии, национальное возрождение при все усиливающемся стремлении к России, что начинает сильно беспокоить Австрию. В это время она неудачно пытается завоевать и удержать Италию – провал этого стремления заставляет Австрию искать себе развития благодаря подчинению Балкан. В это же время Австрия экономически подчиняет Сербию и к концу этой эпохи становится двуединой немецко-мадьярской монархией, Австро-Венгрией – тюрьмой и каторгой славян в Европе, самой верной слугой папистского Рима.

С 1867 года вплоть до конца века давление на славян возрастает и на переломе веков постепенно переходит в террор и открытые гонения. За период с 1867 года до начала Первой мировой войны фабрикуются многочисленные процессы – Загребский, Львовский, два Мармарош-Сиготских – антиславянские и антиправославные судилища. Этот безпредел вызывает в конце концов ответный террор, и Франц-Фердинанд гибнет от руки православного серба. Это уже время великого возрождения Православия. Конфликт славян с немцами и мадьярами перерастает в Первую мировую войну, неотвратимость которой предска-

вал еще вождь австро-венгерских славян Адольф Добрянский.

Возрождение истинного христианства пошло в Горней Руси не от городов, не от интеллигенции, даже не от духовенства: первыми, кто посмел открыто выступить против душепагубной лжи, бросить безтрепетный вызов всем силам зла, открыто присоединившись к Православию, были именно миряне-крестьяне — та самая Русь Святая, символом которой еще в древние времена стал Микула Селянинович — Николай Исповедник. Это было самым глубочайшим движением народного духа, самым потрясающим по силе возвращением к истокам, к прародине своей совести.

Это единственный в своем роде пример в истории Церкви, когда крестьянская община победила целую неправедную еретическую империю; когда, сквозь горы лжи, народ сам нашел в себе силы докопаться до Истины и отстаивать ее уже до конца, не жалея самой жизни ради Христа. Вспышка святости была такова, что ее многим даже трудно просто осознать. Здесь был центр возрожденной православной епархии — не в городе, а в селе. Иза в XX веке одновременно дала десятки людей святой жизни, одновременно построила и населила три монастыря и два скита, ставших впоследствии

*Храм в Изе, воздвигнутый на первоначальном месте
Изского монастыря Святого Николая*

самостоятельными монастырями, трижды была судима за веру на государственном уровне – два раза в Австро-Венгрии (1903–1904 и 1913–1914), один раз в довоенной Чехословакии (1934) и множество раз гонима: одно-единственное мараморышское село – село Господне.

И в других местах Русского Подкарпатья великое возрождение Православия на-

чалось с сел: на Мукачевщине – Срибной Земле это было село Великие Лучки, а в Ужгородско-Земпленском крае, что поделили впоследствии Украина и Словакия, то есть на Русском Западе, это было село Бехерево. Возле самых главных городов – древнейших культурных центров края, таким образом, возникло три духовных центра:

1. Мараморышский, возле самого Хуста (село Иза), – самый главный, плодovitый и влиятельный, быстро зажегший Мараморыш. Жители села официально вышли из унии и присоединились к Сербской Церкви в 1903 году. Это произошло из-за особых духовных традиций села, идущих еще с далеких времен, и благодаря святой личности отца Иоанна (Раковского), принявшего здесь венец мученичества еще в 1885 году.

2. Мукачевский, возле самого Мукачево (село Великие Лучки), – гораздо более изолированный по сравнению с Изой, связанный с Америкой. Жители села официально вышли из унии и присоединились к Сербской Церкви в 1906 году. Это было сделано во многом как под влиянием православной общины села Бехерева, с которой жители села соприкоснулись в Америке, так и под влиянием православного центра Мараморыша – Изы.

3. Ужгородско-Земпленский, между Ужгородом и Земплем (село Бехерево), — очень рано вспыхнувший, но оставшийся сильно изолированным первое время и более связанным с Америкой (святой Алексей (Товт)). Жители села официально вышли из унии, будучи в Америке, и там же присоединились к Русской Церкви в 1892 году. Само же село официально вышло из унии и присоединилось к Сербской Церкви только в 1919 году, то есть уже после распада Австро-Венгрии.

В этой изолированности последних двух сел — духовных центров, в отличие от Мраморышского духовного центра — Изы, виновато то, что на Мукачево, как на епархиальный центр, пришлось самые страшные удары еретиков в течение столетней войны за веру, после чего Мукачево стало еврейским и мадьярским культурным центром. Численность коренного народа в процентном отношении была здесь самой низкой. Одни только евреи составляли около половины населения города, имея много синагог, школ и т.д., но, кроме этого, в городе было еще и очень много мадьяр и достаточно других национальностей. А что касается Ужгородско-Земпленского края, то он слишком рано (еще с начала XIV века) попал под власть ярых папистов-Другетов — именно отсюда

и распространялась уния. Поэтому народ здесь, веками задавленный тяжким гнетом и террором, не поднялся так быстро, единодушно и решительно, как в Мараморыше, где жители больше привыкли к независимости. И к началу Второй мировой войны в Мараморыше проживало подавляющее большинство православных всего Русского Подкарпатья. Здесь горно-русское, то есть бело-сербское, население преобладало и численно, что было немаловажно.

И все же столь великое значение села Изы в истории Церкви Христовой одним этим невозможно объяснить. Сколь глубоко и сильно историческое значение этого села, столь глубоким и ясным должно быть и объяснение этой исторической загадки. Открытие этой духовной тайны должно приоткрыть для нас завесу, за которой таится нетленная святость народной души — в Святая Святых ее храма.

Отравленный католиками отец Иоанн Раковский оставил в Изе не только свое мученическое тело, но и свой бессмертный дух. Его настоятельство в течение многих лет питало множество сердец, ищущих правды.

Он поправлял прихожан, когда они пели Символ веры, говоря, что паписты внесли приставку «и от Сына» и следует правиль-

Иоанн Иванович Раковский

но петь Символ веры – петь по-православному. Он часто беседовал об истинном христианстве – святом Православии, о Русской Церкви и Сербской Церкви, где до сих пор хранится изначальная чистая вера во Христа. Пастырь имел множество редких православных книг и давал их читать интересовавшимся людям.

После его мученической кончины часть этих книг была спасена изынами от австро-венгерских жандармов, как духовное сокровище, и правда опять начала сиять в Мараморыше сквозь ложь и темноту, которые враги Христа навалили на народную душу целыми горами.

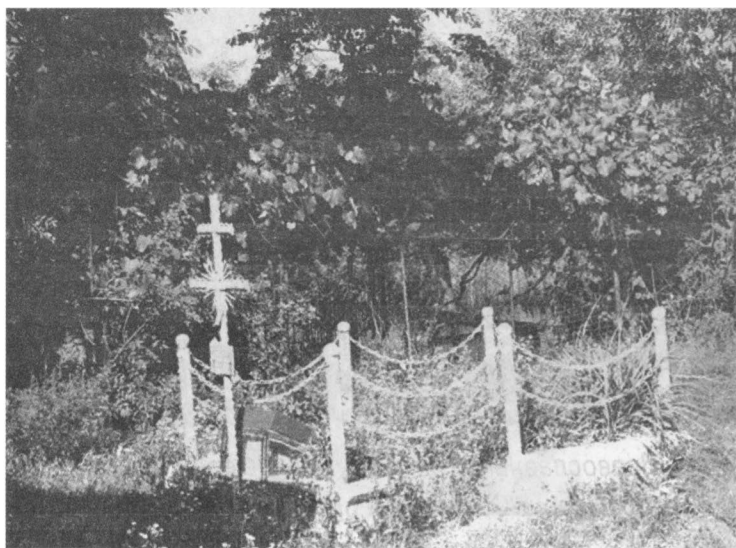

*Православные изяне, осужденные на первом
Мараморош-Сиготском процессе (1903–1904)**

Но великая духовная заслуга Изы не в этом. И при земной жизни Спасителя и после Его Воскресения и Вознесения были тайные ученики, тайные верующие, но не они стали основой Церкви, а апостолы, что открыто и безстрашно проповедали Евангелие и почти все претерпели мученическую кончину ради Христа. Так и выходцы из Мараморыша и других областей во множестве принимали истинное христианство, перейдя в Молдовлахию, или в Россию, или в Сербию, или в Америку, или даже укрывшись от врагов Христовых на Святой горе

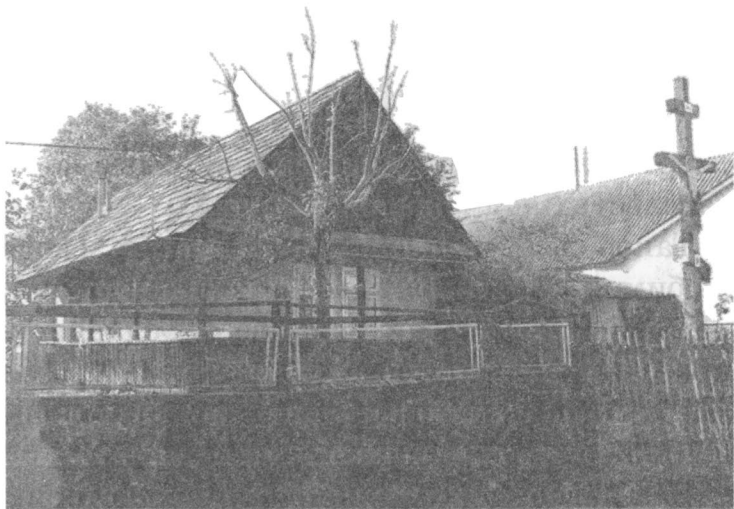
* Снимок сделал во дворе Сиготской темницы сербский адвокат Константин Хаджи, присланный для защиты обвиняемых от Карловатской Сербской митрополии.

Могила отца Иоанна Раковского в Изе

Афонской, как монах Варух. Были и те, что тайно верили по-православному, формально оставаясь униатами, подобно игумену Аркадию в монастыре Биксаде, ставшем униатским в XVIII веке. Это все не способно было вернуть народ в святое Православие – должен был возродиться, прежде всего, бессмертный дух мученичества в народной душе, чтобы навсегда разорвать путы лжи, сплетенные из страха перед смертью, и освободиться от духовного ига папистского Рима с его антихристовым добром.

Самым тяжелым было начать открытый и безстрашный выход народа из унии, про-

*Старый дом в Изе – обычный для крестьян
начала XX века*

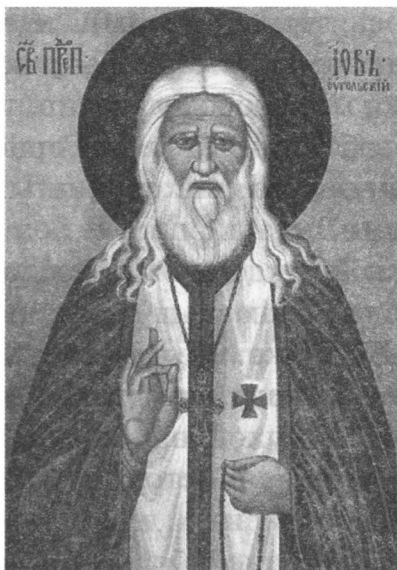
тивостоя всем властям земным с войсками и палачами ради Царства Небесного. Самое трудное – первыми в народе начать присоединение к истинному христианству на своей исконной земле, покоренной врагами, никуда не уходя с нее. Именно изяне первыми решились открыто присоединиться к Сербской Православной Церкви, приняв на себя первые страшные удары врагов Христовых: организованный террор целой огромной несправедливой империи, построенной на славянских костях, – Австро-Венгрии. Изяне не опустили голову перед безжалостными мучителями, не покорились лютующим

силам зла, а подали бессмертный пример всему народу своим безграничным терпением в многолетних страданиях за веру, за Христа, постоянно видя мученическую смерть близких людей и неописуемые издевательства над ними.

Такое духовное наследие оставил своей любимой Изе истинный пастырь Иоанн, первый из возродителей Православия в крае, кто сподобился принять за Христа смерть от нечестивых рук лжехристиан еще в 1885 году.

Иза навсегда вошла в нетленную историю Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, основанной нашим Спасителем – Распятим и Воскресшим. С 1903 по 1918 год в селе властями проводится непрекращающийся террор, в результате которого многие десятки человек (включая стариков, женщин и детей) были убиты, покалечены, брошены в тюрьмы или от невероятных мучений лишились рассудка. Общее же число тем или иным образом пострадавших за веру исчислялось сотнями.

Село мучеников дало в первой половине XX столетия более полутора сотен монахов и монахинь, включая более десяти известных подвижников. Один из них 18 сентября 2008 года при огромном стечении народа был прославлен. Это преподобный Иов

Преподобный Иов Угольский (Кундря)

Угольский (Кундря; † 1985). Иза стала первым центром Карпаторусской Церкви, которая здесь и была основана, «Вифлеемом Православия», по выражению святого Досифея Загребского.

Благодаря царю Николаю II Россия в Мировой войне вступила в эру мученичества. В то же время Русь Горняя духовно объединяется с Сербией, и этим восстанавливается изначальное единство сербо-русского народа. Церковь тогда вступает в новую эпоху, когда сербо-русское Православие борется за возвращение из римского рабства и за единение православного мира своими

великими святыми, своими мучениками и исповедниками. В мировых войнах это открывается по-особому четко, и Россия после них объединяется с Горней Русью духовно, нанося самый страшный удар по лукавой унии.

Великое возрождение Православия в Руси Горней открывает духовную историю Европы в XX веке. Сила этого движения Святой Руси такова, что Европа буквально взрывается духовной борьбой на всех фронтах – мировая история ускоряется в XX веке невообразимо для прежних времен. В этой духовной борьбе – священной войне за веру для нас главное не потерять ее смысл, не упустить цель, не выронить оружие, которое может сразу же быть обращено против нас.

В 1919 году по Сен-Жерменскому договору Подкарпатская Русь как самоуправляемая территория входит в состав Чехословакии и с этого времени становится субъектом международного права. В то время когда в СССР стараются стереть память о Святой Руси, Русь вдруг возникает в центре Европы как страна, как народ! Гибнет великая Россия – Царская Русь, но ей на смену подымается Русь Подкарпатская – маленький, но безстрашный светоч Православия и русскости в мире!

19 августа 1921 года основывается, благодаря святому Досифею Загребскому – первому карпаторусскому епископу, Карпаторусская Церковь как автономная в составе Сербской Патриархии со своей Духовной консисторией (Священным Синодом), который в течение многих лет безсменно возглавлял святой Алексей Карпаторусский. В дальнейшем она даже могла стать автокефальной, что прописывалось в ее уставе.

Но после вхождения в Советскую Украину и от политической и от церковной автономии не осталось и следа, а само имя «Русин», «Русь» попало под запрет. И теперь в условиях независимой Украины продолжается та же политика – не менее суровая. Несмотря на признание русинов многими странами и международным сообществом, Украина их признавать не хочет и продолжает проводить в крае политику насильственной украинизации, как это было в советское время. Только, в отличие от советской власти, современная Украина всеми силами поддерживает униатов и католиков против православных, создавая также и безчисленные расколы.

ПОКРОВ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

*Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печали изнемог.
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.*

Аполлон Майков, 1876

Когда были написаны в России эти проникновенные слова, на Русском Западе, в темных лесах, в суровых горах, среди скорби отчаянного гуцульского племени уже зажглась эта звезда — богоизбранная душа будущего святителя Алексия.

Зажглась она в самое страшное и лютое для русинов время, когда от безысходности люди готовы были бежать на край света — в Америку, ибо жизнь становилась все мрачнее и тяжелей. Тогда и дан был Богом неугасимый светильник во укрепление дрогнувших среди великих испытаний сердец.

Историческое и культурно-этнографическое понятие Русского Запада охватывает

преимущественно те древнерусские земли, которые на протяжении веков были под властью католиков и где происходило введение унии или прямая католическая агрессия. Другая часть древнерусских православных земель попала также под гонения протестантов и турок-мусульман.

Эти земли издревле населены русинами, которые в настоящее время являются самыми прямыми потомками единого древнерусского народа, которые остались на древних местах своего проживания, в то время как остальные отошли на восток. Полоса этих земель протянулась вдоль этнографической восточнославянской границы, от побережья Балтики до современной Румынии. Так, в Ливонии под властью Ливонского ордена жило многочисленное русское население и даже города там носили русские названия, переименованные на немецкий лад подобно «Вольмеру» — Владимиру. Эти земли пытался освободить еще Иван Грозный во время Ливонской войны, что вызвало в Ливонии гонения на православных.

Практически весь восток современной Польши принадлежит к Русскому Западу. Одна из областей до сих пор носит выразительное название «Подлясье», то есть область «под ляхами» — ляхами-поляками завоеванная. Там до сих пор к названиям

некоторых населенных пунктов присоединено это слово – известна Бяла-Подляска, Белосток, Холм (польск. Хелм), Люблин, Жешув, Перемышль (польск. Пшемысль), Ярослав – старинные русские города, находящиеся ныне в границах Польши, где теперь древнерусский народ полностью или частично ассимилирован.

На крайнем юге Польши этнографическая граница издавна проходила по реке Дунайцу. Сразу после Второй мировой войны русины отсюда во множестве были депортированы в Силезию – на запад Польши для скорейшей ассимиляции. Это изгнание известно под именем операции «Висла».

Основная часть древнерусских земель в пределах Польши носит название Холмская Русь или Холмщина. Холм славится древней иконой Божией Матери – хранительницей Православия и русинов в этих землях. Ее, как и Почаевскую икону, спускают с иконостаса на лентах для поклонения. На крайнем юго-востоке Польши расположена Лемковщина, названная так по особой этнографической группе карпатских русинов – лемкам.

Молдавия (как обширная область в пределах современной Румынии, так и отдельное государство Молдавия) также возникла на древнерусских землях, с активным учас-

тием древнерусского населения из Марамо-рыша. Славянским издревле был также не только крайний восток, но и весь север современной Румынии.

Восток Словакии называется Пряшевская Русь, по старинному русскому поселению Пряшево, и там до сих пор живет немало русинов, составляющих основу Православной Церкви Чешских Земель и Словакии, также как русины Польши составляют основу Польской Православной Церкви, собор новомучеников которой прославлен несколько лет назад.

В более давние времена границы Русского Запада были гораздо более обширны. Еще в XVIII веке русско-сербским был весь северо-восток современной Венгрии. Тогда город Дебрецен еще называли его исконным славянским именем Добручин.

К началу XIX века основная часть Русского Запада оказалась в границах Австрии, которая финансировала и лютым террором устанавливала украинскую национальную идею в противовес общерусской для того, чтобы сохранить эти земли под своим господством и противопоставить остальной Руси. В XX столетии эту эстафету подхватила фашистская Германия, затем безбожная коммунистическая власть, боровшаяся таким образом с русской державностью,

и, позднее, американский глобализм. Все эти антихристианские и античеловечные режимы XX столетия проводили такую политику с одной-единственной целью – разделять, чтобы властвовать.

По Промыслу Божиему весь Русский Запад в период между двумя мировыми войнами был сохранен от богоборческой коммунистической власти: Прибалтика получила независимость, как и Польша, границы которой тогда пролегали гораздо восточнее нынешних. Буковину и Молдавию захватила Румыния, а Подкарпатская Русь вошла в состав Чехословакии.

Народ Русского Запада отличается сохранением древней христианской культуры, верностью традициям, но во всей народной жизни виден отпечаток многовекового геноцида, что особенно ярко выражается в материальной бедности народа по сравнению с народами соседними: восток Словакии, восток Польши, север Румынии – до сих пор самые бедные области в этих странах. Про общую бедность в Молдавии и говорить нечего – это факт общеизвестный. Высшее образование – удел очень немногих, и люди, получившие его, часто не могут найти себе достойной работы в родном краю и в большинстве своем вынуждены поэтому уезжать.

Огромный удар по всему Русскому Западу нанесла, кроме мировых войн, бедность, вызвавшая невиданную эмиграцию перед Первой мировой войной и в межвоенный период. Так, в Восточной Словакии опустели десятки сел, и теперь они заселены словаками. Эмиграция направилась прежде всего в США и Канаду. Это облегчило ассимиляцию русинов на исконных местах их проживания, так как еще больше изменило соотношение населения не в их пользу.

Тем не менее Русский Запад продолжает жить и в США, и в Канаде, и в Польше, и в Словакии, и в Румынии. Так, в Белостоке в настоящее время существует 12 православных церквей, так как православные русины из сел подались в крупные города, в том числе и в Белосток.

Русь Горная – Белая Сербия издревле и доныне хранит великое множество тайн Промысла Божия.

Это очень странное на первый взгляд историко-географическое понятие на самом деле является наиболее точным из всех существующих, поскольку отражает всю специфику веры, языка, культуры, национального сознания и географического положения. Во всех вышеперечисленных отношениях этот регион и народ занимает

промежуточное положение между сербским и русским культурным миром.

Остальная Русь имеет равнинный характер, а вся этническая специфика карпатских горцев связана с их проживанием в горах: Русь Карпатская – Русь Горняя. Вопрос о Белой Сербии диалектически связан с вопросом о Белой, или Великой, Хорватии. Достаточно открыть один из многочисленных туристических буклетов, выпущенных в Хорватии для русских туристов, чтобы оттуда узнать о Белой, или Великой, Хорватии и Прикарпатье. Причем в одном из буклетов мне даже довелось прочитать, что столицей этого племенного объединения являлся город Краков, а само оно простиралось от Чехии до современной территории Западной Украины. Конечно, туристический буклет – это не научный труд, но здесь этот случай приводится в качестве очень характерного примера того, насколько в Хорватии дорожат идеей своей карпатской прародины.

О белых хорватах пишут и Константин Багрянородный в своем знаменитом труде «Об управлении империей», и святой Нестор Летописец. В то же время вопрос с Белой Сербией гораздо более сложен. О белых сербах Нестор не упоминает, что косвенно свидетельствует о том, что они находились по ту сторону Карпат в отношении остальной

А.И. Добрянский и А.С. Будилович в 1898 году

Руси. Сведения Константина Багрянородного о приходе белых сербов на Балканы из земли Бойки историки боятся связать с современными бойками из-за того, что бойки – позднее название по особенностям диалекта.

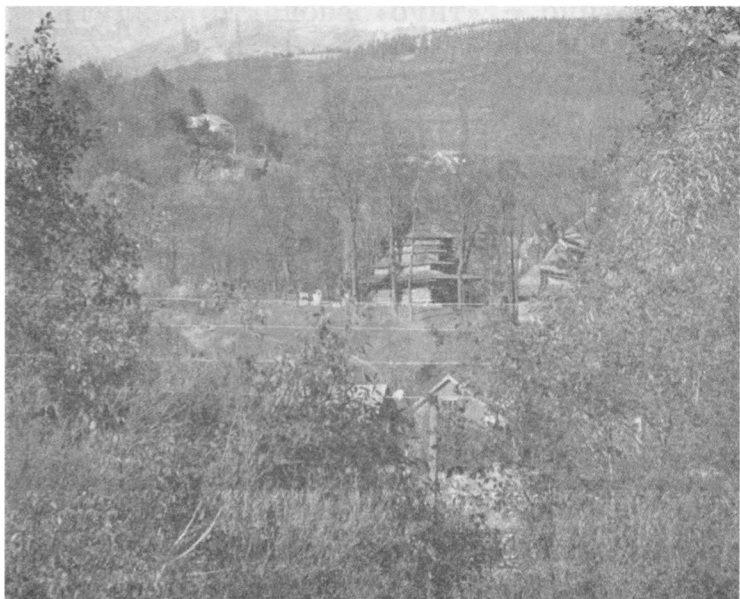
Лишь Адольф Иванович Добрянский (1818–1901) – великий карпаторусский ученый, культурный и политический деятель, опираясь на свое знание Карпат и Балкан, впервые попытался в современном населении Карпат проследить и разделить Белую Сербию и Белую Хорватию (см.: *Аристов Ф.Ф. Карпаторусские писатели. Исследование по*

неизданным источникам: В 3 т. Том 1. Второе дополненное издание. Издание Галицко-Русского общества в Петрограде. KARPATO-RUSSIAN LITERARE ASSOCIATION P.O. Box C, Barnum Station Bridgeport, Connektikut 06605, 1977. С. 181). Если лемков он относит к белым хорватам, то остальное население Подкарпатской Руси, включая бойков, долишмян и гуцулов, – к белым сербам.

Опираясь на свое знание Карпат и Балкан, я, в свою очередь, могу заявить, что, прежде всего, к белым сербам относятся жители Мараморыша, поскольку и в их культуре, и в языке и, главное, особой стойкости в Православии связь с Сербией прослеживается особенно четко. В частности, что касается языка, то в Хорватии, в Прикарпатье и на западе Подкарпатской Руси говорить «тут», а в Сербии и Мараморыше говорят «ту» и «туй».

В настоящее время среди сербов все больше просыпается интерес к Белой Сербии, так же как в России – к Руси Горней, и это отрадно, так как эта земля и этот народ с давних времен связывали и продолжают связывать Сербию и Русь.

Время, место, племя рождения преподобного исполнены глубокого смысла для судеб Церкви. Он родился во время мрачное, в месте, благословленном Пресвятой Бо-

*Струкова церковь Покрова,
с которой началось село Ясиня*

городищей, в самом нищем, непокорном и смелом племени Карпат.

Здесь над Черной Тисой возвышается Черногора — горы темны от гигантских елей. Бог здесь призывает человека на подвиг — среди камней и туманов, под сумрачным небом, в сырости и холоде, под снегопадами и ураганами, раскидывающими по горам стволы огромных деревьев. Редко заходит солнце в глубокие ущелья, где бушует холодная вода. Таинствен этот край: ниже слияния Черной и Белой Тисы находится

Казни повстанцев в Оравском Подграде в 1672 году

географический центр Европы – ее сердце. Сюда не смогли добраться ни римляне, ни авары, ни татаро-монгольские орды.

Здесь меридиан Афона – Святой Горы Пречистой Девы, что лежит прямо на юг. Всегда минута в минуту здесь текло время со временем великого сонма избранников Божиих. В XVIII веке здесь сражались последние непокорившиеся рыцари Православия. Но не было здесь православного митрополита, как в Черногоре Балканской, и от безысходности народ оказался в унии.

Люди здесь подбирались неслучайные. Сами их фамилии: Кабалюк-Кабаль (от слова «кабала», то есть бежавший от кабалы),

Бунтушак (от слова «бунт» — бунтовщик), Дуб-Дубьюк (как дуб (могучий)), Морозюк (обморозившийся) говорят о сильных, суровых, мужественных вольнолюбивых людях с тяжелой судьбой, что забрались в сердце Карпат, чтобы остаться людьми.

Едва русины отбились от кочевников-авар, как пришли мадьяры и ковары (хазары), отрезав русинов от Дуная и вытесняя вверх по Тисе — все ближе и ближе к крутым горам.

К середине VI века тюрки-авары закрепляются в Среднем Подунавье. Они переселились сюда из Азии через Северное Причерноморье, где задержались некоторое время. Авары были гонителями христианства, и ими была ликвидирована древняя епископская кафедра в Среме (древний Сирмиум). Этим был нанесен огромный ущерб раннехристианской славянской традиции, которая в значительной мере была насильственно прервана. С этого времени славяне из-за захвата Среднего Дуная этими жестокими ордами (память об этой жестокости дошла до святого Нестора Летописца, который записал предания об издевательствах обров над славянскими женщинами, которых обры запрягали вместо лошадей в телеги) расселяются на север, восток и юг от Среднего Дуная. В борьбе с аварами на границе со

Средним Дунаем возникают славянские государства Само, Карантания, Семи Славянских Племен, Первое Болгарское Царство и другие. К концу XVIII – началу IX века славяне, при поддержке Византии и франков, возвращают себе Средний Дунай, благодаря чему возникают могучие славянские державы: Великая Моравия и Великая Болгария. IX век становится веком расцвета славянской великодержавности и церковности. К концу этого столетия Великая Болгария подчиняет себе почти все Балканы и Карпаты, объединяя южных славян, Великая Моравия объединяет славян на Западе, а Киевская Русь – на Востоке.

Конец этому расцвету кладет вторжение орд венгров и коваров на Средний Дунай в конце IX – начале X века. Возможно, это была спланированная, тщательно продуманная акция, рассчитанная на общее ослабление славян. Это косвенно доказывается присутствием этнических хазар-ковар в мадьярских ордах, вторгшихся на Средний Дунай, причем раскопки их поселений в современной Воеводине показали, что ковары исповедовали иудаизм. Не может быть случайной в этой связи и остановка мадьяр близ Киева на пути в Среднее Подунавье. В Киеве была значительная, очень вли-

ятельная еврейско-хазарская прослойка населения, а венгры до этого продолжительное время входили в политическую систему Хазарского каганата, вся политика которого была направлена на ослабление и порабощение славян и приручение орд кочевников. Возможно, эта знаменитая остановка в Киеве была связана с согласованием завоевания Среднего Подунавья, так как какими-либо другими причинами, кроме политических, ее невозможно объяснить.

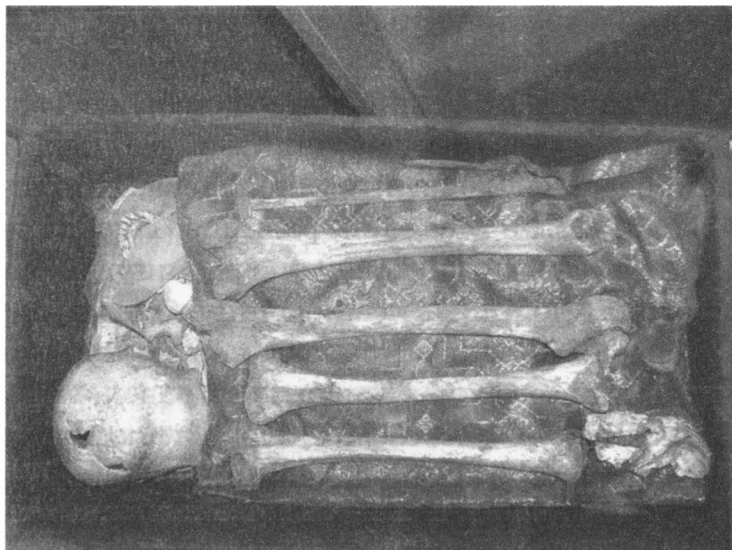
Лишившись Среднего Дуная, славяне постепенно сдают свои позиции в Европе. Сербские и болгарские земли вскоре захватывает Византия. С немалым трудом освободившись от ее опеки, Сербия и Болгария просуществуют как независимые государства лишь с конца XII по XIV век, после чего постепенно попадут под турецкую власть. Западные славяне постепенно будут духовно и физически порабощены германским миром, и к XV–XVI векам останутся только два независимых славянских государства – Польша и Московская Русь. Из-за ожесточенной борьбы друг с другом за веру и древнерусские земли эти две могучие державы не будут в состоянии помочь остальным славянам в должной мере, хотя их союз был бы безценен. Так, в 1410 году совместными усилиями в битве при

Грюнвальде был остановлен немецкий напор на восток — знаменитый *Drang nach Osten*. Тогда был наголову разгромлен Тевтонский орден.

С самого начала своего поселения на Среднем Дунае венгры находились под сильным славянским влиянием со всех сторон, так как Австрии еще не существовало и на этом месте жили славяне-словенцы. Позднее сильнейшее славянское влияние шло с востока от русинов и с юга — от сербов. Но нашествие татаро-монголов в XIII веке разоряет как Киевскую Русь, так и весь славянский восток Венгрии, а уже к середине следующего, XIV века слабеет и Сербия. Рим делает все, чтобы разбить союз Сербии и Венгрии, созданный для борьбы с турками и достигший в этом определенных успехов, после чего Сербия окончательно попадает под турецкую власть, а Венгрия, разгромленная турками, распадается на три части, при этом гибнет более миллиона человек.

В первой половине XVI века запад Венгрии захватывает Австрия, а центр — Турция. Только карпатский восток державы сохраняет некоторую самостоятельность, объединившись в славяно-румынско-венгерское веротерпимое государство — Трансильванию, куда вошел весь Мараморыш и которое противостояло Австрии вплоть до

*Кости монахов, убитых иноверцами
в Грушевском монастыре*

конца XVII – начала XVIII века, периодически включая в себя различные более западные карпаторусские области и даже, во время максимальных успехов, Словакию. В это время православные русины ожесточенно сопротивляются католикам и введению унии. В частности, более века продолжается постоянная пограничная война с католической Польшей в Карпатах.

В начале XVIII века Австрия окончательно подчиняет Трансильванию после грандиозного народного восстания. Противники Австрии традиционно называются «куруцы»,

то есть «крестоносцы», а народные мстители — «опришками».

На равнине русины тонули в крови восстаний. Главными союзниками мадьяр и немцев были деньги, земная вера католическая, сытая жизнь на равнине. Народ отходит в горы, в заповедную долину Мараморыша, долину Тисы, долину белизны — свободы. Но враги Православия наступали и с другой стороны Карпат.

Латинское слово *Maramoreus* означает «белоснежно-белый, белейший цвет». Поскольку в Средиземноморье снег выпадает лишь в горах, то белизну традиционно символизирует мрамор — отсюда и это понятие. У славян белый цвет издавна обозначал свободу, и название «Мараморыш» поэтому, особенно в связи с местными племенами белых сербов и белых хорватов, говорит о следующем: название исторически возникло из-за того, что после завоевания Дакии этот край сохранил независимость от Рима. В условиях распространения вульгарной латыни на границах Рима это понятие было адаптировано в славянской среде, чему также помогло и присутствие румынского этноса.

Еще в античное время отсюда велся активный экспорт соли в Рим из Солотвинского месторождения и труднодоступный гор-

ный край на границе с Римской империей служил убежищем для беглых христиан, разорившихся крестьян и рабов.

При вторжении венгров и ковар на Средний Дунай Мараморыш не был затронут и дольше всех остальных карпаторусских княжеств сохранял независимость. Этому способствовали защищенность горами со всех сторон, так что сюда можно было попасть извне лишь тремя-четырьмя путями, и уникальный внутренний рельеф — сложный лабиринт из множества горных хребтов, покрытых густыми лесами, в котором любой завоеватель чувствовал себя неуверенно. Лишь в XIV веке здесь утверждается венгерская власть, не желающие подчиняться католикам славяне и румыны Мараморыша переходят горы и в 1359–1360 годах основывают Молдавию, новую православную державу.

Мараморыш в составе Венгрии был самой большой территориальной единицей и при захвате остальных частей Венгрии Австрией и Турцией в начале XVI века вошел в состав Трансильвании, активно участвуя во всех войнах трансильванских князей с Австрией.

Многочисленные монастыри, в особенности древние обители Грушевская и Угольская, ставшие епархиальными центрами,

всегда были могучими духовными твердынями народа, поддерживающими связь с православным миром от Москвы до Балкан.

При насильственном введении унии именно в Мараморыше укрылись последние православные епископы, которые отсюда управляли в начале XVIII века огромными территориями Прикарпатья, Трансильвании, Венгрии и Словакии, оставшимися без окормления православных архипастырей.

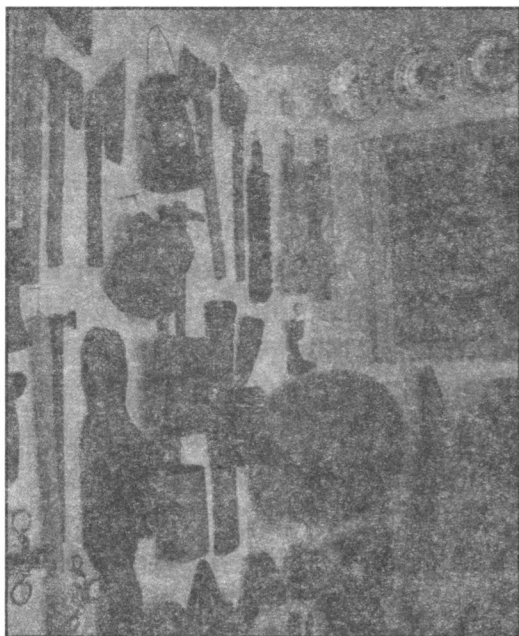
В Карпатской Руси известен своеобразный «мараморышский» менталитет — бунтарский в отношении властей и консервативный в отношениях традиций. Народ здесь держался Православия до последней возможности, постоянно поднимая восстания. Отсюда же, с Мараморыша, началось и возрождение Православия.

Карпаты стали той стеной, к которой поставили народ православный, чтобы отнять у него его величайшее сокровище — святую веру: вобрать народ в себя, а непокорных — казнить. От репрессий бежали семьями, бежали и в одиночку. Тогда и заселились самые суровые горы в Карпатах непокорными, отчаянными людьми, не приемлющими рабства. Эти горстки храбрецов спускались с лесистых склонов — сражались, мстили за поругание веры, за лютые казни. Их от-

лавливали, как диких зверей, по горам и казнили по-зверски, но племя не умирало: новые и новые люди бежали в горы, ближе к небу, куда вытесняли непокорный земным антихристовым властям народ.

Поработители пришли и сюда — они захватили лучшие земли возле реки внизу, где еще можно хоть как-то заниматься земледелием, где и дорога проходила. Магьяры, немцы, евреи брали и скупали землю за безценок, отбирали за долги, спаивая народ, и все больше земли захватывали. Люди поднимались еще выше, в еще более густые и непроходимые леса — настоящие чащи. Жизнь становилась все тяжелее и тяжелее, но упорный народ не сдавался: здесь — у самого неба, перед Богом, в холоде, на ветру, в сырости было легче дышать, ибо сюда редко могли наведаться угнетатели — они здесь просто не могли жить.

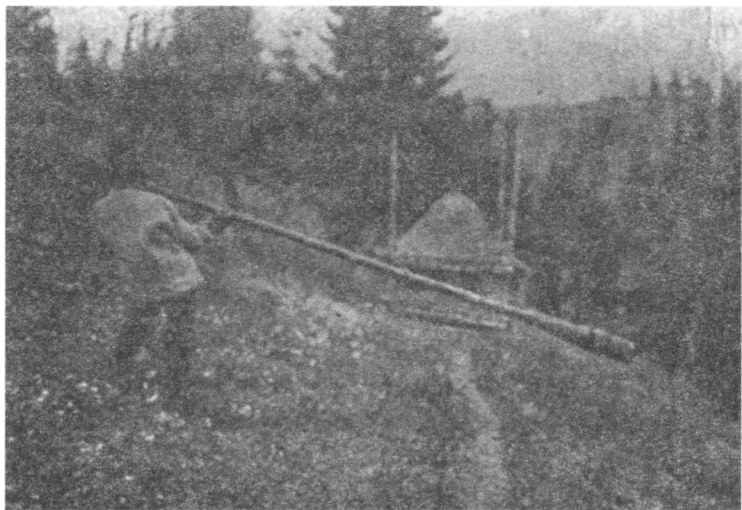
Так появилось племя гуцульское — дитя крови и слез, дитя русской свободы среди самых крутых и лесистых гор. Символом этого племени стал длинный топор-трость с узким лезвием и противовесом, так что форма секиры в целом образовывала крест. Этим легким и изящным оружием можно было нанести стремительный и страшный по силе удар. «Гуцул» означает то же самое, что и «гайдук». Это два варианта одного слова

Предметы быта

со значением «рубить». Древнеславянские корни здесь родственны латинским *Caedu* и *Caesu* с абсолютно тем же значением. Корень слова «гуцул» сохранился в слове «куцый», то есть «рубаный, укороченный секирой». Это племя родилось как племя восстаний, непокорства, племя топора, племя гнева народного. Из этого племени произошел святой Алексей Карпаторусский, и, пока он рос, жизнь все продолжала ухудшаться.

Что же это была за жизнь? Это была жизнь подолгу безпросветная – без солн-

Горец с трембитой

ца. Дома окружали летом холодные туманы, засыпали зимой из мглистых облаков снега. Крутые склоны иногда месяцами не давали осветить жилища прямыми лучами солнца. Бывало, что в дома впервые солнце после долгой зимы заглядывало на самое Благовещение, когда еще морозы и снега. На подоконник падал светлый луч, и каждый из семьи по очереди клал туда руки и грел.

Где жили? Могли купить хлев, побелить известью и поселиться в нем. Могли сделать дом, поставив крышу на два толстенных, лежащих рядом бревна. Были и настоящие красивые дома из дерева, которого было

Предметы быта

полно вокруг. Там, где склоны были чуть более пологими, ставили дом. С отоплением проблем не было — лес окружал. Но зато дом мог легко сползти вместе с размокшим, осыпающимся склоном горы, его могло и просто разметать бушующим грязевым потоком с камнями, могло унести водой при наводнении.

Что ели? Хлеб был лакомством — жили скотоводством, охотой. Могли ужинать одной сметаной, молоком или творогом и рады были этой еде. Подкармливались грибами, рыбой. За солью шли пешком в Мармораш-Сигот, а если удавалось, то подсаживались на подводу. Скот в густых лесах, на крутых склонах пасти было чрезвычайно трудно и опасно. Много было медведей, волков; скот

легко терялся в чащобах, собирать его было тяжело; тяжело было и следить за ним среди густых лесов, где деревья на крутизне растут ствол к стволу.

Вино и водка были великой роскошью в этих суровых горах, не знающих винограда: бывало, что на праздниках одна-единственная бутылка стояла на всех и пили вино микроскопическими дозами, как редкий деликатес. Гречневой крупы и подсолнечного масла не знали люди.

Зажиточными считались те, кто имел побольше скота, особенно лошадей местной породы гуцуляк. Имея лошадей, можно было зарабатывать, вывозя лес. Только гуцуляк мог проходить по крутым склонам, по камням с чуткостью горного животного, не подвергая риску человека и груз. Работали лесорубами, работали сплавщиками леса по реке — страшно опасная работа и тяжелая: рубить лес по крутым склонам, и, рискуя жизнью, спускаться вниз по ревущей реке-водопаду. Секундное расслабление, невнимательность, неудача — и о камне вдребезги; оступился, поскользнулся — и бушующий ледяной поток размалывает тело на камнях. Но и такой работы не хватало. Участки дробились с наследованием, народ нищал. Парни уезжали в чужие края, чтобы накопить денег и жениться. И женатым

Рушник

мужчинам приходилось иногда годами пропадать на заработках из-за жалких грошей. Дети трудились с раннего детства, помогая взрослым. Ухаживали за младшими, пасли овец — все, что в силах сделать ребенок, делали.

Обширен край, богат лесом и водой, сказочно красив, но суров, и жизнь сурова — именно здесь непокорившийся народ откровеннее всего стремились убить бедностью и теснотой, упорно толкая в пропасть отчаяния и безысходности. Но племя сопротивлялось как могло. Парни уходили в непроходимые леса, чтобы не служить в австро-

венгерской армии. Чужих обманывали. Находились и разбойники-мстители.

Народ находил отдушину в творчестве — напевы исторгались из глубины сердца, красочные вышивки украшали рушники под иконы, скатерти, рубашки, безрукавки, пояса. Изумительная резьба по дереву процветала. Множество дорогих сердцу обрядов утешало и успокаивало оскорбленную душу народа.

Но тьма все сгущалась. Суеверие, колдовство, проклятия, безудержные страсти омрачали и без того невеселую жизнь, замкнутую в горах. Обиды, драки, кровная месть, убийства... Монастырей здесь не было. Епископы не заезжали в эти глухие места. Душа народа кровоточила и вопияла к Богу: презираемая, отвергаемая, стесненная душа-сирота, у которой отняли ее главное сокровище — Православие.

Тогда Господь и явил чудо в самом необычном месте этих гор, у подножия легендарной Черногоры. Место это потрясает вступившего сюда путника: за тесным ущельем, внутри высоченных гор — холмистая равнина с извилистой речкой — Черной Тисой. Прекрасный огромный светлый луг у Черной Горы. Если бы не стремительный бег горной реки, то можно подумать, что находишься где-то на русской равнине,

в холмистых местах. Казалось, Бог издавна предназначил эту горную чашу для таинства спасения. Место было долго необитаемым, что удивительно: других столь обширных, ровных и теплых мест в сердце Карпат, у главных хребтов, просто нет. А здесь только выпасали скот летом. Благодарить не оскверненного людскими пороками места была здесь, и никто не дерзал поставить здесь свое жилище до тех пор, пока однажды в этой чаше не свершилось чудесное знамение, свидетельством которого осталась церковь Покрова Божией Матери, поставленная на месте свершившегося чуда.

Как-то с внешней стороны Карпат, с северо-востока, пригнал сюда пасти своих овец Михаил Струк. Задержался он до кануна Покрова Матери Божьей. Овечкам было здесь очень хорошо — потому-то пастух и задержался до глубокой осени. Погода была доброй, но вдруг с неба упала целая лавина снега; и еще и еще — все вокруг стало белым, а снегопад не прекращался. Прошел день и начался другой — снега уже выпало по колено, похолодало, и все несло сверху белое кружево. Стало ясно, что наступила ранняя зима и снег уже не растает до весны. Обычно в это время он выпадает на вершинах и верхней части склонов — зима наступает постепенно. Если же зима началась

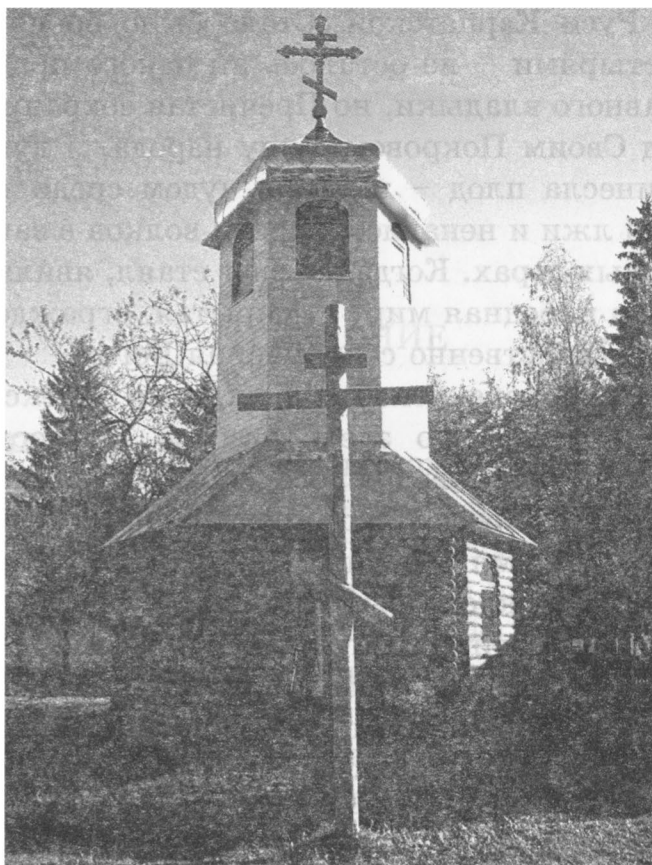
таким снегопадом, то он мог продолжаться и неделю, и даже дольше — приходилось думать уже не об овцах, а о спасении своей жизни. В таком снегопаде невозможно было даже развести костер, чтобы согреться и приготовить себе горячую пищу (обычно на горные луга — полонины брали с собой кукурузную муку, из которой можно было приготовить и лепешки и токан; но брали также и брынзу, питались и свежим овечьим молоком). Чтобы не умереть от холода, Михаил решил уходить, оставив овец на милость Божию и заступничество Пресвятой Богородицы — по такому глубокому снегу овцы идти не могли. От снегопада он со стадом спасался под огромным ясенем. Жалея обреченных животных, пастух делал все возможное, чтобы хотя бы продлить жизнь овечкам. Нарубив как можно больше веток на пищу своей отаре, Михаил сплетает снегоходы и с великой болью в сердце уходит, чувствуя себя предателем.

Чуть живой добрался он до дома через заснеженный перевал. Всю зиму он переживал за брошенных овец — главное свое богатство и утешение земное. Едва наступила весна и в долинах стоял снег, как Михаил пошел в заповедный луг, чтобы хотя бы собрать шерсть с погибших овец. Придя же в это необычное место, он был потрясен

величием чуда Божьего. Все овцы не только оказались живы, но и дали за зиму приплод, и из этих маленьких ягняточек не погиб никто! Овцы питались корой огромного ясеня и срубленными хозяином ветками — но как им могло этого хватить на полгода? А из-под слоя снега, выпавшего за зиму в человеческий рост, достать они, конечно же, не могли ничего. И как их не тронули волки?

Все это необъяснимо — лишь благодать Божья, заступничество Пречистой спасли овец. Понял это Михаил, и великая благодарность Богоматери зажглась в сердце молодого пастуха. Он срубает многовековой ясень, под которым спаслись овцы, и ставит на пне престол храма Покрова Божьей Матери. Затем он переселяется жить в это чудесное благодатное место, а вслед за ним и многие окрестные жители. Село получает название Ясиня в честь свершившегося чуда, и праздник Покрова отныне собирает сюда великое множество людей. Церковь до сих пор носит имя Струковой в память своего строителя. К концу XIX века Ясиня уже было большим селом и через него проходила дорога из Мараморыша в Галичину.

Преподобный Алексей родился в этом самом селе под Покровом Пресвятой Богородицы. Был он крещен в том самом хра-

*Храм в честь преподобного Алексия
у места его рождения*

ме, сюда ходил в детстве. На эти горы он глядел, по этой дороге он ходил. Будущий святой и родился на святом месте, а чудо, приведшее к заселению этой богохранимой прекрасной поляны, прообразовало собою чудо Великого возрождения Православия

на Руси Карпатской. Стадо было брошено пастырями — не осталось ни одного православного владыки, но Пречистая сохранила под Своим Покровом душу народа, и душа принесла плод — выжила чудом среди холода лжи и ненависти, среди волков в заповедных горах. Когда же снег стаял, явилась душа народная миру — укрытая, огражденная, таинственно сохраненная Богом.

За полтора века до рождения Алексия Карпаторусского здесь угасало Православие — теперь загоралось снова, и возрождать его предстояло преподобному Алексию, чье имя означает «Защитник». Именно ему суждено было принести со Святой Горы на родину благословение Божией Матери и стать первым православным монахом и священником в крае после векового торжества еретиков. Покров Пресвятой Богородицы был над ним всю его многострадальную жизнь.

Пречистая исполнила предсмертную молитву короля Стефана. Она основала село под Своим Покровом и в этом селе вырастила Своего избранника. Этот человек много веков спустя был призван исправить содеянное королем Стефаном и свидетельствовать об истинности Православия перед целым светом накануне Первой мировой войны.

ПРИЗВАНИЕ

Большая часть жизни преподобного прошла на людях, но о детских и юношеских годах, о многих тайнах его духовного возмужания знали только самые близкие люди. Их воспоминания не всегда совпадают с письменными источниками, но общая память родных надежнее пары строк, записанных посторонним человеком. Его сестра утверждала, что на момент смерти брату было семьдесят два года. Об этом возрасте при смерти говорят и другие источники. Следовательно, следует принять версию о 1875 годе рождения. И уж никак невозможно принять за истину, что святой родился лишь в 1877 году. За две недели до церковного поминовения святого Алексия, человека Божия, родился будущий великий исповедник — то есть в конце марта, по церковному календарю, в Великий пост.

Книга, изданная в Шамордино*, утверждает, что преподобного звали Александр во святом крещении – исключительно по желанию русофила-священника; так и сам он писал в воспоминаниях. В то же время родня всегда звала его лишь одним именем – Лесь, то есть Алексей, в честь святого Алексия, человека Божия. Это имя он получил в монашестве, но и в детстве и в юности его звали так по-мирскому. Одно не исключает другого: имя Александр было непривычно гуцулам, а Лесь – общеизвестно и привычно; так его родители и хотели назвать. Были случаи, когда детям, избранным Богом для монашеского подвига, священник давал при крещении имя вопреки святцам и желанию родителей – по особому Промыслу Божьему с рождения ставя их выше законов мира.

Преподобный родился в зажиточной, по местным меркам, семье Ивана Кабалюка и Анны Кульчицкой, семье, владеющей достаточным количеством скота, семье авторитетной и влиятельной в селе. Всего у них родилось девять детей.

---

* «Повесть об обращении и присоединении на Афоне Угрорусса униата в Православие и о Русских, о Православии, об унии в Прикарпатской подъяремной Руси прежде и теперь».

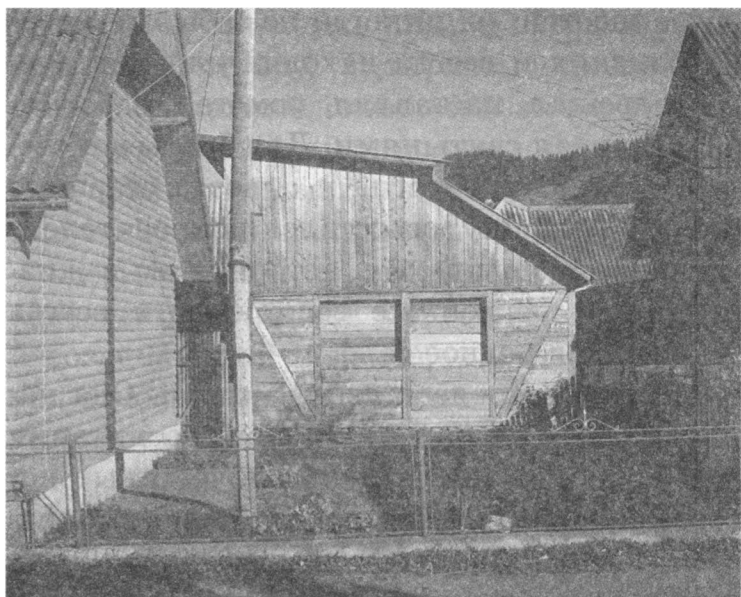
Предметы народного быта

Старшего брата звали Димитрием. Впоследствии он уехал в Америку. Затем, в 1872 году, родилась Анна. Третьим ребенком в семье был Алексей. После него родился Федор, умерший от туберкулеза в возрасте семнадцати лет. Потом родился Георгий – Юра, ставший впоследствии, при чехах, старостой села Ясиня. Далее родилась Мария – Марийка. Следующим ребенком стала Елена – Олена. Затем Параскева – Параска, родившаяся в 1890 году. Самой младшей была Василиса – Василина, год рождения которой 1892-й. Она потом переехала жить к брату Димитрию в Америку.

Более чем за двадцать лет совместной жизни супруги вырастили девять детей – в Карпатах никого не удивляли многодетные семьи, это было обычным. О количестве родственников преподобного, ныне живущих, может дать представление хотя бы тот факт, что лишь только у одной из дочерей его сестры Параскевы родилось и выросло десять детей.

На момент обретения мощей был еще жив муж племянницы преподобного, исцеленный им в молодости от беснования: Юра Дуб скончался в 2000 году в возрасте 101 года, сохранив до последних дней ясное сознание и замечательную память. Это был последний свидетель жизни преподобного из его родни, помнящий еще австро-венгерскую эпоху. Не пришлось поговорить с ним, не удалось написать о великом исповеднике более обширную книгу, а до меня, увы, никто не поинтересовался у родни Алексия о его жизни. И теперь нелегко добираться до высокогорного села, искать, говорить, думать – легче выписать из книжки. Но память человеческую не может заменить ничто. Живой свидетель, его слова безценны – это первоисточник. Так мы имеем Евангелие, так имеем Отечник.

Жизнь была нелегкой, еда – однообразной, труд – почти безостановочным. Отец

На этом месте стоял дом, где вырос святой

часто отлучался на заработки, и основная тяжесть работы по хозяйству ложилась на мать семейства, Анну, на старшую дочь Анну и на двух старших сыновей, Димитрия и Леся, которым доставалась самая тяжелая мужская работа. Быть одним из старших сыновей в многодетной семье, при частом отсутствии отца, — большая ответственность. Так, еще с детства, Лесь привык отвечать за других: помогать, выручать, учить, беречь, защищать. Впоследствии, будучи образованным и знаменитым, путешествуя по разным странам, имея множество

обязанностей, он никогда не забывал о своих близких и всегда находил для них время: навещал, наставлял, помогал, заботился, одаривал святынями. Для братьев и сестер, после смерти отца и отъезда старшего брата в Америку, он остался покровителем, главным заботником и авторитетом в жизни и при первой же возможности всегда приезжал в родное село.

Многим он обязан своей матери. Она находила время для религиозного воспитания детей, рассказывала им благочестивые поверья христианской старины, учила молитвам. Своим личным примером она очень много дала будущему великому святому — подобно многодетной матери, он и сам будет заботиться о многочисленных храмах, общинах и монастырях, покрывая весь край Подкарпатский неустанной заботой. Именно от матери он и унаследовал характер.

Есть личности, которые уже с детства отличаются необычной целостностью и прямоот характера, острейшей совестью. Именно из таких детей вырастают великие люди. Лесь с детства выделялся своей честностью и безкорыстием. Хотя он и рос в зажиточной семье, но такой она выглядела только среди страшной общей нищеты. Каждый грошик, каждая небольшая выгода заставляла людей изворачиваться,

хитрить и выживать таким образом в завоеванной стране. В церковно-приходской школе за каждое слово, сказанное по-русски, на родном языке, полагалось пять ударов. Мальчик бывал тяжело избит, но не пытался избежать наказания.

Здесь, в школе, он впервые понял с такой ясностью, что живет в завоеванной стране, и возненавидел навсегда угнетателей родины, относившихся к русским людям с великим, нескрываемым, постоянно смакуемым презрением. В нем стало крепнуть тогда еще не всегда вполне четко осознаваемое, но горячее, постоянно возрастающее стремление освободить родину от ига. Возрастая, он вступал в конфликты с австро-венгерскими жандармами, из которых его с трудом выручал отец, пользуясь своим авторитетом, влиянием и родственными связями. Лесь презирал опасность и всегда вел себя с достоинством непокорившегося черногорского русина.

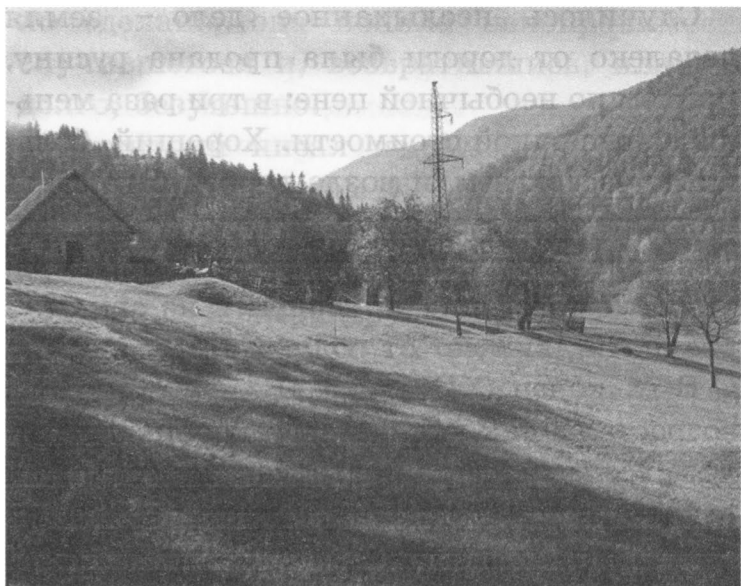
Когда наступила пора служить в австро-венгерской армии, его сверстники скрывались в лесах, чтобы не идти на военную службу, а Лесь, не боявшийся открыто выражать свою ненависть к жандармам, пошел служить. И в школе и в армии он прошел через многие унижения и испытания, но не сломался — никогда не хитрил, не

изворачивался, смотрел в очи прямо. За это его все невольно уважали. Душа его была изначально отмечена даром неистребимого стремления к справедливости – естественным и непринужденным. И все же до того, как Господь призвал Своего избранника, Лесь вел жизнь обычную – жизнь греховную, безпутную. Но и тогда он совершал необычные поступки, отмеченные благодатью Божьей.

Вернувшись из армии, он застал отца уже ослабевшим и изможденным. Вскоре отец умер, разделив имущество между детьми. Лесю достались подвода и кони, и он теперь смог зарабатывать себе на жизнь вывозом леса. После рабочего дня он заходил к знакомому еврею, который отводил коней к себе в стойло, покупал чарку водки и выпивал. Как человек работающий, зажиточный, он мог позволить себе такую роскошь, доступную здесь далеко не каждому. Однажды вечером, впотьмах, еврей ему дал сдачу необычную: вместо копейки – золотую монету. Хозяин ошибся, а Лесь, не рассматривая, взял ее и понял ошибку лишь дома. На следующий день, в урочный час он попросил опять свою обычную ежедневную чарку – четвертку.

- Платить ти за четвертку не буду!
- Не беда! Заплатишь в другой раз!

Участок земли, проданный святому за его честность

— На! Мортку! — сказал Лесь и вернул золото хозяину.

— Хм! А! Я таких руснак не знал еще! Ой! Лесику! Який ты честный человек! Я ти дам оковалок доброй земли!

Чтобы оценить честность Леся, нужно понять ценность того, что он вернул хозяину. Эта монета стоила 200 банок, а хозяин перепутал ее с двумя копейками, увидев цифру «два». В то время корова стоила 30 банок. 200 банок — это было для нищей Гуцульщины целое состояние. Вот почему так потряс еврея поступок русина.

Случилось неслыханное дело — земля недалеко от дороги была продана русину, причем по необычной цене: в три раза меньше ее рыночной стоимости. Хороший, большой участок земли возле дороги был здесь наивысшей материальной ценностью. Так Лесь разбогател. Это случилось почти сразу после того, как он вернулся из армии — двадцати двух лет от роду.

Был конец XIX века. Бедность народа возрастала, так как земли удобной становилось все меньше на человека. Многие стали искать лучшей жизни в Америке. Коснулось это и семьи Леся. Однажды в Ясиня пришел вербовщик. Старший брат Димитрий захотел завербоваться, но необходимо было согласие жены, и он уговорил свою сестру Анну, что родилась сразу вслед за ним, выдать себя за жену перед вербовщиком и выразить свое согласие. С трудом Анна согласилась, уж очень сильно ее упрашивал Димитрий.

Шел дождь, она низко надвинула на лоб платок и пошла. Вербовщик пожалел ее и сказал, что если ее муж уедет, то уже больше никогда не вернется. Она, изображая жену, говорила, что нет — заработает денег и вернется. Вербовщик опять ее предупредил. Но она все же поставила свой крестик на месте подписи. Когда дело бы-

ло сделано, она поняла непоправимость случившегося и, возвратившись, плакала долго, безутешно.

Димитрий писал из Америки успокаивающие письма, там у него родилась дочь. Возвращаться он не хотел, вкусив более легкой жизни. Он писал, что не пойдет опять ночевать в колыбу (сруб). Потом к нему переехала самая младшая сестра, Василина, вышедшая в Америке замуж за выходца из Великого Бычкова.

Так Лесь, похоронивший отца после своего возвращения из армии, остался самым старшим мужчиной в семье, и его положение улучшилось и укрепилось. Оставалось только жениться и вести обычную жизнь людскую, полную забот о семье. Но Божьего избранника ожидал совсем иной путь.

Однако на этом пути встретились страшные искушения. Враг рода человеческого захотел погубить бессмертную душу, которой было суждено послужить спасению многих. Лесь возгордился и впал в пагубную страсть. Став одним из богатейших русинов во всей округе, будучи молодым и здоровым, имея репутацию честного человека, что значило очень много, Лесь еще обладал и поистине сказочной красотой. Когда он проходил по улице, женщины

оборачивались, останавливались и долго глядели ему вслед. Его красота была ярка, резка и неотразима, как неожиданно ударивший из-за горы луч солнца. Черты лица были необычайно мужественны: резко выдающиеся скулы придавали лицу твердость, тонкий нос был по-настоящему орлиным. Роскошные нахмуренные брови, а из-под них глубоко сидящие небесно-синие глаза горели безстрашием и изумляли. Подбородок тонок и изящен, а шея мощна. Необычайно статен и ладен он был. От всей фигуры веяло решимостью и прямотой.

Нравы были вольны в этих глухих горных лесах. Девушки с неистовой страстью влюблялись в красавца и богача. Юноша отвечал всей страстью молодости. В короткое время не одно девичье сердце было разбито. Дикий пожар ревности разгорался в обманувшихся душах, и страшные проклятья призывали несчастные на душу Леся.

По слову Господа – «Если кто растлит храм Господень, растлит того Господь»; кто нарушит святыню души человеческой – того душа будет сама разрушена. Ада желали его душе отчаявшиеся женщины, чтобы скорее очутился их неверный возлюбленный в пекле. Если за одно неосторожное слово в гуцульских горах могли убить, то

какой местию могли ответить на смертельную обиду, за искалеченную судьбу — только адом. И сбылось это страшное проклятье — Лесь попал в ад.

Это случилось не менее чем через год, как Лесь вернулся из армии, похоронил отца и стал богатым хозяином. Вместо ожидаемой женитьбы Бог судил совсем иное.

В самую Страстную Пятницу преуспевающий молодой хозяин упал замертво и душа его была отведена в ад. Там Лесь увидел, как мучаются за грехи его предки. Греховная их жизнь получила достойное воздаяние.

Отец, любивший выпить, сидел, тесно зажатым между двумя демонами. У каждого была в когтистой лапе бутылка с огненной адской горилкою. Крепко держали чудовища свою жертву, насильно вливая в рот жгучий яд, вызывающий сильнейшую жажду. Жажда неутолимая разгоралась все сильнее, так что от этого застывающего в глотке раскаленного металла вылезали сквозь горло наружу металлические иглы. Когда, изнемогая от тяжелой муки, душа отворачивалась от жгущего нутро демона, то другой, державший наготове бутылку с таким же смрадным ядом, немедленно вставлял ее в рот несчастному. Так развлекались демоны душою нераскаянного

грешника. И мгновенья покоя не было ему в лютой муке.

Дед же Леся по отцу был мучим другим образом. Любил он предаваться всей душою безудержному, безстыдному веселью, танцуя на свадьбах без отдыха. И теперь, в вечности, не было отдыха ему. Только веселились уже демоны. Окружив со всех сторон обреченного, они заставляли его подпрыгивать и извиваться в неистовом танце своими огненными плетками. Как только он замедлял движения, жесточайшие удары обжигали его со всех сторон. В круге веселящихся демонов продолжалась без конца жизнь грешника, любившего когда-то больше всего на свете свое безумное гордое веселье. Дед увидел Леся и сказал ему: «Хиба собиром нас вытянешь! («Если только вытянешь нас соборным чтением двенадцать раз Псалтири за душу усопшего)».

Много лютейших мук видел Лесь в аду. То, чем люди жили, что творили, к чему привязались сердцем, чем проявили себя — это с ними осталось навсегда. Особенно его поразила следующая мука, которую он никогда не мог забыть. Женщина, погубившая своего ребенка во чреве, не желавшая дать жизнь Божьему творению — своей родной кровинке, мучилась страшно. Извиваясь в невыносимой боли, она преждевременно

рождала дитя, и демоны тут же запихивали недоношенного новорожденного ей прямо в рот, заставляя пожирать и глотать крошечное тельце. Но не успевала она еще проглотить до конца ребенка, как опять ее ломали сильнейшие схватки и съеденный ребенок со страшной болью рождался опять, и опять демоны его запихивали в рот детоубийце. Безконечно давилась она собственным дитем и истекала кровью в непрерывных родовых муках. Страшен грех — страшна и кара за него.

То, что случилось с Лесем, случалось со многими будущими подвижниками по неизреченному милосердию Божьему. Ведь далеко не всякий человек, даже после такого чудесного вразумления, способен совершенно изменить свою жизнь, стать совершенно новым. Люди остаются в аду из-за нежелания совершенно раскаяться в своих злых делах, осознать свою вину перед Богом и просить о прощении.

Грехи будущих избранников Божьих — грехи особо страшные, но и покаяние их — покаяние великое, недостижимое для людей обычных. Так, согласно преданию, святой апостол Петр, в ночь страстей Христовых трижды отрекшийся от Спасителя, хотя перед этим обещал с Ним пойти на смерть, потом всю свою оставшуюся земную жизнь

ходил с воспаленными, красными от постоянного плача глазами. Едва он оставался один, как вспоминал взгляд Христа после своего третьего отречения, и горькие слезы опять, как и тогда, лились из его глаз ручьем.

Святой царь и пророк Давид, предок Христа по плоти, совершив прелюбодеяние и убийство, уже никогда не мог себе этого простить и до самой своей смерти смирялся перед людьми, его ненавидящими, так что даже позволял простому человеку бросать в себя камни и ругать себя, запретив своим воинам препятствовать ему в этом. Его 50-й псалом — «Помилуй мя, Боже», составленный сразу после обличения пророком Нафаном, — величайший памятник покаяния человеческого, образец смирения пред Богом.

Нельзя здесь не вспомнить и Марию Египетскую, ненасытную блудницу с тринадцати лет через всю юность, и последующую великую святую, покаяние которой в полувековом подвиге среди мертвой пустыни, без пищи святые отцы считают вышеестественным.

Перечислять великих святых, которые были сначала великими грешниками, можно очень долго. Но вспомним Евангелие — разбойника благочестивого, первого,

оказавшегося в раю по слову Христа Распятого, и слова евангельские о том, что Сын Божий пришел не ради праведников, а ради грешников — ради их спасения распялся и воскрес. В святом Алексии Карпаторусском Господь прообразовал и судьбу самого народа карпаторусского — отступившего в унию, подобно блуду, а затем возвращающегося ко Христу. Не ради тех, кто уже принял святое Православие, проповедовал преподобный истину святой веры, а ради тех, кто еще оставался в губительном заблуждении. Бог попустил святому сначала вести грешную жизнь для того, чтобы в дальнейшем он сумел удобнее обращать грешников к Богу. Вспомним здесь и слова святого апостола Павла — «быв искушен, может и искушаемым помощи». Также это было попущено, чтобы, помня о своих грехах, святой не гордился и не возносился, будучи первым православным священником и монахом в крае во время великого возрождения Православия, а в великом смирении нес людям благодать Божью в Таинствах Святой Церкви. Святой был смирен Богом, как был смирен и святой апостол Петр, хвалившийся, что никогда не предаст Христа. Это произошло, чтобы апостол был всегда терпим и милосерд к грешным людям, не возносясь в мыслях над ними подобно

гордому фарисею. Так же был научен Богом и святой Алексей, несший подвиг в Подкарпатье, подобный апостольскому.

Судьба будущего великого святого была необычной — в день крестных мук и смерти Спасителя и его душа покинула тело. Он оказался в аду и был искуплен Жертвой Богочеловека. Когда в дом, где лежало безчувственное тело Леся, вошли родные с освященными пасхами после литургии в праздник Светлого Христова Воскресения и прозвучало «Христос воскрес!», он очнулся: воскрес для новой жизни вместе со Христом Спасителем. Первые слова, которые он произнес, говорили о том, что перед ними новый человек, человек спасенный, готовый к полному раскаянию, исправлению, подвигу. Лесь молил собрать собор (собор) родичей, чтобы «прочитали двенадцать Псалтирей за нас умерших», объединяя себя с грешными предками, чьи мучения он видел в аду. Понял Лесь, что он мертв по грехам своим и спасен лишь по великой милости Божьей. Так началось раскаяние Леся. Но к большему готовил его Господь: к подвигу апостольства, исповедничества, старчества. И другой избранник Божий должен был утвердить призванную душу на этом тесном и скорбном пути, ведущем в Царствие Божие.

Олесь, муж старшей сестры Анны, как раз собирался в Биксадский монастырь, что находится на другом конце Мараморыша. Там 6 апреля по церковному календарю должен был состояться отпуст. Этот обычай, подобный пресловутым индульгенциям, был изобретением латинян для привлечения народа и сбора денег. Пришедшим на отпуст обещалось полное отпущение всех грехов властью Папы Римского.

По Промыслу Божьему в этом монастыре подвизался удивительный старец — игумен Аркадий. Он получил духовное образование в России, понял всю ложь унии и избрал себе самый тяжкий путь. Вместо того чтобы остаться среди православных, он вернулся в родной край, завоеванный еретиками, дабы там, находясь среди униатов, свидетельствовать о Православии, вести тайную проповедь. Впоследствии за это его изгнали из униатского монастыря.

Для нас осталось тайной, сколько душ удалось спасти от губительного заблуждения прозорливому мужу, но ясно одно — игумену Аркадию было открыто о великом призвании преподобного Алексия Карпатурского. Утвердив его в служении Богу, игумен послужил спасению целого края и целого народа. Воскресал Мараморыш — страна святых и героев.

Долог был путь до Биксадского монастыря. Сначала вниз по долине Тисы, потом через Трансильванские Альпы — более двухсот километров по горам. Паломничать, как правило, шли пешком. Это была древняя благочестивая традиция. Ясиня находилась у северо-восточной границы Мараморыша, а Биксад — у юго-западной. Бог судил, чтобы будущий светильник Церкви начал свой покаянный путь, пройдя через всю древнейшую православную страну славян, через сердце Горней Руси, сквозь Белую Сербию.

На этих горах кончилось завоевание Римом вселенной и теперь здесь разгоралось пламя святого Православия, дабы сбросить ненавистное духовное рабство папского Рима. Когда-то в Черногоре скрывались последние вольные герои завоеванного Мараморыша. И теперь оттуда пришел новый герой, чтобы освободить свою православную родину. Но дабы свершить свой будущий подвиг, воину Христову предстояло очистить душу от темноты прошлого.

Старец встретил Олеса словами: «Не близся! Який ты грешный! Ты старый, а жене взял молоду! Купай жене ноги в гавьюзе (говне)! Ты добрый газда (хозяин), купи требник в церковь, бо велика беда у тебя будет!»

Лесю же сказал: «Добре! Ото легинь (вот это жених)! Ты, легинь, шукай себе четыре доски [для гроба]! Бог тебе скоротил життя и дочке за дивкы! Умрешь, бо двенадцать дивок ты обидел, а не возьмешь ж одну (ни одну)! Будешь умирать за дивок! Точно! Умирать? Или жить ще (еще)? Е (есть) надежда! Е! Христос пришел на землю, бо грешники спас! Хочешь каяться, да поменяшь житие?»

Далее старец повелел Лесю: за каждую обманутую девушку поститься и обойти монастырь двенадцать раз на коленях – «Аж будешь годен выдержати!», а Олесю – возвращаться.

«Иди на целый день и пойдешь вечерять и спать, а як обойдешь двенадцать раз и пидешь до мене так, обо раб! (как обойдешь двенадцать раз, то подойдешь ко мне [снова] как раб (то есть смиренно, не думая, что расплатился с Богом и уже никому ничего не должен)». Старец заповедал отмечать то место, где кончил идти вечером, чтобы с того самого места начать путь с раннего утра.

Тяжек был этот путь смирения перед Богом. Это было поистине великое покаяние. Биксадский монастырь стоит на каменистой горе. Даже на ногах его обойти достаточно непросто, а на коленях...

По камням, обдирая до крови колени, медленно-медленно обходил Лесь монастырь с утра до вечера. Утром он возвращался на то самое место, где остановился вечером, и продолжал свой мучительный путь на глазах у всех. Длилось это день за днем. Людям было понятно, что перед ними кающийся грешник. Сколько чести и похвал получал он ранее, гордясь перед другими, а теперь на коленях шел перед Богом и людьми каждый день. Умирала гордыня, и рождалось смирение — преображалась душа в деятельном покаянии. Многократно выросло в нем сознание своих преступлений, своей грешной гордой жизни, приведшей в ад на Пасху. Монахи его очень жалели. Чтобы облегчить его страдания и, главное, чтобы он не ободрал кожу с мясом на камнях до самых костей, они нашивали ему на штаны заплаты, но все равно они к вечеру превращались в лохмотья и пропитывались кровью. За преступную радость нужно было расплачиваться временными мучениями тела на этом свете, чтобы не наследовать мучения души в вечности.

Это было только начало его многолетнего пути к Божьей благодати. Ему предстояло в грядущем выдержать великое множество мук — уже не за свои грехи, а за веру святую и стать великим святым: проповед-

ником, монахом и священником истинного христианства, послужить спасению множества душ. Этот путь начался здесь — во время великого покаяния пред Богом.

Свершив за долгие дни свои двенадцать покаянных путей вокруг монастыря за каждую обиженную им душу, Лесь, измученный и смирившийся, двинулся к прозорливому игумену. Старец, еще издали заметив его, крикнул: «Уже принял Господь твой труд!» Когда Лесь приблизился, то услышал еще более неожиданные слова: «А ты бы хотел стати священником? Я бы тебя направил учиться. В Россию — на священника учиться! На жинок вже тебе дивится ни як не мож! Не смеешь дивиться жене в очи, бо ты умрешь через жену! Ты хочеш стать монахом?» — «Хочу!» — тихо ответил Лесь.

Так в эту благоуханную горную весну началась у Леся новая жизнь — в поиске Истины.

К ИСТИНЕ!

Все существо Леся было до основания потрясено пережитым. Возврата к прошлому теперь уже не могло быть никогда, а будущее было неясным. Как переделать свою жизнь, как начать жизнь новую, богоугодную – вот сложнейшие вопросы, которые неотступно стояли теперь перед его душой. Как же жить теперь? Что делать?

В это тяжелое время раздумий успокаивали и укрепляли его два дела – молитва и чтение Священного Писания. Душа, очистившаяся от грехов юности, жаждала пищи духовной и уединения. Он старается везде достать духовные книги, где только возможно, читает и молится в уединении о помощи свыше и думает, думает, думает... Но вместе с чтением возникают все новые и новые вопросы...

Из разговора в Биксаде со старцем, который был втайне православным, он вынес

для себя убеждение, что именно в России самое чистое христианство, что именно там судьба его изменится и он начнет служить Богу, как заповедал ему старец. Эта мысль теперь утверждается в нем сильнее, заставляя жить все более и более напряженной духовной жизнью. Он говорит со стариками, спрашивает бывалых людей, и глубокие раздумья берут его, все больше новых вопросов перед ним возникает.

Он не представляет еще окончательно, что ему предстоит сделать, куда идти, но в нем крепнет уверенность, что Бог не оставит раскаявшегося, управит его судьбу.

Лесь старается достать теперь как можно больше духовных книг, чтобы докопаться до истины, и читает их с жадностью. Но книг очень мало — они редки и дороги, приобрести книги в личную собственность чрезвычайно трудно, так как люди не хотят расставаться с ними, понимая, что достать новые очень непросто. Да и к тому же книги духовные считались, как и иконы, великим Божьим благословением.

Это время было очень важным для будущего великого исповедника истинного христианства. Должен был он вернуться в святую веру своих предков путем тернистым и долгим, чтобы потом суметь множество народа обратить к истине. Ему предстояло

выстрадать самому, всей своей душой, всем существом своим истинную веру, чтобы потом всегда быть готовым отдать за нее жизнь и проповедовать ее без усталы, не остывая сердцем, народу карпаторусскому.

Сейчас же ему был необходим толчок — промыслительная встреча, чтобы он наконец решилс покинуть родные места и оборвать навсегда последние связи со своей прежней греховой жизнью, преобразиться в проповедника и исповедника.

Бог никогда не оставляет ищущих Царствия Небесного, но для того чтобы жизнь действительно переменялась и из греховой стала святой, нужно человеку, после своего покаяния, еще много выстрадать и потрудиться. Постепенно человек становится порочным, и так же постепенно к нему возвращается изначальная святость творения Божьего, закреплясь во все новом и новом нравственном выборе, в деятельных поступках души, в напряжении благой воли, в усиленном стремлении к Богу.

Поэтому прошло немало времени, прежде чем Лесь созрел духовно для полного изменения своей жизни и встретил человека, который дал ему необходимый толчок на избранном пути служения Богу. Это неудивительно — так и святой Амвросий Оптинский, после чудесного явления воли Божьей

об уходе из мира в монастырь, еще несколько лет медлил перед тем, как окончательно порвать с прежней жизнью, — «жался», по собственному выражению смиренного старца. Тем более трудно было Лесю покинуть родные горы, родных людей, односельчан и уйти одному в неизвестную страну, все оставив ради служения Богу. За эти многие месяцы долгих раздумий после покаяния он пришел к главному выводу: нельзя ни в коем случае останавливаться на пути к Истине, чтобы опять не утонуть во лжи. Покаяние, молитвы о вразумлении свыше, чтение духовных книг — все это лишь подготовка к дальнейшему служению Богу.

Вот тогда-то, когда избранник Божий был уже готов, по слову Евангелия, отвергнуться всего и, взяв крест свой, последовать за Христом, — вот тогда-то и состоялась эта промыслительная встреча.

По воле Божьей будущему светильнику Церкви встретился русин, который был в России и понял, что именно там сохранилось истинное христианство, с которым несравним никакой униатский компромисс — попытка сохранить обряд при измене истинам веры.

Яков Борканюк был начитан в духовной литературе, паломничал по святым местам России и матери городов русских — Киева.

Молодой гуцул его слова впитывал в душу с ненасытным восторгом, с великой жаждой правды. Видя это благочестивое стремление прямой души Леся, Яков подарил ему прекрасную книгу, специально написанную для алчущих и жаждущих правды, — «Алфавит духовный» святителя Димитрия Ростовского. Эта небольшая, карманного формата книга создана как раз для того, чтобы утверждать людей на избранном пути благочестивого жития, поддерживая и успокаивая, вдохновляя и советуя, разъясняя и направляя. Она стала великим сокровищем для стремящегося к Богу сердца. Это был луч света, пришедший из далекой и прекрасной православной России, — с этой книгой теперь не расставался Лесь ни на минуту, многие годы он постоянно носил ее с собой. Это было для него дивное Божье благословение — знак от Всевышнего, что он идет по верному пути.

От человека, подарившего ему «Алфавит духовный», Лесь узнал главное — как наиболее безопасно, не вызывая подозрений, попасть в Россию и вернуться обратно; к кому там обратиться, где остановиться, к каким святыням идти в первую очередь; как сумеет привезти домой безценную православную литературу, чтобы ее не конфисковали

*Вооруженный отряд казаков для охраны Глинской
пустыни во время бунта 1905 года
вместе с глинскими старцами*

на границе, и еще многое другое, необходимое и полезное.

После этой встречи Лесь понимает, что его долгие раздумья и промедление в родном Ясиня не дадут уже больше ничего — в России, среди великих святых русского народа, Господь вразумит его и направит на истинный путь.

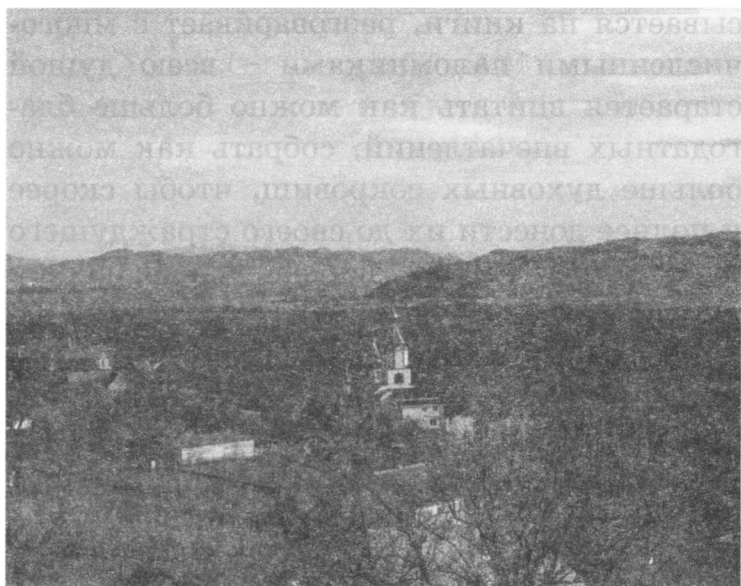
Это первое путешествие в величайшую православную державу состоялось в 1905 году. В этом самом году в России православный народ еле отмолился и отбилсЯ от рвущихся к власти безбожников — на колокольнях

православные войны устанавливали пулеметы. Специально посланные отряды казаков охраняли монастыри.

Как только стаял снег и растеплилось, Лесь собрался и отправился в долгую дорогу. Ему удалось без проблем пересечь границу и попасть в желанную Россию. Именно в это первое свое путешествие, по пути, в Буковине, он и причащается вместе с другими униатами в Сочаве, у мощей святого Иоанна, убиенного турками по навету паписта-католика.

Все здесь изумляло. Вместо крутых, поросших лесом гор – безконечные просторы засеянных полей Киевской Руси, с живописными перелесками и теряющимися в дымке горизонтами. Вместо узких, грохочущих, стремительных горных рек – реки великие, спокойные, неторопливые, полноводные, с проплывающими по ним лодками и кораблями. И везде или православные церкви, или латинские костелы – ни одного униатского храма.

Киев – русский Иерусалим, о котором так восторженно говорил посланный Богом собеседник, потрясал и возвеличивал русскую душу Александра – так он теперь отныне будет себя называть, чувствуя свою неотделимость от этих святых просторов, от этих благодатных святынь, что выстра-

*Древнейший монастырь Карпаторусского края –
Грушевский, трижды возрожденный*

дала за многие века Русь. Эту любовь, это чувство изначального родства святой пронес потом через всю свою земную жизнь и унес в вечность.

Горы Киева над прекрасной светлой, величественно спокойной рекой с монастырями и храмами, с Андреевским спуском, с местом Крещения Руси, с Софийским собором, с пещерами и Лаврой над ними, – все это, с морем духовных книг, свободно продающихся, казалось предверием рая для души, измученной долгой духовной жаждой. Александр спешит к святыням, набра-

сывается на книги, разговаривает с многочисленными паломниками — всею душой старается впитать как можно больше благодатных впечатлений, собрать как можно больше духовных сокровищ, чтобы скорее и полнее донести их до своего страждущего народа Руси Горней, народа, изнывающего в духовном плену унии.

Беседы с русским духовенством не оставляют никаких сомнений: неграмотный нищий народ много десятилетий обманывают униатские лжепастыри, выдавая хитрый политический компромисс духовенства — унию за святое Православие.

Так святой обрел наконец истину и теперь горел желанием как можно скорее донести ее до людей у себя на родине. Он набирает как можно больше духовных книг и скорее спешит обратно.

Так заново родился душой великий проповедник и исповедник. Теперь все сомнения, все тяжелые раздумья, все нерешенные вопросы были позади — открывшаяся истина святой веры сияла и окрыляла, наполняя душу постоянной радостью обретенного безценного сокровища.

Обратившийся грешник вступает на путь святости, становясь служителем истинного христианства, несущим его народу карпато-русскому.

ПРОПОВЕДЬ ПРАВОСЛАВИЯ И ХОДАТАЙСТВО ЗА РОДНОЙ КРАЙ

Возвратившись в родное село, Александр чувствует, что изменился и стал другим человеком. Как будто открылись наконец его очи после долгого сна и он увидел, в каких страшных бедствиях, в каких лишениях, в тесноте, в нищете живет его племя, его народ, страдая от великой духовной жажды, в то время как в России люди имеют свободный доступ к древнейшим святыням, духовная литература издается и распространяется в великом множестве и нет никакого униатского лукавства между Богом и людьми.

Этот страшный контраст потрясает Александра. Теперь он только понимает, какого безценного святого сокровища намеренно лишили карпаторусский народ, навязав силой рабство духовное, а за ним — иго телесное. В глухом горном лесу над селом Александр ставит маленькую тайную часовенку-

капличку. Там, среди величественной природы, внемлющей Богу, по словам великого русского поэта, среди полного безлюдья, он в безсуетном покое уединяется. Оставаясь наедине с Богом, он часами молится, упрашивая Всемогущего просветить его разум и сердце, чтобы действительно послужить Богу и вернуть своему народу отнятую насильно величайшую святыню — истинную веру Христову.

С близкими людьми, со знакомыми, с земляками и, наконец, просто с первыми встречными русинами он делится своим великим открытием и находит себе новых друзей — единомышленников и соратников, близких по духу. Он уже не может оставаться в своем селе — до всего народа он хочет донести правду, до каждого сердца русского достучаться.

По примеру старца Аркадия, что тайно вел проповедь истинного христианства, будучи в униатском монастыре, и Александр, посещая монастыри края, ведет там проповедь Православия вместе со своими соратниками. Там, среди множества народа, ищущего правды, его слова слушают с жадностью, и благодатные семена прорастают в чистых сердцах. При всякой возможности он старается открыть людям истину, по его собственному выражению: «Всюду, где

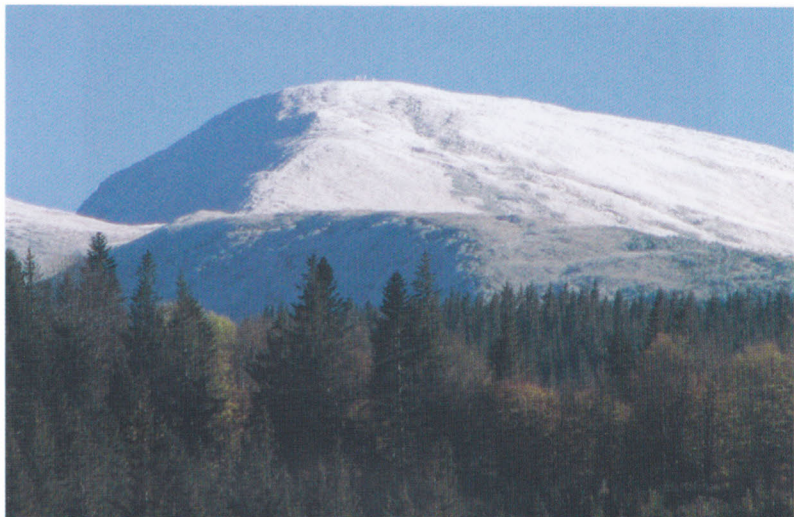

*Храм Покрова,
положивший начало селу Ясиня*

Православная церковь в селе Ясиня

На Покров Черногору украшает снег

Карпаты

Святитель Иосиф Мараморышский
(Стойка)

Виды Мараморыша

Угольский монастырь

Святой Иоанн Сухавский

Киево-Печерская Лавра

Почаевская Лавра

Святой Афон

*Русский Свято-Пантелеимонов
монастырь на Ароне*

*Чудотворная Холмская икона
Пресвятой Богородицы,
Покровительницы Холмской Руси*

*Аблогинский Свято-Синудриевский
монастырь*

Патриарх Тихон с духовенством

Митрополит Евлогий (Георгиевский)

*Преподобный Алексий,
Карпаторусский исповедник*

СОВОРУ КАРПАТОРУССКИХ СВАТЫХ

Совор
Карпаторусских святых

*Святой Досифей Загребский,
основатель Карпаторусской Церкви*

только можно». Множество духовных книг, что он привез с собой из России, помогает в этом. Он постепенно знакомится со многими православными из Изы и Великих Лучек, из Хуста и многих сел Мараморыша. Его великая убежденность, его святое горение открывают для него души, стремящиеся к истинному христианству, готовые, как и их предки, отдать жизнь в борьбе за веру.

От своих братьев по духу он узнает очень многое. Соборный разум великого православного возрождения обогащает его. Подвиг отца Иоанна Раковского, изян и великолучан еще сильнее зажигают его сердце. Великую силу духовную дает ему Господь в жертвенной любви к людям; его сжигает боль за обманутый народ, с великим трудом тянувшийся к Богу через издевательства, унижения, страдания...

В короткое время — за считанные месяцы он становится для православных края бóльшим, чем просто другом и соратником: люди чувствуют, что перед ними особая богоизбранная душа, вся горящая неистребимой ревностью к святой вере; душа, способная совершить, с Божьей помощью, настоящее чудо; душа, что может за весь карпаторусский край бороться не уставая, чтобы освободить родину от римского рабства.

Он становится душой православных собраний края. Особенно важным было одно ночное собрание в Хусте, где участвовали представители от тридцати сел, в основном мараморышских. Собрание происходило в доме нового друга Александра – Михаила Палканинца, дружба с которым будет пронесена святым через всю жизнь среди великих испытаний и трудов. На этом собрании будет принято важнейшее решение: поскольку не было возможности открыто молиться по-православному в храме, то в Изе и Великих Лучках – главных центрах великого возрождения Православия должны были в частных жилищах открыться моленные дома для постоянных собраний православного народа. В Изе дом должен был открыться у Михаила Симулика; в Великих Лучках – у Григория Рубиша – главного борца за веру в своем селе. Возможность постоянно собираться, читать православную литературу вслух, делиться, советоваться, молиться сообща – это было качественно новым этапом в возвращении и утверждении истинного христианства в Горней Руси.

Молитвенный дом в Изе очень помог Параскеве, впоследствии великой изской святой, преподобномученице, в схиме Нине. Хозяин дома приходился ей родным дя-

дей, и здесь она приняла решение стать монахиней.

Между тем безстрашие черногорского куруца-опришка в проповеди Православия привели к тому, что на Александра обратили внимание австро-венгерские жандармы. Его несколько раз вызывали на допросы и отпускали, не находя формального повода для ареста. Не так давно закончился Первый Мармарош-Сиготский процесс, православное движение постоянно усиливалось и распространялось в народе, так что власти были начеку. Поэтому на некоторое время проповедник, по совету друзей, вынужденно возвращается в родное село, но уже не может там долго находиться без постоянной борьбы за веру, без своих соратников, ставших родными людьми. Александр опять, несмотря на риск, возвращается в сердце Мараморыша, где проходят новые собрания православных.

Молитвенные дома не могли решить проблему отсутствия православного духовенства в крае. Хотя жители Изы и Великих Лучек имеют право ездить за требами в Мишкольц, так как официально добиваются присоединения к Сербской Церкви, но это доступно лишь самым зажиточным людям и также для большинства православных не может решить насущнейшего вопроса

о Таинствах. К тому же православных стало гораздо больше благодаря неустанной проповеди Александра и его духовных братьев. Вот почему именно ему и поручается во второй раз съездить в Россию, в Киев, и выхлопотать для народа хотя бы одного православного священника (о большем тогда гонимые православные русины и мечтать не смели). Александр с великой радостью берет на себя это труднейшее поручение.

Всего за один только год жизнь человека смогла так преобразиться! Даже имя теперь другое захотел носить избранник Божий, став из Алексея-Леся Александром. Раньше он думал о своей душе — теперь же он горел душою, страдая за весь свой народ, неся на себе его тяготы и испытания. Из одинокого богоискателя он превратился в духовного воина-защитника, неутомимо странствующего по краю для спасения народной души. Великий труд, великую ответственность он взял на себя, печась о своем народе с любовью, заботой и самоотверженностью многодетной матери.

Раньше он ехал в Россию для себя одного — теперь для всех. Задача перед ним стояла труднейшая — он должен был совершить то, чего до него не смогли достичь даже изяне своими объединенными усилиями, — привезти для страждущего народа

православного священника. Чего не могли добиться изыне от Сербской Церкви из-за специального запрета высшей австро-венгерской власти (самого императора Франца-Иосифа), то он надеялся теперь получить от православной России.

Шел 1906 год. Александр прибывает в Киев и, как неофициальный представитель всего православного карпаторусского народа Горней Руси Подкарпатской, добивается приема у архимандрита Амвросия – настоятеля Киево-Печерской Лавры. Попутно он очень близко общается с монашеской братией, и эти глубокие духовные беседы, вко-ренясь в душу, направят его по еще более узкому, тяжелому, ответственному и слав-ному пути, – пути монашескому.

Архимандрит Амвросий выслушивает его рассказ о великом возрождении Пра-вославия, о насущнейшей необходимости для народа в постоянном православном священнике внимательно, с явным добро-желанием и даже, тронутый страданиями православных на Карпатах, их просьбой о помощи, устраивает печальнику народному встречу с самим митрополитом киевским Флавионом – членом Священного Синода Русской Церкви.

Окрыленный этим успехом, в радостней-шем настроении, с разгоревшимися надеж-

Киево-Печерская Лавра

дами идет Александр на прием к архиерею. Митрополит высказал сочувствие, но не захотел взять на себя никакой ответственности в деле, имеющем международное значение и политический характер. Поэтому он просто перенаправляет карпаторусского посланника к владыке Антонию (Храповицкому) в Житомир, зная, что тот принимает близко к сердцу дела и прикарпатских и подкарпатских карпаторуссов и этот вопрос может ему показаться интересным.

Александр не застал владыку Антония в Житомире и принял для себя важнейшее решение, еще более изменившее его судьбу. Это решение он выстрадал за время все-

го своего второго пребывания в России и с ним вернулся домой. Это решение созрело в нем от глубочайшего понимания сразу нескольких, очень важных для него духовно вещей.

Во-первых: между Россией и Подкарпатьем лежит огромная, почти непроходимая пропасть, это два полюса Руси: полюс крайнего величия и процветания и полюс крайнего унижения и обездоленности. Совместить эти два полюса невероятно трудно. Если выходец из Подкарпатья сможет прекрасно себя почувствовать в великой православной державе, то как себя будет чувствовать в Подкарпатье, среди гонений, священник из России, ненавидимый австро-венгерскими властями?

Во-вторых, это дело не только чисто церковное, но и политическое, и отнюдь не каждый архиерей, даже при большом сочувствии и желании оказать помощь, способен взять на себя ответственность за поступок, который может вызвать международный конфликт. Россия и Австро-Венгрия — две совершенно разные империи, и вмешательство одной империи в дела другой может вызвать непредсказуемую реакцию.

В-третьих, какой смысл искать священника, когда им можно стать самому, исполнив волю старца Аркадия, и действительно

послужить Богу и народу в монашестве и священстве?

Вот к чему в конце концов пришел борец за веру. Поэтому он не стал больше искать встречи с архиереями, а решил поскорее вернуться в Подкарпатье, чтобы православная соборная община поддержала его решение.

Если из первого своего путешествия в Россию он возвращается православным миссионером-проповедником, то из второго путешествия он возвращается уже монахом в душе.

Его ходатайство за Подкарпатскую Русь потерпело неудачу, но он понимает, что это произошло неспроста, по воле Божьей, что именно он сам, и никто другой, должен стать тем самым первым карпаторусским священником, который через все преграды будет нести родному страждущему народу свет возобновленного в Подкарпатье истинного христианства. Эта мысль отныне будет с ним неразлучна, она заставит его отречься не просто от прежней жизни, а от всего мира, кроме святой веры, дающей людям жизнь вечную в Царстве Божьем.

Не застав владыку Житомирского, Александр, однако, не может миновать Почаев по пути домой, и эта великая русская святыня потрясает его. Теперь уже не так в

Киев так рвется его душа, как сюда — к горе Божьей Матери. Здесь он хочет получить Божье благословение на монашество и священнослужение. Об этой святыне, где, как нигде в Руси, чувствуется присутствие Божьей Матери, он расскажет своим духовным братьям на родине. Уже не на Киев, а на эту святыню он будет надеяться. Сюда теперь будет стремиться его душа. В короткое время камень со стопочкой Пречистой и святой водой, струящейся из нее, великая чудотворная икона, спускаемая на лентах с иконостаса, нетленные мощи святого Иова Почаевского с теплыми живыми открытыми кистями благословенных рук его, его колодец, скит — все становится родным и близким. Эта вознесшаяся среди равнин святая гора напоминает ему родные Карпаты — кусочек родины в России, у самой границы с Австро-Венгрией.

Как и в прошлый раз, он приносит книги для людей, изголодавшихся по пище духовной. Еще более воодушевленный и вдохновленный, чем в прошлый раз, он идет на свою вторую проповедь к обездоленному народу. Поскольку это второе пребывание в России было достаточно кратким, то у великого карпаторусского проповедника остается еще впереди целое лето, чем он и старается воспользоваться: на этот раз он

*Почаев. Одновременное причащение
более двенадцати тысяч человек из семи чаш*

проповедует непрерывно, методично и целенаправленно, стараясь охватить как можно больше сел. За все теплое время ему удастся пройти от своего родного Ясиня на крайнем северо-востоке Мараморыша до Березного в верховьях реки Ужа — в горах к северу от Ужгорода. Эта долгая встреча с душой народной наполняла его великой радостью, ибо он увидел воочию, что проповеднические труды православных приносят великие плоды: Православие и русскость крепнут, находясь в неразрывной связи — народ думает, поднимается, возрождается.

Желание Александра стать священномонахом для служения Богу и народу во вре-

мя его второй проповеди возрастает неизмеримо — он уже без этого не мыслит своей будущей жизни. Но разум Церкви — соборный разум, и для Александра теперь было особенно важным соборное решение православных общин края. А оно последовало незамедлительно, так как сразу после его возвращения из России он должен был отчитаться в своей миссии перед всеми православными людьми в крае — ни больше ни меньше. Новое тайное собрание состоялось в Билках на Иршавщине в доме Бирова и решило послать Александра Кабалюка на следующий год уже не в Киев, а в Почаев, и не одного, как раньше, а вместе с его земляком из Ясиня, Яковом Борканюком.

В решении собора православных общин Подкарпатской Руси отразились две мысли, говорящие, что ситуация изменилась.

Во-первых, Александр сумел донести до слушателей свой опыт и мнение, что встречается на пути обретения священника целый ряд определенных трудностей; что не все так просто, как представлялось ранее, и не всякий русский архиерей в силах решить эту проблему, так как она носит характер международный и политический.

Во-вторых, он сумел убедить народ, что самый лучший вариант, если священником станет не пришлый человек, а кто-нибудь

из своих, знающий хорошо край, понимающий разные диалекты, уже имеющий опыт проповеди, испытанный, ориентирующийся в политической ситуации в крае, в местности, в народных обычаях и привычках, невзыскательный в быту и т.д., — человек, плоть от плоти и кость от кости Подкарпатья.

Но эта последняя мысль таила в себе возможность для ревности и неуверенности. Если бы приехал священник из России, то все русины были бы пред ним равны, народ бы относился к нему с особым почтением и благоговением, как к благословенному посланнику великой православной России. Конечно же, другое отношение было бы к недавно перешедшему из унии земляку, выбившемуся в православные священники перед прочими, не менее достойными этого людьми, уже принявшими за святую веру многие муки.

Исходя из этого противоречия, собрание не могло дать однозначного решения по этому поводу и должно было положиться на волю Божию. В этом причина того, что Александр был направлен в Россию уже не один, как раньше. Неудача его миссии при поспешном возвращении домой могла навести на мысль, что он намеренно не исчерпал все возможности для получения

священника из России, не пошел до конца в этом, имея в виду личную цель самому стать первым православным священником Подкарпатской Руси.

Однако Александру удалось убедить собор в том, что именно в Почаеве и у владыки Антония можно реально решить вопрос со священником. Почаев находится у самой границы с Австро-Венгрией, и поэтому здесь лучше всего понимают и тяжесть положения, и нужды православных русинов в немецко-мадьярской империи.

Особенно напряжены на соборе были верники* общин Изы и Великих Лучек — они ранее всех остальных перешли в Православие, сумели это сделать официально и даже присоединились к приходам Сербской Церкви, в то время как Александр еще формально оставался униатом. Люди отказывались от навязываемых униатских треб. Целое поколение некрещеных детей, десятки невенчанных браков — церковная жизнь этих двух больших сел нуждалась в священнике острее всех других общин края. Эти села, в особенности Иза, пострадали больше других от гонений, и их голос на соборе был самым весомым.

---

* Верники — карпаторусское и сербское название верующих, верных.

В случае очередной неудачи долгожданное обретение священника опять откладывалось на неопределенно долгий срок. Поэтому Александр, вместе со своим спутником, в следующем году отправился в Россию в очень большом духовном напряжении, с оглядкой на мнение собора православных общин, не имея возможности решать важнейший вопрос о священнике самостоятельно, без утверждения собора.

В 1907 году, по постановлению собора православных общин Подкарпатья, Александр в третий раз посещает Россию – уже не один, а с Яковом Борканюком, и едет не в Киев, а сразу в Почаев.

В Почаеве им удалось встретиться с владыкой Антонием, который настолько живо заинтересовался их вопросом, что сразу, без долгих раздумий, предложил Александру остаться в Почаеве, обещая в скорейшие сроки его постричь, рукоположить и уже в сане иеромонаха отправить на родину. Если бы это предложение состоялось в прошлое, второе посещение Александром России, то он, скорее всего, согласился бы без особого раздумья. Но теперь этот вопрос был взят под жесткий контроль собора общин и решить его самостоятельно уже было невозможно.

*Митрополит Антоний (Храповицкий).
С картины М.В. Нестерова*

Вот потому-то, в ответ на это небывало удобное, желанное сердцу предложение Александр вынужден был ответить, что сейчас он не может этого сделать, так как на родине ждут его немедленного возвращения. Владыка Антоний отпустил его обратно лишь под условием, что через год он приедет и поступит согласно воле архиерея, оставшись в Почаеве.

С благословением русского архиерея, с новыми духовными книгами возвращается проповедник в родимый край вместе со своим спутником. Душа его получила новый, неожиданный духовный урок. Он

понял, что действительно не имеет права самостоятельно, не зная определенно воли Божьей, без решения соборного разума становиться иеромонахом. Теперь, когда возжеленная цель была так близка, он понял, что к его проповедям незримо подмешалась духовная гордыня, что слишком головокружительно он прошел путь от грешника до проповедника истинного христианства, до всеми уважаемого ходатая за целый край. Он понял, что одного рвения к монашеству и священству мало, чтобы действительно стать достойным иеромонахом, что в духовной жизни для него еще слишком много предстоит прочесть и распознать, чтобы удостоиться столь великой чести от Бога. Исходя из всего этого, он смирился и отказался от столь почетного предложения русского архиерея, понимая, что пока еще не готов и недостойн. На нем сбылись слова святых отцов о том, что гордого человека, стремительно восходящего на небо, необходимо остановить за руку; а смиренному, спускающемуся во ад, — не препятствовать.

Очень быстро, пробыв в России совсем немного, Александр Кабалюк и Яков Борканюк возвращаются обратно. Александр отчитывается в своей миссии перед православным собором и говорит о предложении

владыки Антония. Собор не благословляет, о чем и подумал заранее проповедник, отказываясь от этого предложения, несмотря на горячую настойчивость епископа. Православные все-таки хотели своего священника, а не новообращенного униата.

Зато собор постановил послать его в следующем году на Святую Гору Афонскую за святынями. Вообще следует заметить, что такие ежегодные, ставшие уже обычными, поручения с разъездами по другим странам поручались Александру Кабалюку потому, что он не был обременен семьей, в отличие от других православных, и не имел уже никаких мирских обязательств, приковывающих его к одному-единственному месту. Также ему давали такие поручения из-за его особой энергичности и выносливости, деятельного и бойкого характера и, в особенности, из-за горячего рвения послужить на пользу Православию.

Именно его смирение перед Богом, осознание своей немоги и последующее вслед за этим решение собора послужат тому, что в следующем, 1908 году он испытает неошутимую им никогда прежде величайшую милость Божью и вступит уже на прямой путь к монашеству и священству, обретя особое Божье благословение для своего края.

ПРИНЯТИЕ ПРАВОСЛАВИЯ И БОЖИЕГО БЛАГОСЛОВЕНИЯ НА СВЯТОЙ ГОРЕ

Глава из книги

*«Повесть об обращении и присоединении на Афоне
Угоруруса униата в Православие и о Русских,
о Православии, об унии в Прикарпатской
подъяремной Руси прежде и теперь»*

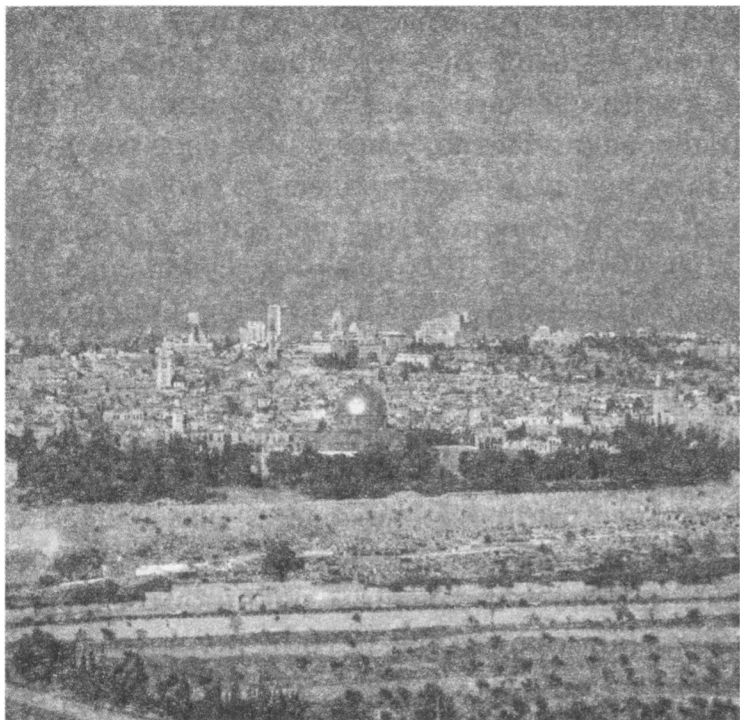
Так было predetermined Богом, чтобы возвращение Александра Кабалюка в святую веру предков своих последовало после соприкосновения с земной жизнью Спасителя на Святой Земле. Сам Господь благословлял таким образом Своего служителя на подвиг ради спасения многих душ. На Святой Земле и Святой Горе наступает переломный момент во всем житии святого. Все, что происходило до этого с ним, стремилось к этому великому событию — возвращению в истинное христианство, к этой великой благодати Божьей в месте основа-

ния Церкви Христовой и в столице мужского монашества. Все, что происходило потом в житии святого — все это подвижничество и исповедничество, — получило свое великое благословение именно здесь, в это время.

Алексий давно хотел посетить и Святую Землю и Афон. Его душа чувствовала, что духовные оковы унии, которые насильно надели на его предков, еще каким-то образом держат его, еще какие-то сомнения временами просыпаются в душе. Он понимал, что, оторванный от живой православной традиции, он еще очень мало знает о Православии. Именно поэтому он так жаждал припасть к древним родникам чистого христианства, чтобы истина полностью открылась ему.

Из этих святых мест он также хочет привезти святыни своему страждущему народу, которые могли бы утешить сердца, истомленные духовной жаждой. Здесь, на Святой Земле и Святой Горе, в нем окончательно побеждает Православие и он становится святым Алексием — несокрушимым воином Христовым, при упоминании одного имени которого будут трястись в бессильной злобе враги Церкви и возликуют верники.

Именно этому важнейшему времени в житии святого и посвящена первая книга, изданная в России о возрождающемся

Иерусалим

Православии в Подкарпатской Руси, написанная на Афоне, подготовленная в печати в Оптиной пустыни и напечатанная в Шамордино в 1913 году, — «Повесть об обращении и присоединении на Афоне Угрорусса униата в Православие и о Русских, о Православии, об унии в Прикарпатской подъяремной Руси прежде и теперь».

Книгу написал непосредственный очевидец этого важнейшего события — возвраще-

нія в Православіе святогорскій инок из Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне Денасій; и поэтому, чтобы не пересказывать своими словами речь свидѣтеля, предоставим слово ему самому.

«Въ Русскомъ на Афоне Пантелеимоновомъ монастыре въ числѣ братіи есть русскій монахъ Варухъ, уроженецъ Венгріи, бывшій уніатъ и принявшій православіе въ Кіеве въ Софійскомъ кафедральномъ соборѣ. Отецъ Варухъ очень ревнуетъ о возвращеніи своихъ земляковъ — угрорусскихъ уніатовъ въ Православіе. Онъ завелъ кое съ кемъ изъ нихъ переписку. Узналъ объ этомъ Александръ Кабалюкъ, досталъ его адресъ и написалъ ему письмо на Афонъ съ запросомъ: какимъ путемъ лучше пріѣхать на святую Афонскую гору? Къ великой радости онъ получилъ ответъ и немедленно порешилъ ехать. Поехалъ онъ черезъ Россію и Одессу. Сначала проехалъ онъ въ Іерусалимъ, где съ глубокимъ благоговѣніемъ поклонялся Живоносному Гробу Господню и другимъ святымъ местамъ, усердно моля Господа о просвещеніи и спасеніи души своей.

Въ Іерусалимѣ онъ исповедовался у русскаго православнаго іеромонаха и вместе съ русскими православными паломниками пріобщался Святыхъ Таинъ Тѣла и

Крови Христовыхъ въ храмѣ Воскресенія Христова.

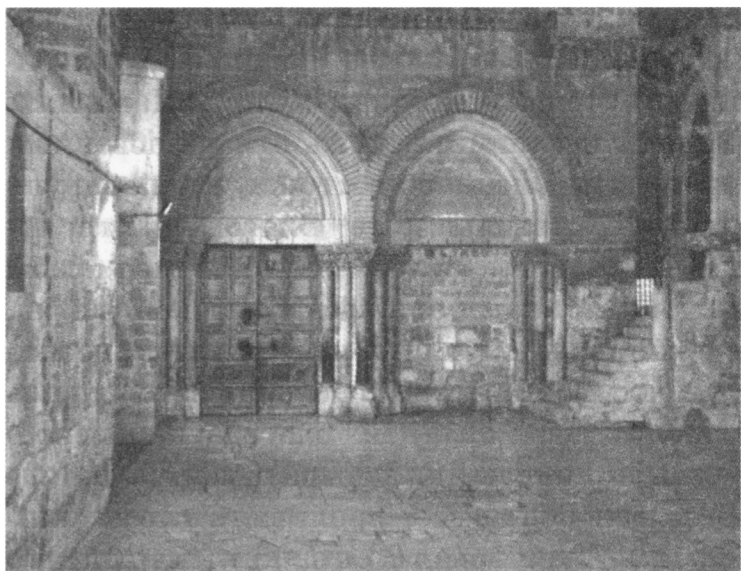
Надобно сказать, что онъ уже несколько летъ передъ этимъ бывалъ на исповеди и приобщался въ г. Сочаве при святыхъ благодатныхъ мощахъ святаго великомученика Іоанна Новаго, пострадавшаго за православно-христіанскую веру въ 1492 году, по наветамъ франка, то есть европейца-католика*.

Въ Іерусалимѣ Александръ Кабалюкъ съ удивленіемъ узналъ, что на Гробѣ Господнемъ совершаются ежедневно литургіи и греками, и католиками, и армянами, но уніатами никогда не совершаются и имъ не дозволяются. Въ другихъ местахъ Іерусалима и по всей Святой Земле есть христіанскія церкви и другихъ разныхъ исповеданій, но уніатской нѣтъ ни одной. „Что же это за такая, — думалъ онъ, — уніатская вера?“ И еще больше сталъ чувствовать къ ней отвращеніе и более располагаться къ истинной Православной Восточной Церкви.

Виделъ онъ, какъ небесный Благодатный огонь въ Великую Субботу получается Православнымъ греческимъ патріархомъ... Ви-

---

* Въ Сочаве у св. Іоанна ежегодно исповедуются и причащаются Святыхъ Христовыхъ Таинъ многія тысячи русскихъ уніатовъ изъ Венгріи и изъ разныхъ местъ Австріи.

Храм Гроба Господня

делъ онъ, какъ тушили все огни у Гроба Господня и въ храме Воскресенія Христова, какъ турецкая стража тщательно все это осмотрела, а потомъ и самого патріарха, были заперты церковныя двери и лишь после всего этого впустили греческаго православнаго патріарха, одетаго въ одномъ подризнике, въ кувуклію Гроба Господня... Виделъ онъ, какая после этого настала тишина, съ какимъ трепетомъ все просили у Господа Бога Вседержителя и ожидали милости Божіей... Благодатнаго небеснаго огня, по слезнымъ — въ эти священныя минуты — молитвамъ предъ самымъ

Живопріємнымъ Гробомъ Господнимъ греческаго Православнаго патріарха, святѣйшаго и блаженнейшаго Киръ Даміана... Видель и запомнилъ онъ эти незабвенныя минуты священнаго восторга, когда вдругъ патріархъ вышелъ съ Благодатнымъ огнемъ, и все православные и особенно арабы мгновенно, какъ отъ электрической искры, словно вспыхнули и исполнились неописуемаго восторга... Мгновенно весь храмъ исполнился истинной благодати, неизреченнаго ликованія, невыразимой радости... Все, или почти все, проливали слезы умиленія... Чувствовалъ онъ, какъ сердце его бьется отъ радости, а слезы умиленія ручьями льются у него изъ глазъ. Зажегъ онъ и свой пукъ изъ 33 свечей... Видель онъ, какъ другіе какъ бы помазываются этимъ огнемъ, и онъ самъ своими руками трогалъ этотъ огонь, — и огонь ничуть не опалялъ, — водилъ этимъ огромнымъ пучкомъ огня по лицу, по бороде, влагалъ его въ раскрытую грудь къ персямъ, наконецъ, въ уста... И, о великое чудо! Огонь этотъ ничуть не опалялъ.

Впрочемъ, такая неопалимость этого Благодатнаго огня бываетъ только въ первыя минуты... Затемъ онъ делается естественнымъ, обыкновеннымъ. И то — великое чудо, что при невыразимой тесноте въ это вре-

мя въ храмѣ, когда въ немъ собирается и бываетъ несколько тысячъ человекъ и буквально целое море огня, никогда не бывало и не бываетъ отъ него несчастія.

Все это распаляло желаніе Кабалюка все-непременно и скорее быть и стать чадомъ Святой Православной Восточной Церкви.

После Святой Пасхи онъ выехалъ изъ Іерусалима и прибылъ на Афонъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Здесь увиделся съ своимъ знакомымъ пріятелемъ отцемъ Варухомъ. Черезъ немного дней онъ подалъ письменное прошеніе на имя игумена (настоятеля) монастыря, отца архимандрита Мисаила. Въ этомъ прошеніи онъ, кратко объясняя о своемъ давнемъ стремленіи къ Православію, усердно просилъ присоединить его къ Святой Православной Восточной Церкви.

Замечательно, что, какъ въ 1596 году русскіе въ Угорщине не остались безучастными къ замышленной тогда некоторыми русскими православными епископами въ тогдашнемъ польско-литовскомъ королевствѣ „уніи” съ Римомъ и подчиненіи Русской Православной Церкви вместо Святейшаго Константинопольскаго Патріарха мнимо безгрешному Римскому патріарху-папе, обратились за содействіемъ на Афонъ и поручили Русскому Афонскому Пантелеимонову

монастырю послать туда представителемъ отъ Русской Православной Церкви въ Угорщине архимандрита Матвея, для противодействія уніи, — такъ и ныне русскіе въ Угорщине послали одного изъ своихъ, отрекшагося отъ уніи и всесердечно преданнаго святому Православію, на Святую Афонскую гору, и именно въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, для принятія имъ здесь Православія и потомъ озаренія имъ — Православіемъ — всей Угорской Руси и просвещенія Угрорусскаго народа светомъ единоспасительной Веры святой и истинно Православной Восточной Церкви.

Изъ этого ясно видно, что и тогда — назадъ тому триста летъ с лишкомъ — было духовное общеніе между Русскою Православною Церковью въ Угорщине и Русскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ на Афоне. Если и ныне сообщенія изъ Угорщины на Афоне очень нелегкія, то тогда, когда не было ни почты, ни пароходовъ, такія сообщенія требовали весьма много времени, большихъ расходовъ и чрезвычайныхъ трудовъ и многихъ опасностей... Но все это препобеждалось — ради преданности святому Православію Восточной Церкви...

Отецъ архимандритъ Мисаилъ весьма сочувственно отнесся къ этой просьбе. Но такъ какъ такой случай, и именно возсоеди-

неніе уніата, былъ первый въ святой обители, то на первыхъ же порахъ встретились недоразуменія: какимъ чиномъ присоединять? Некоторые говорили, что необходимо вторымъ чиномъ, то есть чрезъ покаяніе, отреченіе отъ (прежнихъ) заблужденій, миропомазаніе и приобщеніе Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

Для разрешенія недоуменій были сделаны запросы въ Холмъ и Минскъ. Чрезъ немного дней после этого прибылъ на Афонъ и остановился въ обители преосвященный Евдокимъ, ректоръ Московской духовной академіи, епископъ Волоколамскій, а въ числе многихъ спутниковъ его — бывший воспитанникъ той же академіи, іеромонахъ Сергій, изъ Яблочинскаго Свято-Онуфріева монастыря Холмской епархіи.

На запросъ объ этомъ деле къ преосвященному онъ, при участіи и разъясненіи отца Сергія, благословилъ совершить присоединеніе третьимъ чиномъ, то есть безъ миропомазанія, такъ какъ уніаты принимаютъ Таинство миропомазанія по-православному, то есть въ младенчестве, тотчасъ же по совершеніи крещенія; католики же отлагаютъ совершеніе миропомазанія до зрелаго возраста. При этомъ Александръ Каблюкъ пожелалъ лично получить благословеніе отъ русскаго православнаго архіерея.

Преосвященный Евдокимъ благословилъ его, ставшаго предъ нимъ на колена, сказалъ ему несколько словъ въ ободреніе, назиданіе и утешеніе, присовокупивъ, что предки его русскіе въ Венгріи были православные и чтобы онъ по принятии Православія остался навсегда вернымъ и преданнымъ Святой Восточной Церкви. Преосвященный попросилъ бывшаго при этомъ отца архимандрита Мисаила, когда совершится присоединеніе, то отъ его бы имени возложить на присоединеннаго святой крестъ. Когда потомъ по отъезде преосвященнаго со спутниками было положено приступить къ делу, то встретилося другое недоуменіе, какъ присоединять: по требнику ли: „По чину, како пріимати къ православной вере приходящихъ, иже измлада и воспитани быша вне Православная Церкви, крещеніе же истинное имущихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“, или же по „Книге чиновъ присоединения къ Православной Церкви“, изданной святейшимъ Россійскимъ Синодомъ въ 1895 году, и именно по чину „како пріимати приходящихъ ко православной Церкви отъ римско-латинскаго вероисповеданія“. По этой причине было отложено присоединение до полученія ответовъ изъ Холма или изъ Минска, которые вскоре и были получены.

Второй список иконы «Акафистная-Предвозвестительница» — дар святого Алексия монастырю Домбоки

Изъ Холма былъ ответъ отъ имени преосвященнаго Владимира, епископа Белостокскаго, управляющаго Холмской епархіей: „Уніатовъ следуетъ принимать третьимъ чиномъ, то есть чрезъ покаяніе, отреченіе* и Пріобщеніе”. Изъ Минска самъ преосвященный Михаилъ писалъ: „Унія установлена

---

* Чрезъ какое же и отъ чего именно отречение, не объяснено. Особаго чина для воссоединения уніатовъ нетъ нигде. Отъ чего же и по какому чину требовать отъ нихъ отречения — кто знаетъ?

для уловленія православныхъ въ католичество, она переходный мостъ отъ Православія въ латинство; сначала уніатамъ оставляють все православное, только требуется признаніе главенства папы римскаго и подчиненность ему. Но затемъ уніатамъ постепенно прививаютъ католическую обрядность и догматику, вытесняя православную, и тогда уніатъ мало разнится отъ католика. Если обращается въ Православіе уніатъ перваго вида, то принимать его следуетъ какъ почти православнаго, чрезъ Таинство покаянія, потребовавъ отреченія отъ уніатскаго заблужденія. Уніатовъ второго вида я принималъ бы въ Православную Церковь какъ приходящихъ отъ католичества, по известному чину. Таково мое мненіе. При массовомъ воссоединеніи уніатовъ съ православными въ тридцатыхъ и шестидесятыхъ годахъ въ нашихъ пределахъ отъ уніатовъ отбиралась подписка о добровольномъ соединеніи съ православными, затемъ они шли въ Православную Церковь, исповедовались, причащались, и темъ актъ присоединенія оканчивался”.

По обсужденіи обоихъ ответовъ было решено совершить присоединеніе „по чину приходящихъ отъ римско-латинскаго вероисповеданія”.

*Игумен Русского Свято-Пантелеимонова монастыря
на Афоне архимандрит Мисаил*

Во время утрени, 8 іюля, Александръ Кабалюкъ исповедовался у отца архимандрита Мисаила, какъ настоятеля и вместе старейшаго духовника обители. Разрешительная молитва не была ему прочитана, такъ какъ таковая „по чину” читается, и разрешение, то есть отпущеніе греховъ прежде содеянныхъ, подается при самомъ окончаніи чина присоединенія, уже по воссоединении съ Православною Церковью.

Божественную литургію въ этотъ день отецъ игуменъ пожелалъ совершить соборне въ Покровскомъ соборномъ храме. Звонъ къ литургіи былъ полный, по праздничному.

После второго трезвона „во вся” отецъ архимандритъ Мисаилъ въ полномъ светло-серебряномъ облаченіи и въ митре вышелъ черезъ царскія врата изъ алтаря въ притворъ. За нимъ вышли шесть старейшихъ іеромонаховъ и два іеродіакона, въ такихъ же светло-серебряныхъ облаченіяхъ, и два экклесіарха въ мантияхъ съ возжженными свечами въ подсвечникахъ.

Въ притворе стоялъ желающій возсоединенія Александръ Ивановичъ Кабалюкъ, съ благоговеніемъ сложивъ на груди крестообразно руки. Отецъ архимандритъ, знаменавъ себя съ благоговеніемъ крестнымъ знаменіемъ, обратился къ нему, громко и съ чувствомъ вопрошая: „Хощеши ли отрещися отъ погрешеній и неправостей римско-латинскаго исповеданія?”

Возсоединенный твердо отвечалъ: „Хощу”.

„Хощеши ли прійти въ соединеніе веры православно-кафолическія?”

Ответъ: „Хощу”.

Архимандритъ, благословивъ его, произнесъ: „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь”. И, возложивъ руку на преклоненную главу его, іеродіакону рекшу: „Господу помолимся”, и клиру: „Господи, помилуй”, прочиталъ молитву сію: „Господи Боже истины, призри на раба Твоего

Александра*, ищущаго прибегнути ко Святой Твоей Православной Церкви и подъ кровомъ ея сохранитися. Обрати его отъ заблужденія прежняго пути его ко истинней, яже въ Тя вере, и подаждь ему благодать, еже ходити въ заповедехъ Твоихъ. Да будутъ очи Твои взирающе на него милостию выну и уши Твои, еже слышати гласъ моленія его, и тако да сопричтется ко избранному Твоему стаду. Тя бо поють вся вся Силы небесныя, и Твоя есть слава, Отца, и Сына, и Святаго Духа, во веки вековъ. Аминь”.

После этой молитвы отецъ архимандритъ продолжал вопрошалъ пріемлемаго: „Отрицаешися ли: отъ неправаго ученія, аки бы для изображенія догмата о исхождении Святаго Духа не довлеетъ Самого Христа Спасителя изреченіе: *Иже отъ Отца исходите*, и аки бы потребно къ сему слову Христову прибавлена: и отъ Сына?”.

Ответъ: „Отрицаюсь”.

„Отрицаешися ли отъ неправаго мненія, аки бы не довлеетъ исповедовати главою Вселенскія Церкви Господа нашего Іисуса Христа, и аки бы глава всея Церкви есть римскій епископъ?”

---

* Возсоединяемый получалъ то же имя, только определенно — въ честь святаго благовернаго великаго князя Александра Невского.

Ответъ: „Отрицаюся”.

„Отрицаеши ли отъ неправого мненія, аки бы святїи Апостоли неравную власть духовную получиша отъ Господа нашего Іисуса Христа, но княземъ ихъ бѣше святыи Апостолъ Петръ, и аки бы единъ римскій епископъ есть преемникъ его, и аки бы не суть равни римскому епископу преемницы апостольстїи, епископи: Іерусалимскій, Антіохійскій, Александрійскій и друзїи?”

Отвечалъ: „Отрицаюся”.

„Отступаеши ли отъ согласія съ теми, иже римскаго папу мнятъ высша быти вселенскихъ соборовъ и непогрешима?”

Отвечалъ: „Отступаю отъ такового мненія”.

„Отрицаеши ли прочихъ ученій латинскаго вероисповеданія, древнихъ и новыхъ, яже слову Божію, истинному преданію церковному и определеніямъ седми вселенскихъ соборовъ противна суть?”

Отвечалъ: „Отрицаюся”.

„Желаеши ли убо соединитися Свѣтой, Православней, Кафоличестей Восточней Церкви?”

Отвечалъ: „Желаю отъ всего моего сердца”.

„Веруеши ли и како во Единого Бога, въ Троице славимаго, и поклоняеши ли Ему?”

Отвечалъ: „Верую во Единого Бога, въ Троице славимаго, Отца, и Сына, и Свята-

го Духа и поклоняюся Ему". И, сотворивъ земной поклонъ, возсоединяемый прочиталъ Символь веры.

После сего отецъ архимандритъ произнесъ: „Благословенъ Богъ, просвещающій всякаго человека, грядущаго въ міръ”.

И снова вопрошалъ: „Правила апостольская и на седми вселенскихъ и девяти поместныхъ соборахъ утвержденная, и прочая Православныя Церкви преданія и уставы приемиши ли?”

Отвечалъ: „Приемлю”.

„Исповедуеши ли, яко книги Божественнаго Писанія по разуменію, еже содержитъ о оныхъ Православная Церковь, приимати и толковати подобаетъ?”

Отвечалъ: „Исповедую”.

„Приемиши ли и сіе, яко седмъ таинствъ, отъ Христа Господа уставленная, долженствуютъ быти совершаема по чину Православныя Церкви, а не инако вернымъ преподаваема?”

Отвечалъ: „Приемлю и изъявляю, яко тако надлежитъ быти”.

„Веруеши ли, яко душамъ преставльшихся не огнь чистилищный что пользуетъ, иже не существуетъ, но великую ослабу и отраду приносятъ милостыни и молитвы за нихъ, паче же Безкровная Жертва?”

Отвечалъ: „Верую и приемлю”.

„Исповедуеши ли, яко Церкви Православно-Кафоличестей глава есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и поставляемымъ отъ Духа Святаго пастыремъ обещаеши ли нелицемерное послушаніе?”

Отвечалъ: „Исповедую и пастыремъ Церкви Православныя повиноватися обещаю”.

После сего отецъ архимандритъ подалъ воссоединяемому конецъ епитрахили и произнесъ: „Вниди въ Церковь Православную и, совершенно отринувъ заблужденія, въ нихъ же былъ еси, чти Отца Вседержителя, Сына Его Іисуса Христа и Духа Святаго, Иже отъ Отца исходитъ, Троицу Единосущную и Нераздельную”.

И тако введъ, поставилъ его предъ амвономъ, где на особомъ аналогіи положены были Крестъ и Евангеліе. Идущимъ же имъ, певчіе весьма сладкогласно и умирительно пели псаломъ 66: „Боже, ущедри ны и благослови ны, просвети лице Твое на ны и помилуй ны: познати на земли путь Твой, во всехъ языцехъ спасеніе Твое. Да исповедятся Тебе людіе Боже: да исповедятся Тебе людіе вси. Да возвеселятся и да возрадуются языцы: яко судиши людемъ правотою и языки на земли наставиши. Да исповедятся Тебе людіе, Боже, да исповедятся тебе людіе вси. Земля даде плодъ свой: благослови ны,

Боже, Боже нашъ, благослови ны, Боже: и да убоятся Его вси концы земли”.

Засимъ отецъ архимандритъ повелелъ ему преклонить колена и самъ отчетливо и молитвенно произнесъ следующие стихи:

„Посли Духъ Твой, и созиждутся и обновиши лице земли”.

„Спаси раба Твоего, Боже мой, уповающего на Тя”.

„Буди ему, Господи, столпъ крепости отъ лица вражія”.

„Господи, услыши молитву мою, и вопль мой къ Тебе да прійдетъ”.

По произнесеніи сего, іеродіакону вогласившу: „Господу помолимся”, а клиру: „Господи, помилуй”, отецъ архимандритъ прочиталъ следующую молитву: „Господи Боже Вседержителю, согрешающимъ образы покаянія предлагаяй и заблудшимъ путь правый показуяй, во еже бы ни единому погибнути, но всемъ мощно бе спастися. Благодаримъ Тя, яко и сему рабу Твоему Александру возсіалъ еси светъ познанія Твоея истины, и сподобилъ еси его ко Святѣй Твоей Православно-Кафоличестей Церкви прибегнути. Дажь убо ему соединитися с ней нелицемерно и невозвратно: сопричти его избранному Твоему стаду: сотвори его сосудъ честенъ и жилище Святаго Твоего Духа, яко да Темъ всегда просвещаемъ и

наставляемъ, спасительныя заповеди Твоя
нерушимо соблюдать и тако небесныхъ
Твоихъ благихъ воспріятія сподобится. Ты
бо еси Богъ милости и щедротъ и человеко-
любія, и всемъ человекомъ хощеши спасти-
ся, и Тебе славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну,
и Святому Духу, ныне и присно и во веки
вековъ. Аминь”.

По молитве архимандритъ, повелевъ ему
востать, произнесъ:

„Стани добре, стани со страхомъ и предъ
Евангеліемъ и святымъ Крестомъ утверди
данное тобою обещаніе”.

Возсоединяемый всталъ съ коленъ и про-
изнесъ: „Веру Православно-Кафолическую,
юже ныне добровольне исповедую, целу и
ненарушиму даже до конешаго моего изды-
ханія, Богу помогаюшу, твердо содержати
и заповеди ея радетельно и радостно испол-
няти потщуся, соблюдая въ непорочности,
елико мощно, сердце мое. Во увереніе се-
го моего обещанія целую Словеса и Крестъ
Спасителя моего. Аминь”.

По лобызаніи архимандритъ возгласилъ:
„Благословенъ Богъ, хотяй всемъ челове-
комъ спастися и въ разумъ истины пріити,
Сый благословенъ во веки”.

Клиръ: „Аминь”.

За симъ, обращаясь къ возсоединяемому,
архимандритъ произнесъ:

„Преклони колена твоя предъ Господемъ Богомъ, Егоже исповедалъ еси, и приимеши оставленіе греховъ твоихъ”.

Возсоединяемый преклонилъ колена и главу, и архимандритъ разрешилъ его, прочитавъ молитву:

„Господь нашъ Іисусъ Христосъ, ключи Царствія Небеснаго Апостоломъ вручивый и давый имъ и ихъ преемникомъ власть вязати и решити грехи человековъ, чрезъ мене, недостойнаго іерея, прощаетъ ты, чадо Александре, и разрешаетъ отъ связанія клятвеннаго, или запрещенія, и отъ всехъ греховъ твоихъ. И азъ, данною мне отъ Него властію, присоединяю ты ко Православней Церкви, и привожду ко общенію Божественныхъ таинствъ церковныхъ, и благословляю ты Именемъ Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь”.

После сего іеродіаконъ произнесъ сугубую эктению: 1) о Благочестивейшемъ, Самодержавнейшемъ, Великомъ Государе нашемъ Императоре Николае Александровиче всея Россіи, 2) о Супруге Его... о Матери Его... о Наследнике Его... и о всемъ Царствующемъ Доме, 3) о Святейшемъ Вселенскомъ Патріархе Іоакиме, о Святейшемъ Всероссійскомъ Синоде, о всечестнемъ отце нашемъ игумене (настоятеле) архимандрите Мисаиле со всею о Христе братіей,

4) о нововозсоединенномъ рабе Божіи Александре, о еже сохранену быти ему въ вере чистаго исповеданія во всякомъ благочестіи же и исполненіи заповедей Христовыхъ, во вся дни живота его... и о воспріемнике его...

Архимандритъ возгласилъ:

„Яко милостивъ и человеколюбецъ Богъ еси, и Тебе славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки вековъ”. Ликъ: „Аминь”. На симъ обычный отпустъ, и — воссоединеніе окончилось.

На колокольне раздался третій торжественный, какъ бы победно-благодарственный трезвонъ. Началось чтеніе часовъ, и литургія шла обыкновеннымъ порядкомъ. На великой и сугубой эктеніяхъ іеродіаконъ присоединилъ прошенія о нововозсоединенномъ рабе Божіемъ Александре. А отецъ архимандритъ помянулъ имя его на великомъ входе по Херувимской песни. Когда отверзлись царскія врата и отецъ іеродіаконъ возгласилъ: „Со страхомъ Божіимъ и верою приступите”, отецъ архимандритъ взялъ съ престола небольшой золотой крестикъ на сребро-позлащенной цепочке и, отъ имени преосвященнаго Евдокима и въ благословеніе отъ себя и отъ святой обители возложилъ оный на воссоединеннаго. Затемъ рабъ Божій Александръ былъ приобщенъ Святыхъ Таинъ Тела и Крови Христовыхъ,

„во оставленіе греховъ, во исцеленіе души и тела, и въ наследіе жизни вечныя со святыми”. По окончаніи литургіи былъ отслуженъ молебенъ Господу Богу Вседержителю, Пресвятой Богородице и святому великомученику и целителю Пантелеимону.

После общей братской трапезы и потомъ литій въ главномъ соборе Святого великомученика и целителя Пантелеимона отецъ архимандритъ Мисаилъ поздравлялъ Александра Ивановича съ воссоединеніемъ со Святой Православно-Кафолическою Восточною Церковію и вручилъ ему во благословеніе святую икону Божіей Матери „Акафистныя – Предвозвестительницы” съ надписью на обратной стороне такого содержания: „Сія святая икона Пресвятыя Богородицы подобіе видомъ и размеромъ чудотворной Афонской Зографскаго монастыря, именуемый „Акафистныя” и „Предвозвестительницы”, писана и освящена на Афоне и даруется отъ игумена русскаго на Афоне Пантелеимонова монастыря архимандрита Мисаила со всею о Христе братією нововоссоединившемуся во святой обители нашей съ Святою Восточною, Апостольскою, Кафолическою Православною Церковію, отныне духовному сыну нашему, рабу Божію Александру Кабалюку, жителю и подданному Австро-Венгріи, во благословеніе ему

отъ Святыя Горы Афонскія – земнаго Удела Царицы Небесныя и нашей священной обители во имя святаго и славнаго великомученика и целителя Пантелеимона, въ благодатную ему помощь отъ всякихъ бедъ, золъ и напастей отъ всехъ и на всехъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ и во укреплѣніе его въ торжественно данномъ имъ обещаніи быть вернымъ и послушнымъ даже до смерти Святой, Соборной, Апостольской, Православной, Восточной Церкви, ея же глава есть Всесвятый Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Аминь”.

Святая икона эта нарочито была написана на случай поднесенія ея во благословеніе по возсоединеніи Александру Ивановичу Кабалюку, и конечно не безъ причины и не безъ цели.

Икона эта, какъ въ начале помянутой надписи на ней сказано, есть подобіе и видомъ и мерою чудотворной этого наименованія. Подлинная находится въ Славяно-Болгарскомъ Зографскомъ Георгіевскомъ монастыре на Афоне и достопамятна въ исторіи борьбы афонцевъ, и именно славянскихъ, а также и другихъ иноковъ, за святое Православіе Восточной Церкви противъ нечестивыхъ замысловъ римскихъ епископовъ – папъ и даже при содействіи имъ самихъ греческихъ – царя и патріарха

„ради политическихъ нуждъ”, — лестію и дарами, огнемъ и мечомъ и всевозможными насиліями заманить и загнать въ ловушку святогорскихъ монаховъ, накинуть на нихъ петлю — унію — и подчинить Афонъ Риму, а монаховъ — папе, то есть признать ложь за истину, а заблужденія за правоту. Эта икона Богоматери есть, такъ сказать, явная латинъ Обличительница, а православныхъ Предвозвестительница, Покровительница и Защитительница*...

---

* Данная Александру Кабалюку — ныне іеромонаху Алексію — въ благословеніе святая икона Пресвятыя Богородицы „Акафистныя Предвозвестительницы” находится на его родине, въ селе Ясенѣ въ Угорщинѣ, въ его домашней церкви, или моленной комнате. Уже немало было поистине благодатныхъ отъ нея проявленій и чудныхъ исцеленій съ верою предъ нею молящихся къ Всеблагой Покровительнице рода христіанскаго. Такъ, одна женщина, страдавшая по временамъ, въ продолженіе 14 летъ припадками беснованія и потомъ два года особенно сильнымъ и почти непрерывнымъ, видела во сне икону Царицы Небесной, слышала отъ нея голосъ, повелевающій ей идти въ это село и въ этотъ домъ для полученія тамъ совершеннаго исцеленія. И когда она пришла въ его домъ и увидела святую икону Пресвятой Владычицы, то всплеснула руками, упала предъ нею на колена и залилась слезами: эту самую икону она видела во сне. Здесь она получила полное исцеленіе и возвратилась домой совершенно здоровою. О другихъ многихъ благодатныхъ проявленіяхъ теперь преждевременно говорить... Ежели Царице Небесной благоугодно прославить Свой Афонскій образъ — икону въ Угорской Руси, то Она и прославить, какъ и когда Сама благоизволить.

Земной уделъ Царицы Небесной подобенъ видимому нами небосклону, или поднебесью, сіяетъ многоразличными и многоблагодатными звездами — чудотворными и благодати причастными иконами Всепречистыя Владычицы Богородицы и святыхъ угодниковъ Божіихъ, непрестанно изливающими небесную благодать на всехъ смиренныхъ насельниковъ и благоговейныхъ посетителей Афона, по всей России, и по многимъ местамъ во всехъ странахъ света, то есть по всей вселенной, и красуется небесными согражданами и святыми на (сей горе Святей) просіявшими — святителями, мучениками, исповедниками и преподобными — этими земными ангелами и небесными человеками, Престолу Божію предстоящими и за весь міръ молящимися...

Въ числе одной изъ таковыхъ иконъ Богоматери на Афоне есть въ Зографскомъ монастыре небольшая икона Ея, называемая „Акафистною” и „Предвозвестительницею”, а въ числе святыхъ въ обители этой — 26 славныхъ исповедниковъ и страдальцевъ за святое Православіе Восточной Церкви. Съ этою иконою и съ этими мучениками сопряжено целое историческое событіе, къ которому тесно соприкасается другое. Оба знаменательны и исторически документально достоверны. Одно изъ нихъ можно оза-

главить: „Борьба афонцевъ противъ уніи съ Римомъ”, а второе — „Страданія афонцевъ за несогласіе на унію съ Римомъ”.

Прежде еще неудачныхъ следствій Флорентійскаго собора (въ 1439 году), и даже за все время отпаденія Западной церкви отъ Вселенской-Кафолической и отсеченія отъ нея Восточною Церковію, Западъ, въ лице своихъ гордыхъ, упрямыхъ и безгрешныхъ папъ, всяческими способами и средствами силился увлечь все более и более съ теченіемъ времени потрясаемую политическими обстоятельствами Византійскую имперію къ уніи Восточной Церкви съ Западною, то есть къ единенію, но подъ непременною условіемъ главенства римскихъ папъ... Самъ Византійскій императоръ Михайль VIII Палеологъ (1260—1282), вступившій на престолъ, или, вернее, похитившій его у своего предместника, законнаго наследника юнаго императора Іоанна IV Ласкариса (1259), котораго потомъ онъ (въ 1262 году) ослепилъ, — содействовалъ въ томъ Западу, во исполненіе своей клятвы, данной имъ чрезъ своего представителя на Ліонскомъ соборе (въ 1274 году) папе Григорію X (1271—1276). Властолюбивый похититель престола только чрезъ это соединеніе, или несчастную и гибельную унію съ Римомъ, надеялся при помощи папы отвлечь

намереніе западныхъ католическихъ государей снова идти для завоеванія Константинополя, 58 летъ передъ темъ бывшаго во владеніи латинянъ, и даже получить отъ нихъ военную помощь и этимъ спасти свою ослабевшую имперію отъ близко надвинувшихся турокъ, отъ соседственныхъ народовъ, отъ дикихъ воинственныхъ племенъ и отъ самихъ латинъ, на себе же удержать императорскую корону.

Въ 1273 году Палеологъ отправилъ почетное посольство къ папе въ Римъ изъ сторонниковъ „уніи“ для разсужденій объ условіяхъ уніи и заключенія уніи съ Римомъ. Хитрый Палеологъ еще съ папою Климентом IV (1265–1268) завелъ сношенія о соединеніи церквей. После смерти Климента въ періодъ около трехъ летъ между папства поддерживалъ ихъ съ кардиналами — блюстителями папскаго престола и по восшествіи на престолъ Григорія X возобновилъ, продолжалъ и довелъ до... прискорбнаго конца...

Всякій разъ и каждое посольство Палеолога изъ действительности состояло изъ приверженцевъ не уніи, а его самого — кто страха ради наказанія, кто достиженія ради почестей, ожидаемыхъ или обещанныхъ, кто по другимъ какимъ небезгрешнымъ причинамъ, — и никто, конечно, не

по убежденію совести, что унія действительно необходима и что Римская церковь действительно безъ погрешностей и заблуждений, а Греческая — и съ погрешностями и въ заблужденіяхъ и что непременно надобно подчиниться святому и безгрешному папе римскому... Воля императора на словахъ была — „спасать имперію“, а въ его уме — удержать на своей голове корону. И вотъ за это... онъ решился и уполномочилъ пословъ: подчинить папе Восточную Церковь... спасти тело... и погубить душу... Въ общемъ итоге всехъ этихъ замысловъ императора было одно: за какую бы то ни было цену, но спасти имперію... и такъ или иначе совершить соединеніе — унію съ Римомъ. Константинопольскій патріархъ тогдашняго времени Іосифъ Исповедникъ (1268—1274; 1282—1283), узнавъ о такихъ глубоко прискорбныхъ намереніяхъ императора, которого до патріаршества былъ духовникомъ, немедленно разослалъ окружное посланіе (энциклику) къ епископамъ и всемъ православнымъ, предостерегающее ихъ отъ задуманной императоромъ уніи съ Римомъ, и затемъ (2 января 1274 года) оставилъ патріархію и удалился въ монастырь.

Святогорцы-иноки не остались безучастными зрителями опасной для Церкви затеи царя и не побоялись гнева царева, но все

сообща написали и представили Михаилу Палеологу „вероисповедное посланіе”, въ которомъ основательно доказали, что ни первенствъ, ни главенствъ папы, ни поименованіе его въ церквахъ, ни служеніе Евхаристіи на опреснокахъ, ни прибавленіе къ Символу веры „и отъ Сына” – не могутъ быть терпимы, и, назвавъ латинянъ и ихъ сообщниковъ еретиками, умоляли Михаила оставить многотревожное и опасное предпріятіе*.

Преемникъ Іосифа, патріархъ Іоаннъ XI Векъ (1275–1282), бывшій хартофилаксомъ** и сначала усерднымъ противникомъ уніи, по избраніи на патріаршество действовалъ, по властолюбію, согласно преступной воле и намереніямъ императора и принялъ постановление Ліонскаго собора (въ 1274 году) о состоявшейся на ономъ уніи, чемъ и подчинилъ Восточную Церковь римскому папскому престолу.

Это несчастное согласіе и единеніе „ради политическихъ нуждъ и опасностей” имело

---

* Посланіе святогорцевъ помещено въ нашей статьѣ „Борьба за святое Православіе” въ „Минскихъ епархіальныхъ ведомостяхъ” за 1907 годъ, а потомъ перепечатано въ „Холмской церковной жизни” за 1908 годъ.

** Хартофилаксъ – высшій сановникъ при патріархе, заведующій важнейшими делами по управленію въ патріархате, главный секретарь, управляющій канцеляріей патріархата.

весьма прискорбныя послѣдствія для Православной Восточной Церкви, такъ какъ латиняне и латиномудренныя убеждали православныхъ къ уніи не силою Евангельскаго слова и постановленій Апостольскихъ и Соборныхъ и писаній Отцевъ и Учителей Церкви, а обнаженнымъ мечомъ, обманами, насиліями и всевозможными неистовствами. Тысячи жертвъ падали подъ ихъ мечомъ, а еще больше были гонимы, мучимы, ограбляемы и страдали за верность чистоте и святости Православной Восточной Церкви.

Но такъ какъ Святая Гора всегда оставалась и остается оплотомъ страждущей Церкви на Востоке, то, чтобъ сокрушить основныя утвержденія Православія, латиняне, на пути въ Константинополь, вторглись на Афонъ. Здесь они убеждали монашествующихъ словомъ, увлекали обещаніями, принуждали угрозами и мучительствами къ уніи съ Римомъ, то есть къ признанію надъ Афономъ главенства и власти римскаго папы.

Немногіе изъ иноковъ увлекались силою латино-папистскихъ убежденій, да и то только наружно, боясь пытокъ и смерти, и, пока виселъ мечъ надъ головой, соизволяли на ненавистную и проклятую унію и все-таки отрекались отъ веры отцевъ своихъ —

преподобныхъ Афонскихъ. Большая же часть иноковъ-святогорцевъ кровію запечатлели и жизнь свою отдали за свое исповеданіе и верность Православной Восточной Церкви. Они съ твердостію обличали (въ лице незваныхъ посланниковъ) папу, въ его святотатственномъ усвоеніи себе главенства Церкви и наместничества Іисуса Христа, Который одинъ только и былъ, и есть, и будетъ Главою Своей Святой Церкви.

Изъ всехъ монастырей на Афоне лишь Лавра и Ксиропотамъ жалко уклонились тогда отъ своего святоотеческаго ученія и приняли западныхъ гостей съ честію и раболепнымъ страхомъ. Да и это больше потому, что самъ императоръ, находясь въ безвыходномъ положеніи по политическимъ разсчетамъ своимъ, властно приказывалъ святогорцамъ не противиться латинянамъ, согласиться на унію съ Римомъ и признать папу главою Восточной Церкви.

Но правосудный Богъ, для утвержденія другихъ въ святой Православной вере, въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ покаралъ Ксиропотамъ. Въ то самое время, какъ несчастные его иноки вместе съ латинами, по ихъ римскому уставу и нововведеніямъ, совершали литургію, твердыни ксиропотамской обители сотряслись въ своемъ основаніи и частію разсыпались, такъ что подъ ихъ

развалинами погибла большая часть латинянъ и отпадшихъ иноковъ*. Остальные изъ пришельцевъ отдаленной Италіи, не обращая вниманія на явный гневъ Божій за ихъ неистовства, разсыпались по Святой Горе, чтобъ искать новыхъ жертвъ своего обольщенія и вечной гибели. Невдалеке отъ Лавры, на берегу морскомъ въ каменной пещере местное преданіе сохранило память погребенія иноковъ, отпавшихъ въ это время и соединившихся съ латинами. Рассказываютъ, что тела ихъ и доселе лежатъ черныя, какъ уголь**.

Въ эту годину, ужасную для Святой Горы, уединенно подвизался вблизи Зографскаго монастыря старецъ-инокъ, имевшій святое обыкновеніе ежедневно, а иногда и по несколько разъ въ день, прочитывать акафистъ Божіей Матери предъ Ея божественною иконою. Разъ когда въ старческихъ устахъ его звучалъ немолчный привѣтъ Пресвятой Деве Маріи — „радуйся"... вдругъ онъ слышитъ и отъ Ея иконы гласъ: „Радуйся и ты, старче, но беги отсюда, чтобы

---

* Подробнее о прискорбныхъ послѣдствіяхъ отпаденія ксиропотамскихъ иноковъ см. въ брошюре „Борьба за Святое Православіе" въ статьѣ „Нашествіе папистовъ на святую гору Афонскую".

** *Муравьевъ А.Н.* Письма с Востока. Ч. I. С. 307.

не постигло тебя несчастіе. Скорее спеши въ монастырь и возвести (игумену и) братіи тамо, чтобъ заперлись, потому что богопротивные римляне напали на это Мною избранное место и уже находятся близко”.

Старецъ же, упавъ предъ иконою Богоматери на землю, произнесъ: „Какъ я могу, Владычице, оставить здесь Тебя, мою Заступницу?”

На это послышался голосъ отъ иконы: „Не заботься обо Мнѣ, но иди поскорѣй”.

Послушный воле и гласу Пренепорочной Владычицы, старецъ въ то же мгновеніе оставляетъ келлію и что есть силъ спешить въ монастырь, чтобъ дать братіи возможность и время собраться съ духомъ и подумать каждому о предстоящей опасности. Но едва старецъ вступилъ въ монастырскій портикъ, видитъ, что его келейная икона Богоматери, предъ которою онъ только что читалъ акафистъ и слышалъ голосъ и которая осталась въ келліи, уже при святыхъ вратахъ монастыря. Старецъ ужаснулся и, войдя въ монастырь, всемъ разсказалъ о бывшемъ ему откровеніи. Иноки, увидя икону Пресвятыя Богородицы и услышавъ о такомъ преславномъ чуде, прославили Бога и свою милостивую Заступницу.

Игуменъ, узнавъ изъ этого откровенія объ ожидающемъ ихъ несчастіи, или иску-

шеніи, созвалъ своихъ иноковъ и началъ наставлять ихъ и убеждать быть мужественными и не утрушаться, говоря: „Отцы и братія! Елицы Духомъ Божиимъ водятся, сіи суть сынове Божии: не пріяте бо духа работы въ боязнь, но пріяте Духа сыноположенія. Аще же чада и наследницы: наследницы убо Богу, снаследницы же Христу, понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся: ибо думаю, что нынешнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, какая откроется въ насъ (Рим. 8: 14, 15, 17, 18) въ вечности... Это же, согласно съ Апостоломъ, и я говорю вамъ: которые изъ васъ неустрашимы и готовы къ мученичеству, те пусть остаются со мною въ обители; те же изъ васъ, которые боятся мученія, пусть возьмутъ церковные сосуды и удалятся съ ними, пока не пройдетъ гневъ еретиковъ, чтобы не впасть въ грехъ хулы чрезъ отреченіе отъ своей веры”:

Итакъ, те, которые боялись мукъ, скрылись въ дебряхъ, пещерахъ и ущельяхъ горъ. Святый же игуменъ съ прочими иноками вошелъ въ „пиргъ” (башню), не изъ боязни, но чтобы воспользоваться временемъ для обличенія беззаконной ереси.

Мучители, окруживъ со всехъ сторонъ обитель, стали кричать находящимся въ пирге: „Отворите намъ, отворите!”

Но преподобный игуменъ сказалъ имъ: „Мы не знаемъ васъ, откуда вы”.

Мучители ответили: „Мы — Христовы рабы и пришли обратить соблазненныхъ на путь истинный”.

Святый же опять сказалъ: „Отступите отъ насъ, делающіе беззаконіе, потому что Апостолъ говоритъ: *если бы и Ангелъ съ неба сталъ благовествовать вамъ не то, что мы благовестили вамъ, да будетъ анафема.* Кто другого учителя ищетъ? — никто, кроме техъ, которые явно безумствуютъ. Вы скажите намъ о своемъ учении, и, если оно будетъ отъ Бога, мы присоединимся къ вамъ и примемъ васъ, какъ братію; если же не отъ Бога, то уходите отъ насъ”.

Тогда еретики отвечали: „Мы отъ Бога, и въ Господа Іисуса Христа веруемъ и Святое Евангеліе Его учимъ; посланы же мы отъ блаженнейшаго папы римскаго, который есть глава Церкви, сказать вамъ, безумнымъ, непонятное для васъ, чтобы вы поумнели и поняли уставы церковные и верно читали въ святомъ Символе, то есть въ „Верую во единого Бога Отца...”, что Пресвятый Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, и на святой проскомидіи приносили пресный, а не квасный хлебъ, чтобы священники ваши брили бороды, дабы и этимъ не согрешали въ службе Божіей, такъ какъ они —

женихи Церкви. Если все это исполните, то получите отъ Вседержителя очищеніе и мы ради вашего покаяніа умилосердимся, если же нетъ, то безпощадно погубимъ васъ, чтобы вы не занимали напрасно места на земле". Это и многое другое въ этомъ роде говорили еретики.

Преподобные же отвечали имъ следующее: „Мы хотимъ найти истину и не обращаемъ вниманія на ваши соблазны и безуміе, поелику не боимся и не страшимся вашихъ угрозъ, потому что написано, что бояться нужно одного Бога, а человека нечего страшиться, и смело говоримъ: никого нетъ противъ насъ, если съ нами Богъ, Который праведенъ и правду возлюбилъ. Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ въ Святомъ Евангеліи говоритъ: *когда придетъ Утешитель, Которого Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Онъ будетъ свидетельствовать о Мнѣ* (Ин. 15, 26); и опять: *Я умолю Отца, и дастъ вамъ другого Утешителя, да пребудетъ съ вами во векъ* (Ин. 14, 16); и еще: *это сказалъ Я вамъ, находясь съ вами; Утешитель же Духъ Святой, Котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, научить васъ всему и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ* (Ин. 14, 25–26)".

Эти слова преподобные повторяли несколько разъ для доказательства истины и чтобы заградить уста темъ, которые

говорять, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Ко всему этому преподобные присоединили еще и следующее: „Если же и этому не верите, духоборцы, то научитесь у Крестителя и Предтечи Іоанна, который виделъ Святаго Духа, сходящаго въ виде голубя съ неба и пребывающаго на Сыне; видите, что отъ Отца только Духъ исходитъ. Это ученіе содержитъ наша мать – Святая Вселенская Апостольская Церковь и напаяетъ всехъ своихъ чадъ темъ, что истекаетъ не изъ Эдема, а изъ Божественныхъ устъ Христа, сказавшаго следующее: *идите по всему миру, проповедуйте Евангеліе всей твари. Кто будетъ веровать и креститься, спасенъ будетъ, а кто не будетъ веровать, осужденъ будетъ* (Мк. 16, 15–16). И еще: *Посему говорю вамъ: всякій грехъ и хула простятся человекамъ, а хула на Духа не простится человекамъ; если кто скажетъ слово на Сына Человеческаго, простится ему; если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семъ веке, ни въ будущемъ* (Мф. 12, 31–32). Поелику Святымъ Духомъ все Пророки, Апостолы и Учители, будучи научены проповеди, крестили и научили православной вере въ разныхъ концахъ вселенной и передали правовернымъ признавать четырехъ Евангелистовъ: Матфея, Марка, Луку и Іоанна. Кто же присоединяетъ пятаго евангелиста,

тотъ да будетъ проклятъ. „Кто соблазняетъ одного изъ братій, — говоритъ Спаситель, — достоинъ мученія”, а кто всю вселенную соблазняетъ, какъ вы, какое оправданіе тотъ найдетъ, чтобы избежать достойнаго мученія? Который изъ семи богоизбранныхъ Соборовъ говоритъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына, или который изъ нихъ постановилъ правиломъ, чтобы мы приносили опресноки и стригли волосы на бороде, какъ вы утверждаете? Будучи исполненъ семи лукавыхъ духовъ другихъ (въ противоположность семи соборамъ), въ какого Христа ты учишь веровать, духоборецъ, и преподаешь не Евангельское, а антихристово ученіе? Но пятого Евангелиста мы не находимъ, кроме Магомета Сарацинскаго, предтечи антихриста, который раньше вашей гибельной ереси произвелъ плевелы. А что касается вашихъ опресночныхъ мертвыхъ жертвъ, то это іудейскій обычай. Вот вы скажете: разве Христосъ не елъ пасхи, будучи опоясанъ и держа посохъ въ рукахъ, по Писанію? Да, скажемъ мы, Онъ елъ пасху, но упразднилъ ее, какъ обрезаніе и многое другое, и потомъ, сидя съ двенадцатью учениками, установилъ Свою пасху. Во время вечери Онъ, взявши хлебъ и благословивъ, преломилъ и далъ Своимъ ученикамъ, говоря: *пріимите, ядите, сие есть*

тело Мое и проч. Вотъ истинное таинство. Сказано: взялъ хлебъ, то есть квасный, а не пресный, какъ вы противозаконно делаете и служите и держитесь Аполлинаріевой ереси. Брить же волосы на бороде мы не научились ни изъ Ветхаго Завета, ни изъ Новаго, потому что въ Ветхомъ Завете отъ первосозданнаго человека, праведниковъ и пророковъ и до Самаго Господа нашего Іисуса Христа нетъ объ этомъ никакого постановленія; въ Новомъ же ни Самъ Христосъ, ни Апостолы объ этомъ ничего не говорили, а также ни однимъ изъ святыхъ соборовъ не было постановлено, ни правилами указано, что можно видеть и слепому. Тебе же, окаянный духоворецъ, лучше бы не браду, а языкъ отрезать, чтобы онъ не изрекалъ хулы и соблазна и не приводилъ бы другихъ вместе съ тобою къ гибели; лучше пусть сгніетъ худой членъ, дабы не повредилъ хорошихъ. Не вредятъ волосы на бороде, но то, что исходитъ извнутри и изъ лукаваго сердца, а именно: злые помыслы, убійства, прелюбодейнія, воровство, лже-свидетельство и хулы, находящаяся въ вашемъ помраченномъ уме, — это, а не волосы на бороде, оскверняетъ всякаго человека, а темъ более священника.

Жениховъ Церкви не много, а Единъ, Который придетъ въ полуночи судить живыхъ и

мертвыхъ: живыхъ — православныхъ, мертвыхъ — еретиковъ, cadaго по его деламъ. Просимъ, однако, васъ, други, познайте истинную Православную веру, которая есть жизнь и просвещеніе нашихъ душъ, и следуйте ей такъ, какъ святые отцы и священные соборы, принявъ эту веру отъ святыхъ Апостоловъ, намъ передали и узаконили въ святомъ Символе, присовокупивъ: „Если кто отниметъ или приложить къ нему, да будетъ проклятъ”. А отъ этого греха (нарушенія Символа) никто не можетъ разрешить преступниковъ и освободить отъ приготовленныхъ мученій. Послушайте, возлюбленные, и перейдите отъ зла къ добру, дабы не подвергнуть своихъ душъ мукамъ вечнымъ”.

Но для беззаконныхъ латино-папистовъ эти слова блаженныхъ мужей были так же непріятны, какъ для волковъ камни изъ пращи; они бросились къ нимъ и зажгли со всехъ сторонъ святую обитель. Причиной всехъ этихъ несчастій былъ нарушитель закона нечестивый Палеологъ, новый этотъ Навуходоносоръ. Преподобные и богоносные отцы наши, подобно тремъ отрокамъ окруженные пламенемъ, стоя на башне (пирге), возсылали молитву ко Христу, говоря: „Владыко, Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, Единородный Сыне и Слове Божій, давай Себе яко Агнца непорочнаго на закланіе

за родъ человеческій! Ты, Господи, излія-
вый пречестную кровь Свою ради Церкви
Твоея и рекій, яко врата адова не одолеють
ей, сохрани Церковь Твою отъ волковъ,
губящихъ ю. Умножи, Господи, достояніе
Твое по всей вселенней отъ конецъ и до по-
следнихъ земли; ересь сію низложи силою
Пресвятаго Твоего Духа; Жребій Пречис-
тыя Твоея Матери соблюди непреклоненъ
и нерушимъ во веки; пребывающія же въ
немъ освяти и прослави съ Тобою, милую-
щія ихъ помилуй; кровы* святыхъ Твоихъ
воздвигни во славу Твою и въ память нашу;
и сію молитву отъ устъ нашихъ пріими, яко
кадило благоуханія, и призри на ны, яко-
же призрелъ еси на жертву Авраамову и на
всесожженіе Іеффаево, и воспріими ны, яко
благъ и человеколюбецъ”.

По окончаніи молитвъ былъ свыше го-
лосъ: “Радуйтеся и веселитесь, яко мзда
ваша многа на небеси”.

Мучители, услышавъ этотъ внезапный
голосъ, ужаснулись, но мракъ, лежащій
на ихъ умственныхъ очахъ, помешалъ имъ
понять случившееся, такъ какъ Духъ Свя-
тый, Котораго они хулили (то есть оскорб-
ляли, чтили не должнымъ, не истиннымъ,
не подобающимъ Его чествованіемъ и пре-

---

* Кровы – жилища, обиталища обители (ср.: Мф. 8. 8;
Мк. 9, 5; Лк. 7, 6; 16, 9).

следованіями и мучительствами истинно исповедовавшихъ Его), не пришелъ разогнать этотъ мракъ.

Блаженные отцы предали души свои въ руце Божіи, скончавшись „во огни пламени“, 10 октября 1276 года отъ Рождества Христова. Всехъ святыхъ страдальцевъ числомъ было 26; изъ нихъ монаховъ было 22 и 4 мірянина. Имена последнихъ нигде не записаны, имена же монаховъ следующие: Фома, Варсануфій, Кириллъ, Михей, Симонъ, Иларіонъ, Іаковъ, Іовъ, Кипріанъ, Савва, Іаковъ, Мартиніанъ, Косма, Сергій, Мина, Іосифъ, Іоанникій, Павелъ, Антоній, Евфимій, Дометіанъ и Парфеній. Изъ нихъ первый, то есть Фома, былъ, какъ сказано выше, игуменомъ, и велъ главнымъ образомъ споръ съ богомерзкими латинянами. Последній же, то есть Парфеній, былъ епископомъ; онъ былъ снесенъ огненнымъ пламенемъ съ башни на землю (и, должно быть, внутрь монастыря или же по уходе латинянъ, а иначе они не оставили бы его въ живыхъ) и не тогда же умеръ, но проживши еще 30 дней и рассказавши о всемъ происшедшемъ скрывшимся на время и потомъ возвратившимся братіямъ. Блаженный Парфеній предалъ душу свою Богу въ 10-й день ноября, получивъ венецъ мученическій съ прежде пострадавшими братіями.

Въ Риме не доверяли Михаилу Палеологу, ибо и тамъ хорошо знали его двуличность и неискренность. Папы предъявляли ему требованія за требованіями съ цілію совершенно подчинить себѣ Восточное Православіе и наконецъ объявили Михаила отлученнымъ отъ Церкви. Желая убедить папскихъ посланцевъ въ своей приверженности къ римской Церкви, Михаилъ показывалъ имъ заключенныхъ въ темницу и содержимыхъ въ оковахъ за твердость въ Православіи своихъ родственниковъ, Андроника и Іоанна Палеологовъ, Мануила и Исаака Раулей. Последнихъ онъ даже ослепилъ вместе съ другими подвижниками благочестія. Жестокость Михаила усиливалась подозреніемъ, что все противники уніи готовы покуситься на низложеніе его съ престола, на который онъ восшелъ чрезъ преступленіе. Но все его старанія и зверства были напрасны, и онъ ни въ чемъ не успелъ. Во время похода противъ Іоанна Дуки, князя Эпирскаго, Михаилъ заболелъ и умеръ (въ декабре 1282 года) въ лагере близъ города Верріи, не присоединенный къ Церкви Западной и отлученный отъ Церкви Восточной. Общее негодованіе за его жестокости и отвращеніе были такъ велики, что находившійся при немъ сынъ его Андроникъ не посмелъ совершить надъ нимъ

царскаго погребенія, а велелъ ночью похоронить его въ близълежащемъ монастыре. А вдовствующая царица Феодора принуждена была обнародовать *исповеданіе*, которое заканчивается такъ: „Царственность моя, по благодати Божіей, еще и тогда, когда началось это дело, весьма тяготилась имъ и едва терпела необычайность и новость его, даже негодовала, хотя и не постигала всей опасности отъ него, а теперь негодуетъ темъ более, что ясно видитъ худой конецъ онаго недобраго замысла... Поелику же Церковь Божія осудила Векка (патріарха) за хульные догматы его, и съ нимъ Мелитиніота и Метохита, какъ единомысленниковъ, и ославила, и отлучила отъ общенія съ собою, то и Царственность моя, вслѣдствіи такого рѣшенія ея, достодолжно считаетъ ихъ отобщенными и отверженными. А такъ какъ сія же Святая Церковь Божія определила не удостоивать уставныхъ поминовеній и скончавшагося супруга моего, и владыку и царя за помянутое дело и смятеніе, то Царственность моя, предпочитающая всему страхъ Божій и покорность Святой Церкви, любитъ и принимаетъ и это определение ея и никогда не понудить ее совершать поминовеніе души владыки моего, и царя, и супруга, или что-либо другое сверхъ заповѣданнаго мне. Ибо согласоваться во всемъ

съ Церковію Божією и следовать ей хочет Царственность моя, устрояющая такимъ образомъ спасеніе свое и желающая явно исповедать предъ всеми веру свою, которую приняла отъ отцовъ, сохранила до настоящаго времени и сохранить до конца, будучи хранима силою создавшаго и воцарившаго ее милосердаго Бога”.

Патріархъ — изменникъ и предатель — Іоаннъ Веккъ, только изъ угожденія царю-похитителю и ради патріаршества изменившій Православію, тотчасъ же после смерти Михаила тайно оставилъ патріаршій престолъ, а потомъ на Поместномъ Соборе въ Константинополе онъ былъ отлученъ отъ Церкви (дондеже еще раскается) вместе со своими единомышленниками... Унія и сторонники унии были преданы анафеме...

Такимъ-то образомъ закончились вынужденныя старанія Палеолога и преступныя услуги ему Векка: коварные же замыслы латинъ и прельщенныхъ и увлеченныхъ ими латиномудренныхъ не удались ни на Афоне, ни въ Константинополе, ни въ другихъ местахъ тогдашней Византійской имперіи, а замученные ими предстоятъ на Небесахъ въ лике святыхъ мучениковъ и прославляютъ укрепившаго и прославльшаго ихъ Господа.

Икона, отъ которой старецъ слышалъ голосъ Богоматери, предварявшей Зографскихъ иноковъ извѣстіемъ о приближеніи враговъ, осталась при страдальцахъ въ Пирге; но ее нашли въ послѣдствіи неповрежденною подъ развалинами и насыпью пожарища.

Въ память этого дивнаго событія икона сія поставлена местною въ нарочито устроенномъ въ послѣдствіи особомъ храмѣ-параклисѣ въ честь преславнаго Успенія Богоматери, и неугасимая лампада постоянно тихо разливаетъ свой слабый, но никогда не замирающій светъ предъ ликомъ Преподобной Девы Маріи — небесной Покровительницы и верховной Игуменіи Афона и въ немъ иночествующихъ. Икона Божіей Матери очень темна и кажется несколько въ обновленномъ видѣ: въ свое время она, какъ замѣтилъ еще покойный Святोगорецъ Серафимъ (въ схимѣ Сергій; † 1853)*, была едва ли отчасти не мозаичной работы; пламень произвелъ на нее слабое дѣйствіе, какъ бы только въ свидѣтельство, что она точно была въ пламени и что пламень произвелъ на ней ничтожные слѣды всепожирающей силы. Въ 1847 году святая икона обложена новою серебряною позлащенною

---

* Письма Святоторца. Изд. 8. С. 338—339.

съ стразовымъ венцомъ ризою*, пожертвованною схимонахомъ Серафимомъ (Комаровымъ), жившимъ и скончавшимся въ Пантелеимоновомъ монастыре на Афоне. Икона эта называется „Акафистною” и „Предвозвестительницею”. Самое место, где было чудесное отъ иконы откровеніе, или предвозвещеніе, доньше называется у болгаръ „Хёрово”, отъ греческаго „хёре” — „радуйся”, что приблизительно означаетъ „Обрадованное”.

Съ недавняго времени, а именно съ 1873 года, въ память избавленія обители Зографской отъ распространившагося съ нагорной стороны монастыря сильнаго леснаго пожара, угрожавшаго монастырю, случившагося въ этомъ году 28 іюля, который потухъ тотчасъ же, какъ только взяли святую эту икону и при пеніи молебна пошли съ нею и обошли монастырь со стороны приближавшаяся пламени, установили совершать ежегодно и совершаютъ въ Зографе на 28 іюля особое всенощное бденіе въ благодарность Богоматери, а после Божественной литургіи бываетъ крестный ходъ съ этой иконой вокругъ монастыря.

Замечательно, что огонь дошелъ до той черты — тропинки, где была пронесена свя-

---

* Указ. соч. С. 334.

тая икона Царицы Небесной, и дальше не переступилъ*.

Въ сочиненіи профессора Императорской академіи наукъ Н.П. Кондакова „Памятники христіанскаго искусства на Афоне” (СПб., 1902) на стр. 157 сказано объ этой иконе Божіей Матери съ отрицаніемъ ея древности. Но г-н профессоръ дважды погрешилъ: во-первыхъ, онъ назвалъ эту икону большою, тогда какъ она малая — всего только восемь вершковъ, а во-вторыхъ, виделъ и снялъ своимъ аппаратомъ (стр. 158) не эту, а совсемъ другую, которую онъ самъ счелъ списанною съ „Одигитріи”. Самый снимокъ (№ 60) доказываетъ его погрешность и напрасное обличеніе имъ афоно-зографцевъ якобы въ лживости ихъ...

Небесное знаменіе

Пиргъ, или башня, въ которой пострадали святые преподобномученики и въ целости сохранилась святая икона Божіей Матери, отчасти стояла еще до 1873 года,

---

* Были и еще потомъ два и тоже большихъ лесныхъ пожара вблизи монастыря, и оба раза брали святую икону Пресвятой Богородицы, съ крестнымъ ходомъ шли къ месту пожарища, и пламя останавливалось, грозившая опасность монастырю проходила, а благодарность зографцевъ ко Всепреблагословенной и Всемилоливой умножалась и увеличивалась...

но такъ какъ она закрывала собою новое северное зданіе обители и по ветхости угрожала паденіемъ, то необходимо было ее разобрать. А для того чтобы незабвенно было место мученическаго подвига святыхъ, братія обители единодушно пожелали поставить на томъ месте памятникъ. Въ томъ же 1873 году памятникъ и былъ воздвигнутъ; освященіе его предположено было совершить въ день памяти святыхъ. Насталъ этотъ день. Съ вечера, вскоре по захожденіи солнца, началось всенощное бденіе. Ночь была безлунная и освещалась только слабымъ светомъ звездъ. Въ природе была тишина. Ровно въ полночь, когда въ церкви после первой кафизмы читалось „Житіе и страданіе святыхъ“, надъ церковью вдругъ появился огненный столпъ и осветилъ обитель и ея окрестности столь великимъ светомъ, что можно было видеть и узнавать все предметы, какъ въ обители, такъ и вне ея. Дивный столпъ этотъ, постоявши надъ церковью три или четыре минуты, прошелъ къ памятнику и остановился надъ нимъ на несколько минутъ. Потомъ сталъ возноситься вверхъ и наконецъ превратился въ кругъ, какъ бы венчая собою памятникъ и место страданія преподобномучениковъ. Все это явленіе продолжалось до 15 минутъ. Очевидцами были многіе изъ

братій обители и пришедшихъ на праздни-
къ скитянъ и пустынниковъ.

Самъ Господь Богъ Вседержитель яв-
нымъ небеснымъ знаменіемъ въ последніе
наши дни надъ самымъ памятникомъ, на
месте страдальческой кончины иноковъ-
исповедниковъ, предъ освященіемъ его,
на самый день памяти ихъ, при самомъ
чтеніи въ соборной церкви повести о на-
шествіи на Афонъ и на Зографъ латинъ,
о преніи ихъ страдальцевъ съ латинами
и о сожженіи ихъ, воочію всехъ явно и
чудесно показалъ, что Ему благопріятенъ
подвигъ сихъ страдальцевъ за истинную
веру и за преданность Святой Восточной
Церкви и что Онъ принялъ ихъ подвигъ,
более пріятный, нежели жертва Авраамо-
ва и всесожженіе Іеффаево, — принялъ и
потому, что вместе съ ними и Самъ Онъ
страдалъ и спострадалъ имъ...

А Всепречистая, Всеблагоговенная,
Всепокорная Приснодева Владычица
Богородица, Неусыпаемая Назирательница,
Божественная Экономисса и Небесная Игу-
менія Афона, Своего земнаго Удела и свя-
щеннаго Вертограда, — чудесно, чрезъ Свою
икону и Своего раба-избранника предызвес-
тила своихъ ополченцевъ-иноковъ о наше-
ствіи нежданныхъ зверонравныхъ и бого-
противныхъ латинъ, съ ихъ непрошеной,

всемъ и истинно православнымъ навязываемой уніей, многожды на православныхъ соборахъ преданной отлученію – анафеме... И этимъ самымъ какъ бы засвидетельствовала Ея особое великое благоволеніе къ темъ, кто православно, истинно чтитъ Ее... *Рабу Господню* (Лк. 1, 38) и Матерь Христа Бога нашего, и что Ей и Сыну Ея и Богу противны те, которые огнемъ, мечомъ и всякими насиліями и неправдами распространяютъ веру во Христа, съ примесью своихъ заблужденій и неправыхъ ученій о Боге Отце, о Боге Сыне и Боге – Духе Святомъ; и о Ней, Всепреблагословеннейшей, изрекшей некогда: *величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозе Спасе Моемъ* (Лк. 1, 46–47).

**Ежегодное торжество на Афоне
Восточнаго Православия надъ римскимъ
латино-папизмомъ**

Въ этомъ Зографскомъ монастыре на Афоне ежегодно 10 октября торжественно празднуется память сихъ святыхъ двадесати шести преподобномучениковъ. Съ вечера накануне, спустя часъ по заходе солнца, начинается всенощное бденіе по нарочито составленной службе святымъ преподобномученикамъ и совершается почти всю

ночь, оканчиваясь предъ разсвѣтомъ; прекрасный мраморный памятникъ, устроенный на месте страдальческой кончины святыхъ исповедниковъ, украшается гирляндами изъ зеленыхъ ветвей съ цветами и освещается фонарями. Предъ иконою святыхъ страдальцевъ внутри памятника всегда теплится неугасаемая лампада. Есть и особый храмъ-памятникъ въ честь сихъ святыхъ преподобномучениковъ, благолепно устроенный въ новомъ корпусе, высоко надъ святыми вратами. Божественная литургія въ этотъ день-праздникъ совершается въ главномъ соборе во имя святого великомученика Георгія самимъ настоятелемъ-архимандритомъ соборне со множествомъ священноиноковъ...

После заамвонной молитвы все священнослужители въ священныхъ облаченіяхъ и все множество монашествующихъ — общежителѣй и скитянъ, монастырскихъ работниковъ и русскихъ поклонниковъ-богомольцевъ выходятъ чрезъ западныя врата и, обойдя соборъ, идутъ къ памятнику. Впереди несутъ хоругви, затемъ горящіе подсвѣчники: іеродіаконы — съ кадилами, наполненными фиміамомъ; одинъ изъ іеромонаховъ несетъ небольшой серебряный ковчежецъ съ задымленными и благоуханными частицами святыхъ мощей святыхъ

преподобномучениковъ, двое другихъ несутъ иконы Пресвятыя Богородицы „Акафистныя – Предвозвестительницы” и сихъ преподобномучениковъ. На колокольне производится торжественный звонъ. Подойдя къ памятнику съ западной стороны и обратившись къ востоку, поютъ тропарь святымъ преподобномученикамъ, на первый глас: „Преподобнострадальный, богоизбранный полкъ двадесять и шесть божественныхъ обители Зографскія отцевъ, изобличившихъ латинское заблужденіе и нужную смерть огнемъ на столпе претерпевшихъ: Фому пастыреначальника и священнаго Варсануфія со славнымъ Парфеніемъ, и прочихъ сострадальцевъ вси въ тойже обители живущіи, собравшеся песньми почтимъ: сіи бо Троице о насъ молятся”.

И кондакъ имъ же, гласъ осьмый: „Обители нашея предстатели и хранители, священныя преподобнострадальцы, двадесять и шесть, латинскую гордыню низложившія, и огненное сожжение претерпевшыя, и венчанныя достойно восхвалимъ, вопіюще: радуйтесь, преподобнострадальніи”.

Потомъ читается общее святымъ исповедникамъ Евангеліе (Лк. 12, 8–12), которое прочитываетъ самъ настоятель-архимандритъ – и всегда такъ выразительно, что невольно желательно и здесь привести его целикомъ.

Рече Господь: всякъ, иже аще исповестъ Мя предъ человеки, и Сынъ человеческій исповестъ его предъ ангелы Божиими. А отвергійся Мене предъ человеки, отверженъ будетъ предъ ангелы Божиими. И всякъ, иже речетъ слово на Сына человеческого, оставится ему: а на Святаго Духа хулившему не оставится. Егда же приведутъ вы на соборища и власти и владычества, не пецываете, како или что отвещаете, или что речете: Святой бо Духъ научитъ вы въ той часъ, яже подобаетъ рещи.

Затемъ произносится сугубая эктенія: 1) о Благочестивейшемъ Государе (нашемъ Всероссійскомъ) Императоре... о Супруге Его... о Наследнике Его... о всей палате и воинстве Ихъ, 2) о архіепископе нашемъ...* 3) о архимандрите и игумене нашемъ...** со всею о Христъ братією и 4) за всю братію и за вся православныя христіаны. По обычномъ возгласе настоятеля-архимандрита съ тою же торжественностію возвращаются въ соборъ, где и заканчивается Божественная литургія, при раздаче череднымъ иеромонахомъ святого антидора. Потомъ все идутъ въ общую братскую трапезу. Настоятель идетъ со славою въ архіерейской мантии и съ архіерейскимъ жезломъ. Впереди его идетъ чередной іеромонахъ въ обыкновен-

---

* О Вселенскомъ Константинопольскомъ Патріархе.

** О настоятеле монастыря.

ной мантии и несетъ икону святыхъ преподобномучениковъ-исповедниковъ, въ предшествіи певчихъ, поющихъ тропарь страдальцамъ. На колокольные торжественный звонъ. Здесь въ трапезе продолжается чтеніе повести о страданіяхъ мучениковъ отъ папистовъ и похвалы общежительной жизни предъ своежительною, запечатлаваемой названіемъ „самочинною”.

На этотъ праздникъ торжества Православія надъ римо-папизмомъ приходятъ изъ дальнихъ местъ многіе бедные кавіоты и каливиты, называемые сиромахами, и всемъ имъ предлагается съ вечера ужинъ, а после литургіи — обильный обедъ въ общей братской трапезе.

На всенощномъ бденіи передъ Шестопсалміемъ, после первой и второй кафизмъ, прочитывается, а потомъ дочитывается въ братской трапезе „Повесть о нашествіи папистовъ на Святую Гору Афонскую, въ ней же о страданіи 26 преподобномучениковъ Зографскихъ повествуется”.

Памятникъ, воздвигнутый на месте страдальческой кончины святыхъ преподобномучениковъ, сделанъ изъ мрамора и поставленъ на каменномъ фундаменте на месте древней пирги, часть фундамента которой еще до недавняго времени виднелась неразобранною наравне съ поверхностью зем-

ли. Памятникъ окруженъ со всехъ сторонъ железной решеткой. На всехъ четырехъ сторонахъ памятника крупными буквами по-славянски написано все касающееся устройства его и событія, въ память котораго онъ поставленъ. На западной стороне, какъ разъ посредине, устроенъ кивотъ, въ которомъ за стеклянной дверкой написано на стенке изображеніе этого событія и находится икона святыхъ преподобномучениковъ; предъ ними теплится неугасаемая лампада. На изображеніи видна высокая монастырская пирга — башня: внизу разъяренные латины разводятъ огонь, который уже прорывается чрезъ окна. Наверху стоять все 26 мучениковъ. У некоторыхъ развернуты свитки, которые они показываютъ стоящимъ внизу латинамъ. На одномъ свитке написано: „Вземъ хлебъ квасный, а не пресный, якоже вы творите беззаконно”; на другомъ: “Во Святомъ Символе аще кто отложить или приложить, анафема да будетъ”; на третьемъ: „Окаянный духоборецъ, не вредятъ власы брадныя, но исходящая изъ внутренняго и лукаваго сердечнаго сокровища”; на четвертомъ: „Милующія насъ помилуй; кровы святыхъ Твоихъ воздвигни во славу Твою и въ память нашу”. Внизу латины написаны съ приподнятыми кверху лицами и съ развернутымъ

свиткомъ: „Отверзите намъ, господіе, отверзите: Евангеліе Христово учимъ”. На южной стороне памятника сверху маленькая виньетка: „Яко жертва Господеви огнесожженные 26 въ лепоту явишася: яко приношеніе Тебе, Спасе, испеченныя 26 на столпе, предложишася”. А потомъ сверху и донизу: „Имена святыхъ 26 преподобномучениковъ, зде пострадавшихъ, суть сія: Игуменъ Фома, Варсануфій, Кирилль, Михей, Симонъ, Иларіонъ, Іаковъ, Іовъ, Кипріанъ, Савва, Іаковъ, Мартиніанъ, Косьма, Сергій, Мина, Іосифъ, Іоанникій, Павелъ, Антоній, Евфимій, Дометіанъ и Парфеній. Четыре имени неизвестны”. На восточной стороне: „На семъ месте въ бывшемъ пирзе святіи 26 преподобномученицы Зографстіи, ради добляго исповеданія Православныя веры отъ латинъ сожжени быша при благочестивомъ Болгарстемъ Царе Константине Тисе Асепе, отступнице же отъ Православныя Восточныя Церкви Греческомъ Царе Михаиле Палеолозе и латинумудрствующемъ Патріарсе Іоанне Векке въ лето отъ Христа 1276 месяца октября 10 дня”.

На северной: „Зде же въ пепле обретена икона Пресвятыя Богородицы, неповрежденная всепоядающимъ огнемъ и предъизвестившая нашествіе латинъ на обитель

сію. Сей памятникъ сооружень въ лето 1873; месяца іюня 12 дня”.

И какъ намъ всемъ, православнымъ вообще и насельникамъ Святой Горы Афонской въ особенности, не радоваться, когда Сама Царица Небесная, наша верховная Игуменія, Промыслительница и Назира-тельница, благоизволила чрезъ одинъ изъ многочисленныхъ Своихъ дивныхъ и благодатныхъ образовъ въ Своемъ земномъ Уделе, Своимъ гласомъ отъ него, предупредить нашествіе на оный кровожадныхъ латинъ и иже съ ними единомудренныхъ и симъ явно показать намъ, а чрезъ насъ и всемъ другимъ, отпадшимъ и отторгнутымъ, что они действительно уклонились и отпали отъ истинной веры христіанской, сохранившейся лишь въ Святой Соборной Апостольской Церкви на Востоке.

„Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою и Тобою – съ нами! Радуйся, кровожадныхъ латинскихъ стремленій наказательнице! Радуйся, заблуждшихъ обличительнице! Радуйся, гору Афонскую иконами Твоими облагодатствовавшая и святою ей достойно нарекшеюся! Радуйся, многими чудесами и дивными знаменьями ихъ ознаменовавшая и прославляющая! Радуйся, и Сама чрезъ нихъ отъ востокъ солнца до западъ прославляющаяся и прославляющихъ Тя

прославляющая! Радуйся, иноковъ Афонскихъ хранительнице! Радуйся, несомненное наше упованіе! Радуйся, всехъ православныхъ славо и утешеніе! Радуйся, Обрадованная! Радуйся, Благодатная! Радуйся, всехъ радостей Радосте!”

Празднованіе Пресвятой Богородице ради этой Ея святой иконы въ Россіи и повсюду, где есть списки — подобія этой иконы, въ особенности же въ последнее время присланныя въ даръ и во благословеніе съ Афона, въ благодатную помощь на враговъ и гонителей Православія, совершается и должно совершаться 10 октября — въ день страдальческой кончины святыхъ 26 преподобномучениковъ Зографскихъ. На Афоне имеется нарочито составленная полная бденная служба въ честь и похвалу Богоматери и въ обличение латиномудрствующихъ.

ПУТЬ К МОНАШЕСТВУ И СВЯЩЕНСТВУ

Так был перейден последний рубеж в возвращении святого в истинную веру — самый важный рубеж в его жизни. После неоднократных посещений России он принял истину Православия глубоко в душу, но в этой уверенности была также и сильнейшая любовь к Руси, чувство причастности к великому. Александр был честен сам с собой и понимал, что Православие неотделимо в его сознании от русскости, поэтому для него было особенно важно посетить древнейшие центры христианства, чтобы убедиться, что любовь к Святой Руси, чувство народного единства, то есть сознание национальное, не влияет на его важнейший в жизни выбор. Только поэтому святой несколько лет медлил с окончательным переходом в Святое Православие, пока не убедился собственными глазами, при сошествии Благодатного Огня на

Гроб Господень, что Православие не только русская вера, но и вера единственная.

Два месяца в Палестине, пребывание на Святой Горе Афонской наполнили душу незабвенными благодатными впечатлениями и переживаниями, а присоединение к Православию и благословение чудотворным образом Божьей Матери просто перевернули душу – теперь только Александр ступил твердой ногою на путь святости и даже малейшая тень сомнения отошла от него навсегда.

Эту великую Божью милость он принял уже в смилившуюся перед Богом душу, и потому сохранил святое благословение на всю жизнь.

Теперь и на родине к нему уже будут относиться по-иному. Теперь уже многим станет понятно, что, несмотря на то что Александр не происходил ни из Изы, ни из Великих Лучек, а из униатской глуши, несмотря на то что он грешил в юности, – именно ему, а никому иному, Бог и Пресвятая Богородица дали Свое благословение для страждущей Горней Руси и, скорее всего, именно он и предназначен свыше стать первым карпаторусским православным священником в родном краю в эпоху великого возрождения Православия.

Встреча его православными в родном краю была радостной и торжественной, как никогда ранее. Он принес не просто святыню — он принес с собой покровительство Божьей Матери для страждущего края. Это было выше всяких ожиданий! И вернулся он торжественно присоединенным к Православию на самой Святой Горе Афонской, после двухмесячного паломничества на Святой Земле! Это был знак свыше о полном прощении — как раньше из-за грешной своей жизни он попал на Пасху в ад, так теперь, после подвижничества и проповеди истинного христианства в своем народе, он встретил Пасху у Гроба Господня на Святой Земле. Великой благодарностью Христу и Пречистой Богородице была постоянно исполнена его душа.

Теперь и новая проповедь святого по родному краю шла с особым успехом. Со святой иконой Божьей Матери «Акафистной-Предвозвестительницей» он не расставался, и Божья Мать хранила его.

Этот 1908 год окончился для святого великим духовным торжеством у себя на родине, но время шло, а священника все не было. В следующем, 1909 году состоялся очередной собор православных общин края, и было решено опять послать Александра Кабалюка в Россию, чтобы все было уже

ясно окончательно. Теперь православные общины, даже Изы и Великих Лучек, были уже не против, чтобы Александр Кабалюк, благословенный Богом, стал, после долгих лет господства унии, первым православным священником в крае. Со своей стороны и Александр уже целиком полагался на волю Божию и не считал себя вправе решать этот вопрос самостоятельно, а лишь по соборному решению православных. Он поехал в Россию ранней весной один, без спутника, провожаемый с великим доверием и надеждой. Он обещал возвратиться как можно скорее, как только вопрос выяснится, и сразу же отчитаться перед православным народом.

Сначала он прибыл в Буковину — оплот Православия в Австро-Венгрии. И здесь, в Черновцах, от своих друзей он получил радостную весть, что в России избранные Богом люди по-прежнему полны внимания и горячего участия к судьбе православного народа Руси Подкарпатской; что этим занимаются и владыка Антоний Житомирский, и владыка Евлогий Холмский, и граф Бобринский — глава Русско-Галицкого (карпаторусского) общества в Санкт-Петербурге.

Разузнав об этом как можно больше, святой поспешил в Россию.

В Россию, в Киев, он прибыл еще до Пасхи 1909 года. Он мыслил посетить святыни Киева, причаститься и возвратиться домой после Пасхи, считая себя недостойным стать священником и в то же время ясно понимая, что Россия не сможет послать своего священника в другую империю, с которой находилась в очень натянутых отношениях. В важнейшем вопросе о священнике он всецело положился на волю Божию, решив не действовать сам от себя, а ждать проявления Божественной воли. И воля Божья последовала незамедлительно: еще находясь в Киеве, Александр был срочно вызван графом Бобринским для встреч по делам Подкарпатской Руси с владыкой Евлогием и владыкой Антонием. Он немедленно отправился в Холм и здесь узнал от владыки Евлогия о разговоре последнего с обер-прокурором Священного синода Русской Церкви Саблером и о предложении ему поселиться на время в ближайшем к Австро-Венгрии, никогда не закрывавшемся мужском монастыре Святого Онуфрия в Холмской Руси, называемом Яблочинским. И это святой принял как волю Божью, отрекшись от своей воли.

Здесь, в древней твердыне исповедников Православия на русских землях Польши, состоялась еще одна важнейшая встреча,

уже с графом Бобринским и архимандритом Серафимом — настоятелем Свято-Онуфриевского Яблочинского монастыря. Святому было сразу предложено вступить в монастырскую братию. Таким образом повторилась ситуация с владыкой Антонием в Почаеве, когда также было предложение вступить в братию монастыря, чтобы потом постриженный в монашество и рукоположенный во священника карпаторосс вернулся на родину для богослужения.

Александр, в ответ на это почетное предложение, недвусмысленно дал понять, что для решения такого важнейшего вопроса он должен сначала как можно скорее возвратиться домой и поставить в известность верующих, которые и решат, как быть.

Прибыв домой, он понял, что его деятельность, его контакты с Россией не укрылись от австро-венгерских властей, что за ним уже давно тайно следят. Поэтому не было возможности опять устроить собор, который утвердил бы его кандидатуру для принятия монашества и священства в России. Оставались лишь иные возможности. Последний собор отнесся к нему очень хорошо, и сейчас, поставив в известность о предложении со стороны России православных края, насколько это было возможно в условиях слежки, святой встретил радость

и одобрение. Но медлить ему было нельзя: в его доме в Ясиня был проведен обыск, его книги были конфискованы и после нескольких дней допросов у него отняли паспорт, чтобы он не смог перейти границу Австро-Венгрии и опять попасть в Россию. Его отпустили, надеясь с помощью слежки выйти через него на главных деятелей великого возрождения Православия, найти места тайных собраний, парализовать организацию, произвести массовые аресты православных как агентов враждебного государства (России) и тем нанести сильнейший удар православному движению.

Понимая, к чему идет дело, святой тайно бежит из дома, скрывается от жандармов и, достав чужие документы у друзей, с поддельным паспортом, под чужим именем пересекает австро-венгерскую границу, напутствуемый многочисленными благословениями своих духовных братьев и сестер.

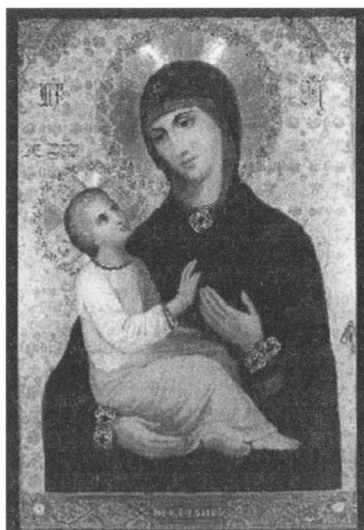
Это было последнее его пребывание на родине перед пострижением в монашество. Все с нетерпением ждали его пострижения, рукоположения и возвращения. Одновременно стало ясно, как враждебные власти боятся этого, что множество тяжелейших испытаний предстоит после его возвращения на родину в сане иеромонаха. Но не об этих испытаниях он думал: его больше

всего волновали любовь и доверие родного православного народа — они зажигали его сердце величайшей ревностью и смиряли сознанием собственного недостойнства. Служить православному народу своему — значит быть всем слугой, а не господином. На великое и многотрудное служение Господь призвал Своего избранника, и тот трепетал и горел душой перед предстоящей ему великой задачей, перед небывалой никогда прежде ответственностью.

Граф Бобринский, владыки Евлогий и Антоний очень переживали и беспокоились о том, чтобы Александр Кабалюк получил в сжатые сроки столь необходимое ему духовное образование как можно в более полном объеме. По их указанию настоятель монастыря архимандрит Серафим позаботился о том, чтобы Божьего избранника обучал самый грамотный брат в монастыре, окончивший духовную академию. Особенно глубоко его обучали богословским наукам, так как он должен был обличать все неправды еретиков-папистов и открывать верным глубочайшую истину Православия.

Впитывал знания он стремительно, понимая, что каждый день, каждый час его народ страдает под игом и молит Бога об утешении Таинствами Православной Церкви.

*Чудотворная Холмская икона Пресвятой Богородицы,
Покровительницы Холмской Руси*

В кратчайшие сроки святой постигает богословие и всё необходимое для священника, чувствуя многие святыя благословения и пламенные молитвы за него родного народа.

Он живет в строжайшем уединении, весь сосредоточившись на духовной жизни и обучении, но не в изоляции от духовной жизни края.

Здесь многие века страдал православный народ под польским игом — и продолжал страдать, ибо после присоединения к России край остался в административном управлении польской шляхты. Та презрительно

называла измученный православный народ «хлоп (холоп) и поп» — польские дворяне смеялись над нищим, безправным крестьянством и таким же нищим и безправным православным духовенством. Уния была здесь упразднена только в 1885 году, а не в 1830-м, как на всей остальной территории Империи. Много лет епископ Холмский Евлогий, печальник Холмской Руси, пробивал через Государственную Думу законопроект о выделении края из Польши в новую российскую губернию, что произошло только в 1914 году. Эта самоотверженная борьба владыки Евлогия еще больше вдохновляла Александра на борьбу.

Благодаря митрополиту Евлогию, боровшемуся за это в течение нескольких лет (ему даже пришлось ради этого стать членом Государственной Думы!), основная часть Холмской Руси в 1912 году была выделена из состава Царства Польского, образовав новую Холмскую губернию. Таким образом, впервые за многие века власть польской шляхты была ослаблена. Прежде же, пользуясь тем, что русины здесь находились в составе Царства Польского и вынуждены были подчиняться польской администрации, католики страшно давили на народ. После же падения Российской империи и основания независимой Польши это давление настоль-

Митрополит Евлогий (Георгиевский)

ко усилилось, что к началу Второй мировой превратилось в настоящую войну с Православием, когда были взорваны многие десятки храмов, чтобы стереть с лица земли даже самую память о Православной Церкви!

Хочется привести обширную выдержку из воспоминаний митрополита Евлогия (с. 140–147), чтобы понять, какими средствами в границах Российской империи католичество боролось с Православием на Холмской Руси. Здесь же видно и отношение царя-страстотерпца к страждущим русинам – народу Русского Запада.

Эта выдержка может дать представление о том, в какой атмосфере происходило

духовное возмужание преподобного Алексия, его пострижение и рукоположение. Хотя здесь речь идет о событиях 1905 года, еще до приезда святого на Холмщину, но тут главное – понять тот подвиг народа, то страдание за веру, которое преподобный Алексей вобрал на этой земле в свою благодатную душу и которое еще больше укрепило его на неимоверно трудном жизненном пути. На Холмщине он приобрел безценный опыт, так как увидел, насколько могуч архиерей, пребывающий в неразрывной связи верующим народом. Благодаря владыке Евлогию подвижник увидел, каким образом эта связь должна осуществляться. Это ему особенно пригодились при служении в Карпаторусской Церкви, где он был фактически главным посредником между верующим народом и владыками-сербам, являясь председателем духовной консистории – Священного синода.

«Гроза медленно надвигалась и на нас. Она разразилась над Холмщиной весной (1905 года). Указ о свободе совести! Прекрасная идея в условиях народной жизни нашего края привела к отчаянной борьбе католичества с Православием. Ни Варшавского архиепископа, ни меня не предупредили об указе, и он застал нас врасплох. Потом выяснилось, что польско-католиче-

ские круги заблаговременно о нем узнали и к наступлению обдуманно подготовились. Едва новый закон был опубликован, все деревни были засыпаны листовками, брошюрами с призывом переходить в католичество. Агитацию подкрепляли ложными слухами, низкой клеветой: Царь уже перешел в католичество... — переходите и вы! Иоанн Кронштадтский тоже принял католичество — следуйте его примеру! и т.д. Народ растерялся... На Пасхе я был засыпан письмами от сельского духовенства, по ним я мог судить, насколько опасность серьезна. На местах было не только смущение, а настоящая паника. “У нас бури, волнения, слезы, крики... разъясните, помогите!..” — вот вопли, обращенные ко мне. Меня осведомляли, что католики объясняют военные наши неудачи карой Божией на Царя за притеснение поляков; японцев называют “орудием Божиего гнева”; говорят, что Римский папа послал им благословение... В народной массе создалось впечатление безысходной обреченности. Признаюсь, администрация и мы, представители Православной Церкви, растерялись. Ко мне стали приезжать священники — просят поддержки, плачут, волнуются: “Если так будет продолжаться, все уйдут в католичество...”

До нас дошли сведения, что “упорствующие” [в унии, то есть тайные униаты. — *Г.Рачук*] (их было около 100 000) хлынули в костелы, увлекая за собою смешанные по вероисповеданию семьи. А польские помещики повели наступление со всей жестокостью материального давления на зависимое от них православное население. Батракам было объявлено, что лишь перешедшие в католичество могут оставаться на службе, другие получают расчет. Были угрозы, были и посулы: графиня Замойская обещала корову каждой семье, принявшей католичество...

На мой архиерейский двор стали стекаться толпы народа со слезными жалобами, с мольбой о помощи: “Мы пропали... Что нам делать?” — “Держитесь, будьте стойки!” — говорил я. А они уныло: “А как нам стойкими быть?” И верно — как от них было требовать стойкости? Положение батраков сложилось безвыходное. Жалованье они получали ничтожное (некоторые не получали его вовсе), помещик давал им кров (“чворок” то есть угол, четвертую часть избы), свинью, корову, огород и известное количество зерна и муки из урожая. Куда при таких условиях деваться? Многие, очень многие, раздавленные безысходностью, приняли в те дни католичество; правда, не все “за

совесть”, некоторые лишь официально, а в душе оставались верными Православию и по ночам ходили к нашим священникам. Но внешняя удача католиков была бесспорная. Ксендзы торжествовали, объявили 1 рубль награды всякому, кто обратит одну православную душу в католичество.

Положение в Холмщине создалось настолько грозное, что медлить было нельзя, и я решил ехать в самую гущу народных волнений — туда, где, по моим сведениям, было полное смятение: слезы, драки, поджоги, даже убийства... Я запросил Варшавского архиепископа Иеронима, но он меня пускать не хотел. “Вас там убьют...” — писал он. Насилу я его уговорил.

Я отправился в Замостье — в самый центр католической пропаганды. Одновременно со мною выехал туда и Люблинский католический епископ. Прежние полицейские законы были строгие — католическому епископу доступ на территорию русских областей был запрещен. Теперь плотину прорвало. Он ехал в карете, разукрашенной белыми розами, с эскортом польских молодых людей (жолнеров) в щегольских кунтушах; его везли не по дороге, а прямо полями, дабы колеса его экипажа освятили всходы. Такова была картина победного торжества католиков...

Меня в деревнях ожидала картина иная. Подъедешь к церкви – встречаешь бледные, испуганные лица, рыдающего священника, слышишь вопли: “Владыка, защити нас!.. Мы сироты... Мы погибаем!..” Я кричу, разубеждаю, но поднять дух народа одному не под силу. Я объехал ряд сел в течение одного дня и к ночи достиг села, где предполагалась закладка храма. Церковь пришла там в такую ветхость, что едва держалась на подпорках. Больной, в астме, священник встретил меня. На другой день я заехал в Радочницкий монастырь. Сестры, осведомленные о том, что в уезде происходит, меня утешали. Признаюсь, в утешении я нуждался: уж очень тяжелы были впечатления предыдущего дня... Из монастыря я направился в Замостье. Приближался я к городу в смятении духа: мне самому казалось, что все пропало...

Католический епископ и я въехали одновременно с двух концов. Его встречали католические “братчики”, впряглись в карету и провезли на себе до самого костела. На пути с двух сторон восторженная толпа... в первых рядах нарядные польские дамы и девочки в белых платьях с цветами в руках, помещики в национальных костюмах...

Меня ожидала скромная встреча: негустая толпа горожан, казаки... Поднесли

мне хлеб-соль. Плачут... Надо было собрать всю силу духа, чтобы сказать ободряющее слово, не поддаться общему настроению. Я вошел в скромную нашу церковь, оттуда меня провели в дом священника. К трапезе собрались наши “батюшки”, и мы долго рассуждали о событиях. Всенощную служили в церкви Замостского православного братства (имени святителя Николая). Меня не покидала тревога... “Устоит ли моя Холмщина? Выдержит ли натиск?” — думал я вечером и молился. Заснуть я долго не мог. Кошмарная была ночь.

Утром я проснулся от шума. Смотрю в окно — к храму со всех сторон идет народ, движутся крестные ходы с причтом, собираются группами девушки... Слышится пение пасхальных песнопений... И народ все прибывает и прибывает... в 10 часов за мной пришли иподиаконы — вести меня со “славой» в храм. Сквозь густую толпу на дворе едва можно было пробиться. “Слава Богу!.. — обрадовался я. — Есть еще в народе мужество, не угасла любовь к Православию, препобедил он насмешки и угрозы...” Увидав меня в мантии, толпа встрепенулась, поднялась духом. Для того, по-видимому, и пришли со всех приходов, чтобы сплотиться вокруг своего архипастыря. Бабы

плачут... Но это уже не безутешная скорбь — в ней проблеск радости и надежды...

Я служил с большим подъемом. После обедни повел народ на военное поле. Образовался один общий крестный ход: лес хоругвей, множество икон... я с посохом — впереди. Тысячеголосая толпа грянула: “Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...”

На поле был устроен помост. Стали служить молебен святителю Николаю. И вдруг видим: тем же путем, каким и мы шли, приближается католический крестный ход, только толпа меньше нашей и заворачивает он направо, а мы расположились налево. Я говорю протоиерею Трачу:

— Скажите проповедь, чтобы запомнилась до конца жизни...

Отец Трач произнес замечательную проповедь. Откуда только такие проникновенные слова у него нашлись! Всю муку сердца вложил он в свое “слово”. Все рыдали, и он сам плакал... Смотрю, от толпы католиков отделилось несколько человек, бегут к нам послушать проповедь. После отца Трача я хотел сказать «слово». Не успел начать — вижу в толпе какое-то смятение: молодая баба рвется, кричит — и с рыданиями кидается ко мне: “Спаси меня!.. Спаси меня!..” Оказалось, что ее муж, католик, принуждал ее принять католи-

чество, жестоко избил, а когда и эта мера ее не сломила, запер ее в свиной хлев, где она просидела с вечера до обедни. Накануне я проезжал через ее село: узнав, что я направился в Замостье, она пешком устремилась в город. Я взял ее за руку и сказал народу: “Вот жертва католического насилия! Вот вера, к которой вас зовут... Фанатизм и преследование за веру – извращение веры. Христос не был фанатиком”. Мы стояли на помосте рядом – рыдающая, растерзанная, избитая женщина и я в архиерейском облачении... Эта сцена сильно повлияла на толпу. Когда мы вернулись в церковь и я сказал народу: “Мы не пропали! Вы видите, сила веры у нас есть...” – все воспрянуло духом. В моей душе было чувство радости и торжества.

Я поручил попечению местных властей жертву католического фанатизма и взял обещание: если попытка истязания повторится, несчастную женщину отвезут в Радочницкий монастырь. Католический фанатизм отравлял взаимоотношения православного и католического населения. Подобные случаи, как в Замостье, увы, в Холмщине встречались. Но бывали проявления и еще более дикие... До чего мог доходить католический фанатизм, свидетельствует хотя бы следующий пример.

В посаде Тарнограде Белгорайского уезда (на юго-западной границе Холмщины) умирал 85-летний старец, протоиерей Адам Черлючанкович, помнивший еще Холмскую унию и воссоединившийся с Православной Церковью в 1875 году. В самые последние дни, когда он, уже обезсиленный болезнью, терял не только волю, но и ясность сознания, местный ксендз, с которым отец Адам был хорошо знаком, попросил позволения навестить болящего. Родные, конечно же, согласились. Тогда этот удивительный служитель костела захватил с собою Святые Дары, вошел в комнату больного, запер изнутри двери и окна и решил причастить его по католическому обряду, чтобы потом сказать: «Вот, наиболее уважаемый православный священник, перешедший некогда из унии в Православие, все время томился в своей совести и в последний час покаялся и снял свой грех». Бедный умирающий старец как мог протестовал против этого гнусного насилия, отворачивался к стенке, стонал, слабеющим голосом звал на помощь, пока наконец эти стоны и вопли не услышал его сын, бросился к дверям, но они оказались запертыми; тогда он разбил окно и через него вбежал в комнату, однако ксендз быстро исчез, не успев совершить своего злого дела. Из груди старца вырвался вздох облегчения... <...>

Государь Император Николай II с семьей

Государь принял нас на «частном» приеме – в гостиной. Тут же находилась и Государыня. Я рассказал Государю о религиозной смуте, вызванной законом о свободе вероисповедания.

— Кто бы мог подумать! Такой прекрасный указ — и такие последствия... — со скорбью сказал Государь.

Государыня заплакала...

— С нами крестьяне... — сказала матушка Екатерина.

— Где же они? — спросил Государь.

— Их не пускают...

— Скажите адъютанту, чтобы ихпустили.

Но адъютант впустить наших спутников отказался. Тогда Государь пошел сам отдавать приказание.

— По долгу присяги я не имею права пускать лиц вне списка, — мотивировал адъютант свою непреклонность.

— Я приказываю, — сказал Государь.

Мужиковпустили. Шли они по гладкому паркету дворцовых зал неуверенной поступью. (“Як по стеклу шли”, — рассказывали они потом), но все же громко стуча своими подкованными сапогами. Удивились, даже испугались, увидав у дверей арапов-сорокоходов. Не черти ли? Подошли, потрогали их: “Вы человек чи ни?” Те стоят, улыбаются.

Распахнулась дверь — и мои мужики ввалились в гостиную.

— Христос воскрес! — дружно воскликнули они.

— Воистину воскрес, братцы! — ответил Государь.

*Чудотворная Леснинская икона Пресвятой Богородицы,
изображенная на камне, – главная святыня
Леснинского монастыря*

Что сделалось с нашими делегатами! Они бросились к ногам Царя, целуют их, наперебой что-то лепечут, не знают, как свою радость и выразить... “Мы думали, что ты в католичество перешел... мы не знали... нас обманывали...”

– Да что вы... я вас в обиду не дам. Встаньте, будем разговаривать, – успокаивал их Государь.

Тут полились безудержные рассказы. Наболевшее сердце только этого мгновения и ждало, чтобы излить все, что накопилось. Говорили откровенно, горячо, в простоте

сердечной не выбирая слов, каждый о том, что его наиболее волновало... Кто рассказывал, как “рыгу” ему спалили; кто рассказывал, как католический епископ ездит в сопровождении “казаков”... (“Да вовсе они и не казаки, а так, знаешь...”). Я слушаю и волнуюсь: в выражениях не стесняются, не вырвалось бы крепкое словцо...

Государь их обласкал, Государыня мне вручила коробку с крестиками для раздачи населению, — и аудиенция окончилась. <...>

Аудиенция призвала на крестьян неизгладимое впечатление. Отныне они были моими главными “миссионерами”. Стоило кому-нибудь сослаться на лживые брошюры католиков, и побывавший у Царя делегат кричал: “Я сам Царя видел! Я сам во дворце был!”»

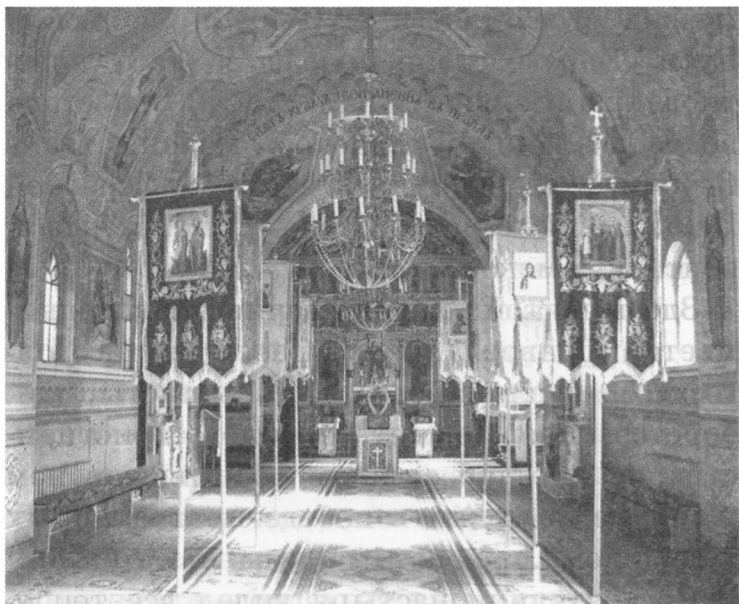
По-особому в крае развивалось и монашество. Игуменья Екатерина, настоятельница древнего Леснинского монастыря, созданного в честь чудотворной Леснинской иконы Божьей Матери на камне, превратила, с Божьей помощью, эту обитель, вместе с еще несколькими, основанными ею, в миссионерский центр просвещения русинов Холмщины. Из водоворота столичной жизни молодая ученая красавица ушла к своим страждущим единоверным и едино-

кровным сестрам и братьям в Холмской Руси. Впоследствии, после захвата власти в крае поляками-папистами, она стала возродительницей женского монашества в Сербии, став игуменьей первой в Сербской Церкви, после долгого перерыва, женской обители – монастыря в Хопове.

Здесь святой увидел воочию, как поднимается Православие в крае, где так долго осуществляли свой гнет паписты, как борется народ за свет истинного христианства, и это еще сильнее обостряет в нем желание послужить победе православных у себя дома.

Настоятель монастыря видел все терпеливое упорство преподобного, все святое рвение благодатной души его в получении необходимых знаний и решил в скорейшем времени постричь достойного карма-торосса. Скорейшего пострижения также жаждали и владыка Евлогий, и владыка Антоний, и граф Бобринский, но в особенности – страждущий православный народ Руси Горней.

Период жизни святого от принятия Православия на Афоне до пострижения в монашество – самый короткий и самый духовно напряженный. Именно в это время он и стяжал святость, и благодать Божья подготовила его к великому служению. Именно

*Кафедральный собор в Хусте,
построенный святым*

в это время его душа очистилась от всех сомнений, от гордыни, от самоволия. Именно в это время его богоизбранность стала явной для многих людей.

За это время – с весны 1908-го до весны 1910-го, – менее чем за два года, он прошел великий духовный путь от новообращенного до монаха. Немногим же более двух лет прошло от присоединения к Православию до принятия сана иеромонаха. Это стремительнейшее восхождение по ступеням святости стало возможным лишь при ве-

личайшем смирении и отречении от своей воли – святой смог отречься от себя и предать полностью свою душу Богу.

В это время и Пресвятая Богородица, Всеблагая Покровительница Ясиня, возлюбила святого и дала ему Свое благословение – чудотворную икону «Акафистную-Предвозвестительницу», чудесно сохраняя святого и помогая ему отныне в самых тяжелых обстоятельствах, когда человек был безсилен помочь.

Эти два года были временем великого духовного труда святой души, которая принесла благодатный плод послушания Богу; временем подготовки к духовному окормлению родины в сане иеромонаха и великому подвигу исповедничества.

СЛУЖЕНИЕ

Не прошло и года, как преподобный приехал в Россию по воле православного собора, и уже Господь сподобил его пострига в малую схиму с именем Алексей, в честь Алексия Божьего человека – с именем, которым его привыкли звать родные. Прежнее имя ему было оставлено, как миссионеру-проповеднику. Это происходит 25 марта 1910 года – на Благовещение Пресвятой Богородицы, Которая явила этим Свое покровительство святому. Восприемником (старцем) был будущий митрополит Казанский, тогда иеромонах Сергей.

Вскоре его хотят уже посвятить и во иеродьякона, но он не имеет ни одного документа, удостоверяющего личность, так как все они были изъяты жандармами и ему пришлось проникнуть в Россию нелегально, с чужими документами. А при рукоположе-

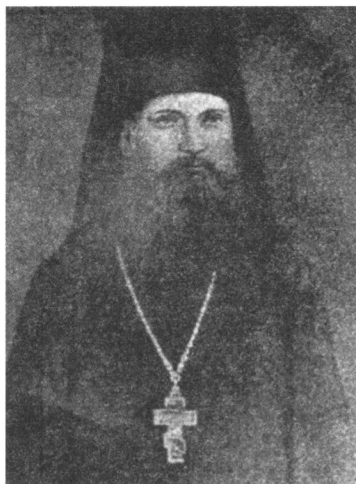
нии в иеродьякона уже требовалось удостоверение личности.

Тогда было принято очень мудрое решение — чтобы народ из Подкарпатья, прибывающий каждый год в Сочаву на праздник, удостоверил его личность своими подписями. Вместе с архимандритом Серафимом святой поехал туда, и народ с радостью поставил свои подписи, умоляя архимандрита Серафима, чтобы священник был к ним направлен как можно скорее. Особенно просили об этом жители Изы и Великих Лучек.

В этом был особый знак Божий, что святой получил удостоверение личности для рукоположения не от богопротивных властей Австро-Венгрии, а непосредственно от своего страждущего народа.

Протокол подписали пятьдесят человек из различных сел, и святой вернулся в Холмскую Русь вместе с архимандритом Серафимом, который воочию увидел теперь, насколько страждет народ в Карпатах без православного священника.

Вскоре предназначенное Господом исполнилось. Край, с которого началось христианство русское и славянское, опять получал священнослужителя истинного христианства, и теперь ничто не могло остановить народ на благодатном пути великого возрождения Православия.

Святой Алексий.

Фото из российской периодики, 1910 год

Если пострижение святого произошло в день Благовещения Божьей Матери, то рукоположение во священника, после рукоположения во иеродьякона 11 июля, произошло 15 августа – в день Успения Пресвятой Богородицы, что было особенно знаменательно. Сам архиепископ Евлогий совершал рукоположение в древнем монастыре святого Онуфрия – великой твердыне духовной, которую никогда не могли одолеть лукавые униаты. Была особая воля Божья и воля Пречистой к возрождению истинного христианства в древнейшей православной славянской стране.

Святой все сильнее сопереживает великой скорби своего народа и рвется освободи-

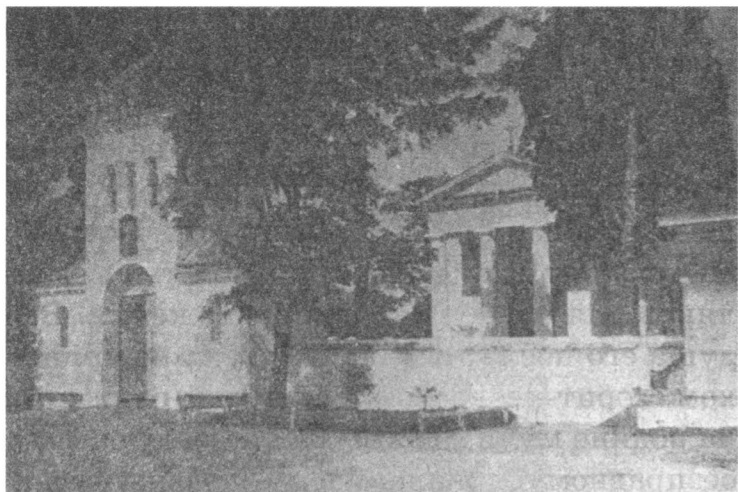
дить его от духовного рабства жестокого Рима. Он думал, почему ему одному выпали такое огромное счастье и великая честь, а сколько достойнейших людей не имеют такой возможности — служить Богу в сане иеромонаха или священника. Поэтому он хочет привести сюда, в монастырь, земляков для обучения и рукоположения. Вся душа его после того, как он стал иеромонахом, горит ревностью и жаждой служения на родине мучимому за веру народу своему, безправному и жаждущему Правды Божьей, Света Истины в своей тяжелой жизни. Святой понимал, что едет к опасностям, что ему предстоят тяжелейшие испытания и, возможно, даже смерть за Христа, но это его не пугает.

Владыка Евлогий, видя его непреклонное стремление и уважая рвение боголюбивой души, благословляет его на великий крестный путь. Граф Бобринский, зная, какие опасности его поджидают в антиславянской и антиправославной империи, обещает ему свое покровительство и защиту.

Святого снабжают антиминомом и святым миром для совершения Божественной литургии в крае и принятия униатов в истинное христианство через миропомазание.

Чтобы скрыть, насколько это возможно, связь святого с Россией, его посылают на

Яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь

Святую Гору Афон, дав ему предварительно русское подданство и заграничный паспорт. Путь его лежал через Одессу и Константинополь.

Опять святой прибыл в земной удел Пресвятой Богородицы. Первый раз он здесь появился, возжаждав правды, и принял здесь истинное христианство всей душой, а теперь уже прибыл сюда православным иеромонахом.

Здесь он был встречен с великой радостью настоятелем Руссика архимандритом Михаилом, братией, и с совершенно особыми чувствами — монахом-земляком Варухом.

Здесь произошла процедура переоформления российских монашеских бумаг на

афонские, чтобы скрыть, насколько это возможно, связь святого с Россией, которую в Австро-Венгрии запросто могли расценить как самое страшное государственное преступление — измену Родине. Подневольное положение славян в Австро-Венгерской двуединой империи особенно явственно выразилось в том, что родиной для них официально считались или Австрия, или Венгрия, но никак не родина в истинном смысле этого слова. Процедура переоформления была не так проста, и святой провел на Афоне целых четыре месяца, посещая различные монастыри и питая душу множеством святынь, собранных на Святой Горе за века. Его душа промыслительно напитывалась здесь благодатью и усиливалась перед предстоящим подвигом исповедничества в несправедливой империи. Из этого благодатного богохранимого места, с великим святынями, предстояло уехать в край многовековых страданий и мук за веру.

В начале 1911 года, в день Крещения Господня, святой получил наконец, после долгих процедур, от архимандрита Мисаила справку о том, что он состоит в братии монастыря, и был отправлен вместе с тремя монахами к самому Константинопольскому патриарху Иоакиму. То, что выдача бумаг произошла на само Крещение, знаменательно

указывало, что Господь определил Своему избраннику великое служение проповедника истинной веры.

Святой был очень тепло принят. Патриарх выслушал слово о великом страдании и терпении православных Руси Карпатской с сердечным пониманием — к этому времени православные греки уже более четырех веков страдали под турецким игом, терпя муки и унижения за святую веру. Патриарх благословил святого на путь исповедничества и направил в Сербскую Православную Церковь, так как она окормляла всех православных Австро-Венгрии, за исключением румын.

Имея с собой соответствующую грамоту от владыки Евлогия, святой легко получил от патриарха письменное подтверждение своих афонских документов. Патриарх даже разрешил совершить богослужение в своей патриаршей церкви, что было великой честью.

Получив благословение Патриарха Константинопольского, преподобный Алексий прибыл на родные для славянина дунайские раздолья и горы в самом начале весны 1911 года. Он спешил к Патриарху Сербскому Лукиану (Богдановичу), который ласково и радостно принял его, зная, на какой великий подвиг решился отец Алексий.

Святой Алексий в сани иеромонаха

Белая Сербия и Сербия Великая были едины в святой борьбе – патриарх дал ему благословение на все священнодействия в землях Угорской Руси и назначил помогающим священником прихода в Мишкольце, к которому легально были приписаны Иза и Великие Лучки, сумевшие официально выйти из унии. Настоятелем прихода был священник Аврелий (Мотин). Для этих сел и был назначен преподобный Алексий, как исполняющий обязанности приходского священника Сербской Церкви.

Так свершилось то, чего чаяли уже много лет православные всего края, – Господь даровал им своего священника. С великим

Мукачевский Свято-Никольский монастырь

душевным трепетом святой поехал в Карпаты, уповая на Бога и Его Пречистую Матерь.

Огромная победа была в том, что народ получил священника от Бога. Многие годы православные были в униатской блокаде и, за исключением немногих зажиточных крестьян, ехавших к сербам, не могли ни креститься, ни венчаться, ни отпевать, ни причащаться Пречистых Христовых Таин.

Вместе с Ильей Пирчаком, испытанным борцом за веру, святой к началу Великого поста тайно прибывает в Мукачево, епархиальный центр, захваченный униатами к концу XVII века. Здесь он останавливается в домике православного человека Ивана Хомы, которого уже давно знает.

Здесь целых две недели отец Алексей тайно совершал богослужение. Служил ежедневно, почти круглосуточно. Постоянно сменялись прихожане, а он оставался, чтобы утешить все новых и новых. Антиминс и святое миро святой вывез из России, и теперь в полноте церковного общения забывались самые тяжелые муки и испытания русинов. Всюду теперь преподобный Алексей приносил с собой торжество Православия.

Оставаться здесь дольше было опасно, да к тому же святого особенно ждали в Изе и в Великих Лучках. Если в Изу ехать было далеко и опасно, то Великие Лучки находились совсем рядом с Мукачевом и жители этого села неустанно просили приехать к ним, освятить их молитвенный дом.

Опасаясь жандармов, святого повезли в Великие Лучки под огромным ворохом соломы. Поскольку православное село находилось в негласной блокаде, воз остановили по дороге мадьярские жандармы. Они стали тыкать своими саблями в солому. Святой, прижав колени к подбородку, молился Божьей Матери, обняв и прижав к себе Ее икону «Акафистную-Предвозвестительницу», которой благословили край на Святой Горе Афон. Одна сабля прошла перед самыми его глазами, другая возле ног, третья

со спины, едва его не оцарапав. Так Божья Мать спасла исповедника.

В Великих Лучках он был встречен с огромной радостью, прибыв туда перед Благовещением Пресвятой Богородицы. Исполнялся лишь один год с момента его пострижения в малую схиму, а он уже был со своим народом. С великой торжественностью был освящен молитвенный дом, в котором была отслужена всенощная на праздник Благовещения и еще до рассвета — Божественная литургия — первая истинная Божественная литургия в селе после двухвекового перерыва! Целую ночь Божий избранник под покровом Матери Божьей исповедовал народ перед причащением Святых Христовых Таин. Исповедал он больше тысячи человек, и после этого Господь дал ему силы совершить Божественную литургию и причастить народ. За время своего пребывания в Великих Лучках святой окрестил великое множество детей и множество пар обвенчал, совершая и другие требы для народа, алчущего и жаждущего правды, по слову Христа, и теперь насыщавшегося.

Но с еще более великой жаждой святого ждали в родном Мараморыше, куда он поехал вместе с Федором Маренцийским из села Осой. Был он переодет в народную одежду.

Поехали они вместе на подводе на железнодорожную станцию Страбичево, чтобы там сесть на поезд до Хуста. По пути, на станции Батеве, святой встретил своего давнего друга — Михаила Палканинца из Хуста, в доме которого собирался совет православных общин всего края. Михаил был извещен о том, что святой стремится в Мараморыш, — ночью ему явился старец (святитель Николай) и сказал: «Вставай и иди на станцию и приведи до себе!» Оба бросились друг к другу и заплакали от радости. Они едва не были задержаны по дороге в Мараморыш, но жандармов успокоило то, что святой был в народной одежде, и их обоих отпустили.

Прибыв в Хуст, святой поселился в доме своего друга и тайно служил там. Так православное богослужение возобновилось и в Мараморыше, несказанно утешив Божьих людей.

Отсюда святой вынужден был вернуться домой, так как находиться в Хусте было очень опасно из-за присутствия в городе властей. Легально жить он здесь не мог.

В родном доме святой одну комнату отвел под домашнюю церковь и служил там, возобновив православное богослужение в самом глухом и дальнем крае Мараморыша — на Гуцульщине, у подножия легендарной

Черногоры. Здесь его все знали; и власти села и даже греко-католический священник относились к нему терпимо, как к земляку.

Но центральная власть ненавидела святого, ему было запрещено покидать Ясиня. Он находился фактически под домашним арестом.

Святой, конечно же, не мог с этим смириться и тайно покинул родное село, чтобы идти к страждущему народу и утешать его таинствами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви.

Все оставшееся время 1911 года в простой народной одежде ходил он по Карпатам из села в село со своей походной церковью. Исповедовал и причащал, крестил и венчал, отпевал и всячески утешал гонимый народ Горней Руси – Белой Сербии. Жандармы старались его схватить на месте «преступления», которым власти считали православное богослужение в многострадальном крае, но Бог и Пресвятая Богородица спасали святого.

Святой Алексей не расставался с чудотворной иконой – благословением Святой Горы Афонской, и Божья Мать спасала его. Не раз жандармы гнались за ним по горячим следам, а он, прислонясь к ближайшему дереву и прижимая к себе чудотворную икону, молился Пречистой, и, проходя лишь

Чудотворный список иконы «Акафистой-Предвозвестительницы», привезенный святым с Афона

в одном шаге от него, жандармы не замечали святого, спеша далее. Божья Матерь по-особому любила этот благодатный край, и даже место рождения святого было освящено чудом Ее. Преподобный был избран служить здесь Богу, и в этом Божья Матерь была ему великой Покровительницей и Помощницей.

Всюду он приносил великое утешение страждущему православному народу. Великий святой духовно окормлял многие тысячи единоверцев и укреплял их перед еще более лютыми гонениями.

Так окончился 1911 год, в который святой, под покровительством Божьей Матери, принес народу великое счастье Таинств истинного христианства, и наступил следующий – 1912 год, в который гонения на православных несказанно усилились, превратившись в кошмарный незаконный террор.

В начале 1912 года он опять поехал в село Великие Лучки, близ города Мукачево, где собрались православные всего Мукачевского края. Там исповедника удалось выследить австро-венгерским властям, так как огромное стечение народа православно-го скрыть было невозможно.

После торжественного богослужения и проповеди, в которой преподобный утешал и укреплял свой народ, говоря про необходимость молитвы к Богу о даровании сил, чтобы выдержать мучения за веру, он окрестил несколько десятков детей, несколько пар обвенчал.

Затем уже стал прощаться, собираясь ехать дальше, как вдруг в переполненный людьми дом ворвались мадьярские жандармы. «Не бойся, малое стадо, Христос посреде нас!» – воскликнул преподобный Алексей и обратил взор на изображение распятого Господа, со слезами моля об укреплении перед мучителями. Жандарм угрожа-

юще спросил: «Что вы здесь делаете?!» Святой спокойно заговорил с ним по-венгерски, чтобы успокоить православных, как будто ничего особенного не происходит, но жандармы выгнали всех, набросились на него и связали, после чего с сотнями мужчин, женщин и детей повели в тюрьму города Мукачево. А вслед за арестованными шла еще более огромная толпа православных, плача, крича и протестуя против беззакония.

В тюрьме он провел четыре дня. Православные женщины приносили ему есть. Его допрашивали и после допросов доставили в родное село под жандармским конвоем. Здесь он должен был, по приказанию властей, жить неотлучно, и ему строго было запрещено разъезжать по селам Закарпатья.

Отдохнув немного дома, святой опять решил тайно покинуть родные места, чтобы снова нести свой великий и тяжкий крест единственного православного священноиника на целую горную страну.

После второго своего побега из-под домашнего ареста исповедник Христов опять пошел утешать страждущий народ. Часто он останавливался в Хусте у своего друга Михаила Палканица, где начал действовать постоянный молитвенный дом и опять стали проходить тайные собрания православных

Игуменя Параскева, в схиме Нина

края, которые уже не были таким многоллюдными из-за усиления гонений. И опять Божья Матерь неоднократно спасала его от жандармов, которые постоянно стремились его схватить.

Все православное Подкарпатье берегло и скрывало от врагов своего святого. Все ждали, когда к ним придет священник-благовестник, но особенно его ждали в селе Иза – духовной столице православного Закарпатья. В 1903–1904 годах австро-вен-

герские власти судили за веру мучимых исповедников села Изы на процессе, который вошел в историю как Первый Мараморош-Сиготский процесс. Село было под оккупацией и непрерывным террором: девочек-подростков, желающих стать монахинями, загоняли зимой в ледяную реку, раздевали до утомления плеткой, обливали на тридцатиградусном морозе ледяной водой и водили после этого напоказ по селу, едва позволив опоясаться лохмотьями порванных и растоптанных платьев. Мужчинам ломали палками кости. В Изе было немало людей, отдавших жизнь за Христа. Семьи теперь жили под домашним арестом, и относительная свобода передвижения вне дома оставалась только у детей.

Зная это, преподобный тем сильнее стремился душой к страждущим братьям и сестрам. Наученный Богом, он сумел, пользуясь поддержкой Сербской Церкви, к которой официально смогло присоединиться село Изы, получить законное разрешение властей на трехдневное пребывание в Изе и богослужение. Такое же разрешение удалось получить и для пребывания в селе Великие Лучки, поскольку там православные тоже сумели официально присоединиться к Сербской Церкви. Соединенным силам сербов и русинов удалось одержать великую победу.

Власти были в растерянности — ведь отец Алексей Сербским патриархом Лукианом (Богдановичем) официально был назначен в помогающие священники отцу Гавриилу (Аврелию) Мотину, настоятелю прихода в городе Мишкольц и, таким образом, официально являлся священнослужителем Сербской Церкви, к которой были присоединены два героических русинских села, причем Иза была приписана именно к приходу в Мишкольце. Все было нарочито законно, и святой приехал в многострадальную Изу, несмотря на ярость начальника жандармов, который ничего не смог возразить и выдал требуемое разрешение.

В этот день был праздник Сретения Господня, и Сам Господь в лице Своего святого служителя посетил Изу. Только крестились в этот день более трехсот человек. Святая радость переполняла сердца исповедников, большинство которых впервые в жизни увидели православного священника и сподобились Таинств Святой Православной Церкви. Счастье народа было настолько великим, богослужения проходили при таком многолюдстве и сплоченности, что начальник жандармов писал в доносе губернатору в Марморош-Сигот: «Нужно перестрелять весь народ в Изе, и только тогда можно взять от них священника».

Священномученик Патриарх Тихон

После проповеди народ заплакал, как один человек. Об этом богослужении у преподобного сохранилась память на всю жизнь, и он оставил в тот день запись на Псалтири.

Это торжество Православия в Изе окончательно вывело из себя власти Австро-Венгрии. Гонения приняли чудовищный размах и неимоверную жестокость. Мараморыш был наводнен жандармами. Православные села были под жесточайшим контролем. Служить вскоре стало просто невозможно. Каждую поездку святого теперь власти

использовали как повод для еще большего усиления и без того чудовищного террора; служить он уже не мог.

В мае 1912 года он покинул свою многострадальную родину и выехал в Россию. Там ему посоветовали поехать в Америку, где много русинов-эмигрантов из Подкарпаття переходило из проклятой унии в Святое Православие.

Здесь он увидел, после многолетней разлуки, своего старшего брата – Димитрия. Митрополит Платон, управляющий Американской Православной Церковью, дал ему благословение посещать всех православных земляков. Здесь он познакомился с одним замечательным художником-иконописцем, открывшим для него мир православной иконы – богословия в красках.

Видел он и будущего священномученика – Патриарха Тихона, который в то время управлял русским приходами в Америке. Преподобный пробыл здесь целых полгода, вплоть до Пасхи следующего, 1913 года.

В эти полгода пребывания в Америке он получал множество писем из Подкарпаття. О том, как ждали его в родном краю, свидетельствует письмо к нему жителей села Великие Лучки, подписанное 3 января 1913 года:

«Христос посреди нас!
Благословите, отче наш!

Мы, лучанские Ваши единовѣрцы, получили от Вас из Америки письмо и очень обрадовались, узнав, что Вы еще живы и нас не забываете, но своими отеческими словами облегчаете страдания обреченных на жестокие мучения за Святое Православие.

Пишете, чтобы мы твердо стояли, а мы отвечаем, что самая жестокая смерть не вырвет из наших сердец веры православной.

Знаете ли Вы, что нас постигло после Вашего отъезда из Лучек, когда жандармы заставили Вас нас покинуть? (здесь лучане припоминают то время, когда отец Алексий в начале 1912 года служил в лучанском молитвенном доме, был арестован вместе с присутствующими и отправлен в Мукачевскую тюрьму. — *Г.Рачук*). Мы, не зная, что с Вами случилось, очень скорбели. Одни говорили, что Вы в тюрьме, а другие — что Вас убили униатские попы, но, слава Богу, Вы живы. Огромный успех Вашей деятельности заметен только теперь.

После посещения Вами Мукачева и наших Лучек не только Лучки, но и другие известные Вам села: Зняцево, Горонда, Страбичево, Давыдково, Ракошино, Ключарики, Комяты, Заричье, Чингава, Билки и многие другие перешли в Православие. Такое большое движение вызвало ярость у униатских попов, а мадьярское правительство считает наше религиозное движение антигосударственным, политическим. Вследствие сего мы подверглись

неописуемым гонениям. Наши депутаты ездили неоднократно в Будапешт, но напрасно. Министр вероисповеданий граф Янош Зечи наши прошения отбросил, депутации не принял и нас назвал российскими панславистами...»

Видя в усилившемся распространении Православия влияние преподобного Алексея, власти решили наброситься на его родных — прежде всего на братьев и сестер, надеясь, таким образом, напасть на след неуловимого проповедника. Если же это не удастся, то, по крайней мере, свести с ним счеты, отыгравшись на самых близких людях.

Об этом также сохранились письма сестры святого, Василисы, неоднократно ездившей в Америку к старшему брату Димитрию (в конце концов она там поселилась постоянно и вышла замуж), и брата Юрия, что остался жить в Ясиня и позднее, уже при чехах, стал старостой села.

Письмо Василисы датировано 15 декабря 1912 года. В это время она уже находилась под надзором полиции, пережив арест. Власти так поступили с ней из-за ее постоянных поездок за границу, в Америку, откуда, как уже было известно, также распространялась проповедь Православия от подкарпатской диаспоры. Она пишет своему брату:

«Христос посреди нас, Он утешит нас!
Кланяюсь Вам низко и целую Вас
крепко и безсчетно!

Возлюбленный мой, незабываемый
мой, дорогой родной брат и духовный
отец, благословите!

Извещаю Вас, что я, слава Богу, жи-
ва и здорова, будучи дома, я побывала в
соседних селах, Изе, Лучках и Хусте. Ви-
делась с другими, жизнь их по-прежнему
тяжелая. Враги приходят ночью, ломают
двери, берут что видят и арестовывают.
Я креплюсь духовно и бодро переношу
все гонения. Уехала бы к Вам, только
сейчас нельзя. Ожидаю весны. Когда ус-
покоится, я уеду. Жду суда, но надеюсь,
что Бог по Своей великой милости меня
не оставит.

С тем до свидания.
Любящая и не забывающая Вас
сестра Василиса».

В этот же самый день — 15 декабря 1912 го-
да письмо своему святому брату написал
и Юрий. Вероятно, они с сестрой Васили-
сой договорились отправить в Америку оба
письма вместе, пока еще есть такая воз-
можность.

Вот что Юрий пишет:

«Христос посреди нас!
Кланяюсь Вам, дорогой батюшка!

Все ваши письма я получил, но после
последней Вашей открытки почта не вы-
дает писем на мое имя. Не получаю ни
газет, ни писем, а потому пишите на имя

жены. Конфисковали тоже книги у сестры Василисы, а теперь ждет суд. Чопик и Палканинец в тюрьме. Слышно, что Юрия (Чопика) приговорили к смерти. Якова [Барканюка из Ясиня, с которым преподобный Алексей ездил в Россию. — *Г.Рачук*], Василису, меня и других, у которых нашли русские книги, посадят в тюрьму. Первое разбирательство Василисы еще не окончено. Военное положение способствует гонениям. Нельзя появляться на улицу. Нельзя зайти к родным, а то сейчас заподозрят в шпионстве. У нас в Галиции [Ясиня расположено у самой границы Мараморыша с Галичиной. — *Г.Рачук*] призвали всех запасных. Надеюсь, что и меня на днях призовут. Больше не пишу, т.к. все письма, отправляемые за границу, на почте проверяют.

Будьте здоровы. Юрий».

Сохранилось еще одно письмо Юрия, написанное в крайней спешке, очень короткое, без даты написания:

«Получив письмо вечером, я сейчас же Вам ответил, но письмо не отправил. Утром я еще спал, когда явилась полиция и конфисковала, забрала все, что от Вас, и мое письмо к Вам.

Юра (Чопик) и много других сидят в тюрьме. Теперь идем мы, все Ваши родные. Письма не ждите из тюрьмы, не пошлем.

Молитесь Богу за нас, остаюсь преданный брат Юрий».

Пользуясь тем, что православные были объявлены вне закона, как мятежники, задумавшие присоединить свой край к России, «предав родину» (Австро-Венгрию), власти делали все, что хотели. Установился террор, который ужесточался все более и более. Властям не хватало только одного — им нужно было схватить того, кого они считали главным виновником «мятежа», — преподобного Алексия, а он был для них недосыгаем. Им казалось, что он скрывается в родном краю у православных, — его постоянно искали и не могли найти. Единственное, что могли придумать власти в этой безвыходной для них ситуации, так это следить в его родном селе за родственниками, думая, что рано или поздно он явится в Ясиня и увидится с родными. Думали, что сумеют найти его, если он прячется у родни, или заставить родных выдать его местопребывание. Опять же, самой знающей считали Василису, из-за поездок за границу, — ей поэтому и пришлось тяжелее всего.

«Жандармы ночью напали на дом отца Алексия, надеясь там его найти, сделали обыск и конфисковали все его вещи: книги, письма, иконы и др., а также разрушили часовенку, которую еще в молодости отец Алексей устроил себе для молитвы, а сестру его Василису подвергли всяческим мучениям.

Ее в одном белье выгнали в приток реки Тисы [реку Черная Тиса, вдоль которой растянулось село Ясиня. — *Г.Рачук*], где она вынуждена была стоять долгое время во льду, стараясь этим заставить ее сказать, где находится ее брат отец Алексей».

После получения этих писем святой понимает, что его отъезд не облегчил судьбы православным и власти думают, что он по-прежнему проповедует в родном краю. Он рвется домой, на родину, чтобы быть с народом во время великих испытаний. Но сначала он решает приехать в Россию за благословением на этот подвиг исповедничества.

Но когда он приезжает в Россию, всем становится ясно, что отправлять его в Подкарпатье сейчас не имеет никакого смысла, так как, кроме его заключения в тюрьму, никаких других последствий быть не может. Слишком страшные известия стали приходить из Австро-Венгрии в Россию, чтобы единственного православного иеромонаха отправить на растерзание жандармам. В России слишком дорожили им, чтобы отправить на муки и, возможно, даже смерть в Австро-Венгрии.

Святого опять благословляют ехать в Америку, куда он отправляется в большом

духовном томлении, без конца думая о тех страданиях, которые испытывает в родном краю православный народ. И при этих страданиях рядом с ним не было ни одного православного священника!

В Америку он снова приехал в сентябре того же 1913 года, проведя в России четыре месяца, так и не добившись благословения поехать на родину. Здесь он получил приход с благословения владыки Платона и стал опять окормлять своих земляков.

Но его второе пребывание здесь было недолгим. В сентябре он прибыл сюда, а уже в декабре уехал на родину.

1913 год был трагичен для балканских славян: после совместной победоносной войны с турками единоверные и единокровные сербы и болгары стали воевать друг с другом, не поделив миром отвоеванную Македонию. Победили сербы.

А в Русских Карпатах арестовывали православных крестьян — сначала почти двести человек из различных сел, потом половину пришлось отпустить за недостаточностью улик. В декабре на исходе 1913 года мир узнал, что в Мараморош-Сиготе — главном городе Марморышской долины будут судить девяносто четырех русинов — за их веру и национальность.

Узнав в Америке из газет о том, что идет грандиозное судилище над православными в Мараморош-Сиготе, преподобный Алексей уже не мог более терпеть разлуки со своими братьями и сестрами по вере, мучимыми в родном краю. Он немедленно поехал на родину, чтобы понести вместе со страдальцами их крест. Безстрашный исповедник пришел в Марморош-Сигот со словами: «Я – Алексей Кабалюк, которого вы ищете», после чего был немедленно арестован и брошен в застенки. Австро-венгерские газеты захлебывались в своей ненависти к нему, считая святого соблазнителем и возмутителем простого народа – агентом царской России, главным государственным преступником, скрывающимся за границей от возмездия. Четко осознавая, что, возможно, идет на смерть, он, перед тем как пересечь границу Австро-Венгрии, заезжает в Яблочинский монастырь, где просит как можно скорее рукоположить своих земляков-изян Василия Кеминя (в монашестве Амфилохий) и Василия Вакарова (в монашестве Матфей).

Об этом своем поступке сам святой, уже будучи в неволе, говорил так: «Я не считаю возможным, как священник, уклоняться от суда. Это было бы неисполнением заповеди Божьей».

ПОДВИГ ИСПОВЕДНИЧЕСТВА

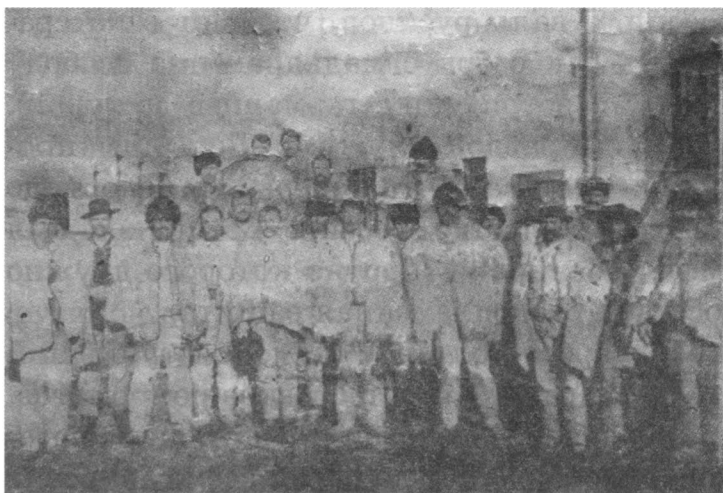
Православные сербы, честные мадьяры, сочувствующие гонимым евреи выступили во множестве адвокатами, стремясь предотвратить или хотя бы смягчить вопиющее беззаконие. Сердце христианской Европы, еще не зачерствевшее в дыме мировых войн, было возмущено этим наглым демонстративным злодеянием.

Но никакие протесты и возмущения не могли поколебать австро-венгерские власти, стремящиеся окончательно покончить с «русским вопросом». Это, по их мысли, должно было обезглавить общеславянское движение и прервать связь с Россией. Это было идеологической подготовкой грядущей войны.

Судебное разбирательство началось на святой неделе — святках, между Рождеством и Крещением, и мучимые за веру русины встречали эти дни подвигом

исповедничества. Попытки были не только в застенках — грубые и беспощадные, но и в суде — лукавые и уничижающие. Обвиняемые сидели в лохмотьях полуистлевшей одежды — голодные и избитые, да еще при этом переводчик с русинского на мадьярский искажал их слова по своему усмотрению. Вызванные для опроса первые трое подсудимых были настолько замучены своими палачами в течение долгих месяцев, что не могли связно говорить и отвечать на вопросы судьи — по его приказу страдальцев отправили в сумасшедший дом. Вызванная после них старая крестьянка на вопрос о переходе в Православие отвечала: «Униатские попы службу сокращают, а православные служат полностью». Так кратко и мудро ответила Мария Сочка из села Билки. Святой Алексей, никогда не сокращавший Божественной службы, несмотря на многолюдство и недостаток времени, все заседания тепло и ласково смотрел на каждого из исповедников, молясь об укреплении их душ, о вразумлении их свыше.

Юрий Чопик из села Теребли замечательно ответил на тот же вопрос. Объясняя, почему он вышел из унии, честный исповедник веры Христовой произнес: «Одно отроча токмо одна мати может породить, а две одно — нет. Две матери одно отроча

*Подсудимые на Втором Мараморош-Сиготском
процессе. Возможно, святой Алексей – четвертый
в первом ряду слева*

родити – таковое чудо еще не видел свет... Мы не можем исполнить и православную, и греко-католическую науку, а мы исповедуем и признаем, что спасительная вера лишь одна, которой Христос голова. Сию святую веру мы к себе обняли и мы ее от себя взяти не даем, скорше готовы перенести всякие муки и смертельные разлуки за сию святую веру».

Подсудимым задавали один и тот же вопрос о вере, и народ говорил, что уния была насильно навязана предкам.

Прокурор обвинял подсудимых в том, что они отвернулись от Венгрии в сторону

России. Хваля русинов, что они века сражались бок о бок с мадьярами за свободу (против австрийских германцев и турок), верой и правдой служили Венгрии, прокурор посетовал, что теперь все испортило подстрекательство России. Вот каков был смысл обвинения, против которого дружно восстала разноплеменная защита.

Мадьярин Золтан Ронаи, выступивший от венгерских протестантов-реформатов, прямо заявил, доказал и наглядно продемонстрировал на суде перед всеми, опросив униатское духовенство прилюдно, что оно само указывало жандармам, кого пытаться из крестьян по селам, чтобы вернуть в униатство, ибо с переходом русинов в Православие униатские попы-помещики лишались своих доходов и бесплатной рабочей силы. Золтан Ронаи предъявил и документы-записки, инструкции — кого нужно пытаться, кого освободить от пыток по болезни и т.д. Так защищали русинов благородные мадьяры.

Помогли православным и австро-венгерские евреи. Еще в 1906 году, с помощью доктора юриспруденции Блока, православным крестьянам села Великие Лучки удалось, несмотря на лютое противодействие властей, официально выйти из греко-католичества и присоединиться к Сербской Православной Церкви, а теперь на защи-

ту православных русинов выступил доктор Кляйн. Он заявил открыто, что суд идет не по гражданским законам Венгрии, а по законам средневековой католической инквизиции — людей судят только за их веру. Доктор Кляйн во всеуслышанье объявил, что именно венгерское государство довело русинов до такой нищеты, что, спасаясь от голодной смерти, они десятками тысяч устремились в Америку, где узнали истинное Православие, поняв, что их запутали и обманули на Родине. Именно поэтому они и захотели вернуться к вере своих предков, а им мешает униатское духовенство.

Наконец выступил православный серб доктор Константин Хаджи от Сербского Патриархата. Твердо и безбоязненно взывая к совести судей, защитник сказал, что возврат в веру своих предков — не преступление, а неотъемлемое право русинов, и никто не имеет морального права их осудить, да только православные в Австро-Венгрии, при известных обстоятельствах, ставятся властями вне закона.

Многие защитники и очевидцы говорили о пытках и избиениях, так что судья запретил адвокатам задавать подобные вопросы, а между тем в село Изу правительство направило несколько батальонов немецких солдат — немецких, чтобы у них не возникало

ни малейшей жалости к русинам. Террор в столице Православия в Закарпатье принял ужасающие размеры и дикие формы. Многие отморозили себе руки и ноги, потому что скрывались от зверств зимой в лесах и горах. В ближайшем к Изе селе Липча жандармы выбили в одном доме, где жила молодая женщина с детьми, все стекла в окнах, чтобы семья замерзла. Часто, ворвавшись ночью в дом села Иза, они выгоняли семью на мороз, а сами ложились, пьяные, в грязных сапогах, на чистые постели.

Против зверств и незаконного суда состоялись митинги протеста в Вене, столице Австро-Венгрии, и Киеве.

27 января в Вене состоялся первый общеславянский митинг протеста. Организовали митинг чехи. Чешский депутат Экслер говорил страшные в своей правде слова, возлагая вину за случившееся на венгерский народ: «Мадыяры считают себя самой рыцарственной нацией в мире, но мы, которые ближе их знаем, смотрим иначе на этих “рыцарей”. В наших глазах мадыяры являются олицетворением того, что мы сегодня понимаем под узким шовинизмом, сопряженным с деспотическим попранием самых элементарных человеческих прав; они стали воплощением грубого насилия, совершенного над более слабыми народами.

Море крови и слез упрочило за мадьярами европейскую “славу”. Горька судьба славян, живущих в пределах Венгрии, униженные и оскорбленные, стонут они под страшным игом мадьярского деспотизма. Недаром говорят: Венгрия – Голгофа славянства. Уг-рорусский процесс является только одним из звеньев в долгой веренице гонений и преследований».

Другой знаменитый чех, доктор П.Неруда, заявил: «Обвинению в государственной измене никто в мире не верит: ведь известно, что в Венгрии не первый раз фабрикуют подобные процессы!»

Когда в поддержку русинов выступил серб Милован Будимир, комиссар полиции остановил его: «По-сербски нельзя говорить, говорите по-немецки». Эти слова полицейского чиновника вызвали нарастающую бурю негодования среди славян, раздались протесты, сопровождаемые овациями, и зазвучал славянский гимн «Гей, славяне!». Но вскоре ворвался наряд полиции, вызванный по телефону комиссаром, и митинг разогнали, арестовав немало людей. Несмотря на это, через неделю, 3 февраля 1914 года, там же австро-венгерские славяне организовали второй митинг протеста. Многие на нем уже не смогли присутствовать из-за действий полиции. И опять горячо выступили

чехи; господин Томашек мудро заметил, что надо знать историю русинов, чтобы понять их стойкость и непоколебимость: «За Карпатскими горами был искони русский народ, исповедующий свою православную веру на славянском языке, верный своим святителям Кириллу и Мефодию. Оба этих святителя подвергались неоднократно преследованиям за то, что перевели литургию на славянский язык. И народ, имея таких святителей, остался верным православной вере своих предков, связывающей его культурно и национально с целым великим русским народом.

Сегодня обвиняют девяносто четырех русских крестьян в “пропаганде Православия”. Причиной сему – униатское духовенство, которое испортило народ и обирало его до последнего гроша. Против такого безправия восстал угрорусский народ и сегодня подвергается суду.

За что? За то, что остался твердым, непоколебимым и верным православной вере.

Мы, чехи, понимаем хорошо угрорусский народ, подвергающийся пытке из-за молитвословов, когда и нас, чехов, из-за чешских книг тягали по судам. Протестуем во имя человечности против неслыханных истязаний угрорусского крестьянства!»

Выступали и сербы, и словаки, причем Милован Будимир упомянул и Загребский процесс, где австро-венгры судили сербов и хорватов за верность своему народу.

Собрание вынесло резолюцию, в которой говорилось, что жестокость и безчеловечность применяется ко всем славянским народам. «Но все до сих пор совершенные жестокости превышает последний угрорусский процесс в Мараморош-Сиготе. Призываем на помощь культурную Европу, чтобы непременно этому насилию положить конец, ибо мараморошский процесс является срамом и позором для мадьярского правосудия и народа. Призываем на помощь всех чешских и прочих славянских депутатов, чтобы непременно занялись этим делом угроруссов. Несчастливым братьям-угроруссам высказываем сердечные симпатии и уверения, что будем до окончания процесса стоять с ними и защищать их от дальнейших беззаконий».

Возмущение в обществе было настолько велико, что с разоблачением мадьярского правосудия выступали честные журналисты-мадьяры, приводя жуткие сведения об издевательствах над заключенными.

Но не таковы были единокровные, но не единовѣрные русины — отступники, иуды, предавшие свой народ и называвшие

себя украинцами только затем, чтобы не иметь ничего общего ни с Россией, ни с православными русинами. Они не только не приняли, живя в Вене, никакого участия в митинге протеста, но даже решили сорвать его. Студенты-мазепинцы хотели ворваться и избить русинов-студентов, разогнать русскую молодежь, пользуясь поддержкой властей, но узнали о многолюдстве и испугались иметь дело со всеми славянами Австро-Венгрии, после чего вынесли протест против общеславянского митинга: «Мы обращаем внимание решающих факторов монархии (Австро-Венгрии) на то, что русская пропаганда в рутенском населении принимает все большие размеры и что потому является необходимостью со стороны этих факторов предпринять против этого самые решительные меры ввиду грозящей опасности».

В России Михаил Осипович Меньшиков, впоследствии расстрелянный советской властью как монархист и черносотенец, единственный смог открыто выразить страшную реальность происходящего и грядущую расплату России за предательское равнодушие. Он писал в газете «Новое время»: «О громком угрорусском процессе, обратившем на себя внимание всего света, я до сих пор не в состоянии был написать ни слова.

Скажу откровенно: СТЫДНО БЫЛО. Судили наших несчастных заграничных братьев, людей нашего племени, нашего языка и веры, судили таких же русских, как псковичи, киевляне, потомков тех, кто еще при Владимире Святом составляли неотъемлемую часть Руси. Как это ни странно, отторгнутые от России шесть столетий назад, все эти кабалюки, воробчуки, палканинцы, недзбайло, поповичи, думницкие и пр. до сих пор остались верны тому великому племени, к которому принадлежат, и за этот именно племенный идеализм свой терпят мучительство от мадьяр и... Мне стыдно было и больно следить за подробностями процесса, как человеку, стоящему на берегу, тяжело видеть утопающих, которым не в силах помочь. Чувство стыда усиливалось сознанием, что часть вины за это несчастье и, может быть, подавляющая часть, падает на нас – Россию... Будем откровенны: бессильные помочь страдающим землякам, не станем же скрывать правды, которую хорошо чувствуем все мы. “СЛЕЗЫ ИХ НА НАС И НА ЧАДАХ НАШИХ”...

Никаких этих марморош-сиготских и львовских процессов не было бы, если бы были выполнены два условия: если бы подъяремная Русь изменила своей национальности и совсем забыла свое происхождение

или если бы мы, державная Русь, не изменили этой национальности».

А суд шел своим ходом. Как раньше беззаконники стремились возложить основную вину на преподобного Алексея, не предполагая, что он явится сам на суд, так теперь заочно обвиняли графа Бобринского — председателя Галицко-Русского (русинского) общества в Санкт-Петербурге. Как раньше, так и теперь, заочно обвиняя, судебные власти стремились доказать заговор со стороны России. Как не думали они, что преподобный Алексей сдастся в их руки, так не думали, что граф Бобринский придет из России на суд. А между тем обвинение теперь строилось на показаниях русинского иуды — Дулишкевича, специально приезжавшего в Россию, якобы от православных, чтобы спровоцировать графа Бобринского на антиавстрийские высказывания, выведать сведения о денежной помощи русинам, чтобы оклеветать и графа, и страдающий русинский народ. Робкий Дулишкевич клеветал как мог, но граф приехал на суд и сразу же поклонился в пояс подсудимым со словами: «Приветствую вас, святые мученики Православия!» Услышав слова на родном языке, исповедники радостно умилились и ответили глубоким поклоном. Жалко выглядел Дулишкевич

перед лицом им оклеветанного человека и не смог против правды хорошо выступить; что же касается прокурора, то он задавал настолько мелкие и незначительные вопросы, чтобы отвлечь внимание от несусветной ахинеи Дулишкевича, что граф подумал, не шутит ли с ним прокурор.

В качестве доказательства государственной измены лежали на столе конфискованные у крестьян богослужебные книги, изданные в России, где, естественно, содержались молитвы за русского царя. Против несостоятельности подобных доказательств вины красноречиво выступала защита, говоря, что и евреи Австро-Венгрии пользуются в своем богослужении книгами, изданными в России, где также содержится молитва за русского царя. Но судьи были лукавы и неумолимы, выполняя правительственные инструкции. Так, прокурор не потребовал присяги от графа Бобринского, в отличие от Дулишкевича — клятвopеступника, заявив, что верит графу на слово. Это нарушение судебной процедуры состоялось, чтобы потом можно было поставить под сомнение речь графа, в отличие от Дулишкевича, который присягнул перед крестом и Евангелием.

Сохранились свидетельства очевидца о том, как славный исповедник выглядел

и вел себя в суде. Эти драгоценные слова о святом, совершающем подвиг ради Христа и ближних, мы приводим полностью:

«Все подсудимые – в бараньих накладках шерстью вверх. Из этой массы пятном выделяется черная фигура отца Алексея Кабалюка. Он в длинном черном пальто. Серебряный крест суд ему велел снять, и он без креста.

Отец Алексей Кабалюк производит чрезвычайно симпатичное впечатление. Глубоко запавшие голубые глаза дышат покорностью судьбе. Высокий открытый лоб. Гладко зачесанные прямые волосы. Длинная “русская” борода*.

Добрая ласковая улыбка не сходит с лица отца Алексия. Своим примером терпливой покорности он ободряет подсудимых. Всматриваешься в исхудалое лицо этого мученика за веру, человека “не от мира сего” в полном смысле слова, и начинаешь понимать, почему он производит на крестьян-угроруссов такое обаятельное впечатление. Они слепо повиновались отцу Алексею, безпрекословно готовы были выполнить всякий его завет».

---

* Длинная «русская» борода – на Западе было принято постригать бороду, и нестриженная, длинная борода всегда ассоциировалась с Россией.

Перед оглашением приговора преподобному Алексию дали сказать последнее слово.

Как раньше святой спокойно сидел на суде, скрестив руки, так и теперь, встав, спокойно произнес: «Где говорят правду, там святое место, как храм. И сие место более святее храма, потому что здесь произносят правду, здесь происходит вероисповедальный процесс, здесь верующие и я, священник. И здесь, в этом храме, я присягаю, что я не виноват. Все, что мы делали, делали ради нашей веры, и потому в этом деле последний суд скажет Иисус Христос...»

Слыша дивные, полные любви и веры слова святого, исповедники заплакали от переполненной скорбями души. Они умились сердцем, уповая на Бога перед неумолимым жестоким судом, готовым вынести им суровый приговор.

Слыша рыдания, судья зазвонил в колокольчик, и вскоре в наступившей тишине раздались новые слова святого исповедника: «Все равно, как закончится дело, мы успокоимся и если придется страдать, мы пострадаем за святое дело. Я прошел три части света, был в Америке, когда услышал, что мои верники попали в беду, я вернулся, вернула меня любовь к Родине. Если страдает стадо, и пастырю там место между страдающими... Там, на небесах, знают, что

Участники Второго Мараморош-Сиготского процесса

в наших сердцах только желание удовлетворить нашу духовную жизнь».

В этот день 3 марта 1914 года вынесли приговор тридцати двум православным. Самый малый срок заключения (и сопутствующих издевательств) был 5 месяцев и самый маленький штраф – 50 крон. Большинство же получили более года тюрьмы и около 150 крон штрафа. Главный подсудимый – преподобный Алексей, Карпаторусский исповедник, был приговорен к 4 годам и 6 месяцам тюрьмы, а также к уплате 100 крон штрафа.

Так окончился печально знаменитый Второй Мараморош-Сиготский процесс над православными русинами, или «Дело 94-х». Почти две трети из них пришлось отпус-

тить за недостатком улик, как и раньше, ведь сначала подсудимых было почти две сотни. Власти совершили злодеяние, потому что чувствовали безнаказанность.

Но иной суд у людей, и иной суд у Бога. Вскоре страшная Божья кара обрушилась на Австро-Венгрию. Чаша долготерпения Божьего переполнилась из-за мучений невинных русинов, и дни антиславянской империи были сочтены. На террор ответили террором: тем же летом в Сараево серб убил австрийского эрцгерцога.

Так свершился суд Божий над Австро-Венгрией. После войны распалась эта несправедная тюрьма народов и славяне получили возможность создать свои собственные государства.

России было очень трудно на германском фронте, но в борьбе с Австрией за Карпатскую Русь было по-иному. Австрийская армия наполовину состояла из славян, и многие из них при любом возможном случае сдавались в плен, не желая воевать против русских.

Немцы и мадьяры сражались упорно, да только воевать им пришлось на коренной русской земле, где население их ненавидело за века издевательства.

От святой Почаевской горы русские войска продвигались все ближе и ближе

Адольф Иванович Добрянский

к Карпатам, были взяты Львов и считавшаяся неприступной крепость Перемышль — старинный город Руси. В самом разгаре были кровопролитные бои за Карпатские горы: сотни людей умирали за каждый шаг в овладении перевалами. Русины с ликованием встречали родных освободителей — юноши устремлялись в русскую армию, чтобы скорее освободить родную землю. Трогательной и величественной до слез была встреча русинов и русских: трагически разделенный захватчиками, некогда единый народ Древней Руси теперь снова объединялся в Отечественной войне за ве-

ру и землю предков; война эта получила в народе название «Царской».

Еще в конце XIX века Адольф Добрянский предсказывал неизбежность глобальной войны между Россией с одной стороны и Германией с Австро-Венгрией с другой – войны за славянский мир. Почти все славяне Австро-Венгрии, включая и католиков, стремились тогда к России, что страшно раздражало власти Австро-Венгрии, панически боящиеся распада своей двуединой монархии из-за славянского движения.

Не следует забывать, что после потери Италии и оккупации Боснии с Герцеговиной славяне вместе с румынами в Австро-Венгрии стали составлять две трети населения, и поэтому славянский вопрос стал ключевым в политике. Румыны были традиционно чужды западной культуре и близки к православной России, поэтому союзниками австрийцев и немцев в национальной политике быть не могли, а скорее тяготели к славянскому движению.

В этих сложных геополитических условиях неожиданно начавшееся возрождение православия в Угорской (Подкарпатской) Руси грозило самому существованию Австро-Венгрии, поскольку в своем порыве к России подкарпатские русины вместе с соседями – русинами галицкими могли легко

увлечь остальных славян и развалить этим державу. Так, во всяком случае, расценивали обстановку сами австро-венгерские власти. Поскольку сербские церковные власти поддерживали православное возрождение, то власти не только развязали террор против русинов, но и ужесточили национальную политику против сербов. Второй Мараморош-Сиготский процесс 1913–1914 годов, с настоящим террором против русинов, вызвал страшное негодование славян, на которое власти ответили репрессиями. Процесс завершился в марте 1914 года суровыми приговорами над православными крестьянами, несмотря на все усилия многочисленных адвокатов, присланных Сербской Церковью, и это особенно возмутило сербов. В этих условиях приезд летом 1914 года наследника престола Австро-Венгрии в Сараево на Видовдан — священный день Косовской битвы сербы восприняли как вызов, как наглое глумление. Власти вместо церковных и национальных торжеств заставляли их участвовать в торжественной встрече человека, с которым здесь у всех ассоциировалось кровавое будущее православных в пределах Австро-Венгрии. Именно эта страшная ненависть к Православию и презрение к Сербской Церкви, ярко выразившееся в недавнем суде над православными русинами

и этом приезде на Видовдан, и вызвала ответную реакцию – наследник престола был убит сербами в Сараево и началась Первая мировая война. Славяне Австро-Венгрии, в особенности православные, воспринимали эту войну как священную войну русского царя за освобождение славянского мира. И это освобождение состоялось после завершения войны, когда в том или ином виде все славянские народы Австро-Венгрии получили независимость, но менее всего свободы досталось русинам.

Таким образом, прежде всего именно православное возрождение в Карпатах вызвало Первую мировую войну, которая изменила мировую историю. Православное русофильское движение сделало невозможным дальнейшее сосуществование в пределах одного государства столь разных народов, вывело наружу непреодолимые противоречия в государственной жизни, обострило до предела все конфликты славян с антиславянскими властями и толкнуло славян к более решительным действиям. Именно безчеловечный террор в Подкарпатской Руси над православными духовно оправдывал ответные действия сербских террористов. Теракт планировался задолго до этого, но именно вступление властей на путь откровенного циничного террора в 1914 году с клеймящим судом

над православными Сербской Православной Церкви перед всем миром сделало этот теракт логичным и неизбежным ответом.

В Русских Карпатах эта война имела ореол Отечественной войны, войны Царской. Множество юношей при приближении фронта бежали в русскую армию, чтобы послужить воссоединению русского народа под властью русского царя, и сложили за это головы на полях сражений. Десятки тысяч мирных русинов отдали тогда свои жизни и приняли неисчислимые страдания от кровавых австро-венгерских палачей именно за то, что считали эту войну Священной, Отечественной, Царской и не желали больше жить в Австро-Венгрии, а жаждали жить под властью православного русского Царя, который хотел их освободить. Сила этого народного движения была такова, что приезд царя Николая во Львов был засекречен, так как военные даже боялись необычайного народного воодушевления.

Вот что пишет митрополит Евлогий по этому поводу в своих воспоминаниях (с. 248—249): «Велик и трогателен был восторг галичан, когда они узнали, что к ним едет Русский Царь. Несмотря на то что точная дата приезда всячески от них скрывалась и вся железная дорога от границы до Львова была оцеплена солдатами, они узнали

о времени приезда и с церковными хоругвями и иконами крестными ходами устремились к железной дороге — стояли шпалерами по пути следования царского поезда...

Во время обеда на площади перед генерал-губернаторским домом слышалось какое-то движение и пение. Оказывается, мои православные галичане с крестами, хоругвями и иконами прорвались во Львов и запели русский гимн “Боже, Царя храни!”. Государь встал, вышел на балкон, прослушал гимн и сказал несколько сердечных слов. Восторг народа был неопиcуемый, нельзя было без слез видеть и слышать, как эти бедные галичане кричали “ура” своему русскому царю и долго не расходились, продолжая петь свои церковные и народные песни».

Казалось, что уже нет в мире той силы, которая могла бы омрачить это святое братство, не дать объединиться Руси и славянам. Царь, презрев все страхи и опасения окружающих, приехал во Львов, чтобы встретиться со своим народом, и архиепископ Холмский Евлогий говорил удивительные слова о том, что русский державный двуглавый орел теперь вьет гнездо на Карпатских горах.

Архиепископ Холмский Евлогий, впоследствии управляющий приходами РПЦ за границей, по благословению святого

Патриарха Тихона во время визита царя-страстотерпца Николая II во Львов в 1915 году во всеуслышание напомнил об одном случае, о чем впоследствии написал в своих воспоминаниях: «По окончании молебствия я поднес Государю Почаевскую икону Божией Матери со словами – “Пусть эта святая икона напомнит Вам о посещении Вами Юго-Западного края вместе с Вашим покойным Родителем, еще в бытность Вашу Наследником-Цесаревичем, когда множество галичан прорвали пограничный кордон, чтобы видеть Русского Царя. Покойный Государь заметил их и обратился к ним с такими знаменательными словами: “Я знаю вас, я помню вас, я не забуду вас”. Эти слова, – сказал я, – теперь находят свое осуществление в лице Вашего Величества”» (см.: Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М. 1994. С. 249).

Золотой крест русский царь назначил в награду преподобному Алексию за великий подвиг русина-исповедника. Велико было счастье народа, увидевшего воочию своего русского царя, – слезы счастья заливали лица многих, и никто не хотел думать, что царская Россия может уйти с многострадальной коренной земли Руси, и уж никто не мог предположить, что православная

Памятник русским воинам, погибшим в Первую и Вторую мировые войны в Карпатах. Пряшевская Русь

Россия вскоре будет растоптана грязными сапогами дезертиров.

Сотни тысяч, а потом и миллионы русских солдат и офицеров положат свои жизни за православных русинов и сербов, но и сами русины клали свои жизни за величие России, за Святую Русь. В Западной Галичине был схвачен и расстрелян православный священник Максим Сандович – русин из карпатского племени Лемков. После первого залпа священномученик продолжал стоять невредимым. После второго залпа святой простер руку и, истово осенив всех и себя широким крестом, произнес

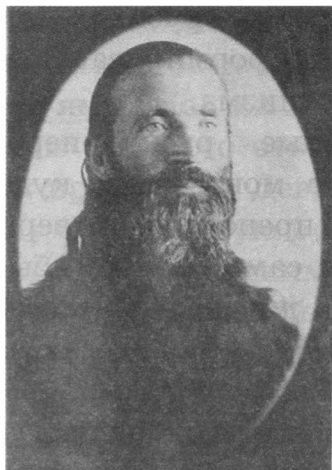

Священномученик Максим Сандович

громким, звучным голосом: «Пусть вовеки живет Святое Православие, пусть вовеки живет русский народ!» Взбешенный ротмистр подскочил к святому и, крикнув не своим голосом: «Сгинь, собака!», выстрелил ему трижды в лицо из револьвера.

До сих пор на могиле святого продолжают чудеса.

В селе Изе, центре Православия, убивали и вместе и порознь. В один из домов, где мирно жила семья, вечером стали ломиться жандармы. Понимая, что это значит, мать семейства схватила топор, но справедливо подумала, что при ее сопротивлении озверевшие палачи не пощадят даже малень-

*Архимандрит Амфилохий (Кеминь),
четыре года мучимый в тюрьме за православную веру*

ких детей. Жандармы ворвались и стали избивать отца семейства смертным боем. Дети плакали и молились, кладя земные поклоны перед иконами Спасителя и Божьей Матери, а жандармы смеялись в лицо матери, говоря, что ее дети играют... Затем жандармы выволокли русина на улицу и там еще долго издевались над ним. Всю ночь страдалец пролежал на дороге, изнемогая от ран, и никто из родных и близких не мог забрать его, потому что жандармы не позволяли выходить по ночам – действовал комендантский час военного времени. К утру, когда страдальца окружили родичи, он мирно предал свою душу Богу.

Террор против русинов стал основой окончательно сформировавшегося позднее немецкого фашизма.

Православные русины-иеромонахи из Яблочинского монастыря, куда их направил учиться преподобный, вернувшиеся из России перед самой войной, были брошены в застенки, а другие мобилизованы в австро-венгерскую армию, где их ожидали еще худшие пытки и смерть.

Брошены в застенок были и девушки села Изы, желающие стать монахинями во главе с Иулианией, позднее игуменией Параскевой, в схиме Ниной. Русские войска наступали, а они медленно умирали от голода и жажды в ледяном подвале.

Когда преподобный Алексей сидел в тюрьме после вынесения приговора, ему угрожала смертельная опасность. Ненавидящие его враги Православия и Руси хотели смерти исповеднику, что в условиях строжайшего тюремного заключения «государственного преступника №1» казалось не так сложно осуществить. Но замыслы людей – одно, и совсем другое – воля Божья.

Святому было во сне видение от Бога. Он видел себя находящимся в глубокой яме с отвесными краями, из которой невозможно было выбраться самому, и ощущал своею душою смертельную опасность. Со дна ямы

он увидел святого Алексия — человека Божия и стал молить его спасти, вытащить из этой смертной ямы. Но святой не отозвался на его просьбы — вместо ответа появилась на краю ямы прекрасная Девица, протянула страдальцу Свою правую руку и вытянула из пропасти. В неизъяснимой радости и благоговейном трепете святой увидел тогда, что это Сама Пресвятая Богородица. Так исповеднику Христову было открыто свыше о недалеком освобождении, о спасении из рук врагов, желающих его смерти.

В 1915 году русские войска, перейдя Карпаты, взяли Марамарош-Сигот. Мадьярские власти бежали из города, и страдальцы за веру Христову были освобождены.

В БУШУЮЩЕЙ РОССИИ

Поскольку карпаторусский исповедник был гражданином Австро-Венгрии – страны, с которой Россия находилась в состоянии войны, святого не могли отправить вглубь России и предоставить самому себе.

В 1916 году Англия и Франция официально признали права России на Константинополь (Стамбул) и на оба берега пролива, замыкающие Черное море. Крест вот-вот опять воссияет над храмом Софии Константинопольской. Ждали своего освобождения турецкие христиане – греки и армяне: русские войска в Турции удачно наступали, и турки вырезали более полутора миллиона армян за их христианскую веру. Страдали и греки. Турки распяли Цареградского Патриарха, пригвоздив к вратам храма. Вместе с архипастырем было замучено насмерть более двухсот тысяч православных греков.

Государь император Николай II на фронте

А вот в России народ уже не хотел страдать за веру, царя и Отечество — жаловались люди на жертвы, на недостаток продуктов, на недостаток металла (лень было думать, куда он идет в условиях войны). Больное и мнительное общество питалось слухами и вопиющей ложью газет. Еще недавно русские войска взяли Мараморош-Сигот, где за год до этого судили православных русинов, еще недавно дунайская равнина видела победоносную армию России, а теперь германские войска захватили Польшу, вернули Австрии Галичину и пошли на Киев. Лишь когда царь Николай II взял командование в свои руки, отступление прекратилось.

*Цареградский Патриарх Иоаким III, у которого
гостил святой Алексий*

«В Лавре (Почаевской. – *Г.Рачук*) австрийцы стали хозяйничать без всяких церемоний. В главном храме поставили свой престол и начали служить мессы. Зимний храм (трапезный) превратили в синема, водрузив кинематографическую электрическую машину на место престола. Зрители, офицеры, сидели в шапках, курили, приходили выпивши, держали себя распущенно. Из моей маленькой церкви при архиерейском доме выбросили иконостас и устроили “кантину” – офицерский ресторан, стены испещрили, негодяи, гнусными порнографическими рисунками (потом я своими глазами их видел); когда они из Лавры ушли, вся церковь

была завалена бутылками. Как верующие, христиане, носители западной культуры могли дойти до такого безстыдного кощунства! До такого варварства!» (из «Воспоминаний митрополита Евлогия», с. 254).

Но при прорыве генерала Брусилова в этом же, 1916 году австрийская армия потеряла за считанные дни 1,5 миллиона убитыми и ранеными; русские войска вернули святую Почаевскую гору и освободили часть Галичины, но до Закарпатья уже не дошли, а там вернувшиеся палачи придумывали новые казни.

За 1916-й и первые недели 1917 года святой царь Николай сделал то, что, казалось уже невозможным, — он сумел так управлять Россией, что теперь армия могла за считанные месяцы овладеть Берлином и Веной. Была построена железная дорога до Мурманска (тогда Романова на Мурмане). По ней подвезли миллионы снарядов от союзников и первоклассное оружие. Отечественная военная промышленность была поднята на невиданную ранее высоту. Армия была доведена до невиданной мощи в 15 миллионов солдат и офицеров. На Черном море достраивались гигантские корабли, способные разгромить и германский и турецкий флоты, но...

Дезертиры подняли восстание в столице, которая, благодаря царю, получила

наконец русское имя — Петроград. Дезертиров поддержали «левые» — высшее армейское командование, Государственная дума и многие другие, так что перехваченный на железной дороге святой царь всюду увидел предательство, трусость и обман. Царь не отрекался от России — Россия отреклась от царя. Он запретил во время Священной войны, впервые в мировой истории, производство и продажу спиртных напитков, и теперь пьяницы и дезертиры мстили царю, разрушая его страну. Десять миллионов жизней, отданных Россией за победу святой Руси в Европе и Азии, будут свидетельствовать против тех, кому одна своя жизнь показалась дороже судеб миллионов христиан, судеб всего мира.

Юный Гитлер именно тогда научился считать славян, и русских в особенности, низшей расой. Так он стал считать еще во время террора над русинами, когда в Австро-Венгрии, еще до войны, были созданы специально для русинов первые в Европе концентрационные лагеря. Этот его взгляд еще более укрепился, когда в России народ сам уничтожил свое царство и во время многолетней братоубийственной бойни привел к власти своих безпощадных палачей.

В восемнадцатом году большевики отдали немцам весь запад России — от Прибал-

тики до Крыма: территорию, где до войны проживала почти половина населения Российской империи. Потом эти земли достанутся Эстонии, Латвии, Литве, Польше. Финляндия, как и Польша, станет независимой, Молдавию (как и Буковину) захватит Румыния. Примечательно, что от безбожной коммунистической власти в самые страшные годы будет спасен именно запад Руси — коренные земли с верующим крестьянским народом, смирившимся перед Богом за века гонений.

Но это произойдет уже после войны, а пока она еще была в разгаре. Святой скрывал свой священнический сан и ничем не выделялся среди других австро-венгерских пленных из славян. Он отчетливо видел усиление антиклерикальных настроений, предвещавшее грядущие репрессии священства.

Любой из военнопленных мог или остаться в лагере на казенном питании, или пойти на работу к какому-либо хозяину, что приходили в лагерь и выбирали себе работника среди желающих.

Однажды пришел помещик и стал спрашивать пленных славян: «Ребята! Кто умеет ухаживать за лошадьми?! Иди ко мне конюхом!» Святой в молодости зарабатывал себе на жизнь, вывозя на упряжке лес с гор.

Коней он любил, умел с ними обращаться, однообразная жизнь в лагере надоела деятельному, здоровому человеку, и преподобный выступил вперед. Помещику очень понравился статный серьезный русин. По его лицу был виден ответственный характер и большой жизненный опыт. Помещик сразу же взял к себе Алексея, не зная, конечно, что он священноинок. Святой этого не открывал никому, видя нарастающую в стране смуту. Это он сделал не напрасно, как вскоре выяснится.

Святого очень полюбили в семье русского помещика, видя его ответственность и трудолюбие, воздержанность и благочестие, доброту и мудрость. Эта семья состояла из мужа и жены, уже немолодых людей, и их двух детей — мальчика и девочки. Жизнь его здесь была спокойна и безмятежна. У него оставалось достаточно свободного времени для исполнения монашеского правила. К нему очень хорошо относились. Святой привязался душой к этим милым, сердечным людям.

Между тем смута в России переросла в кровавую Гражданскую войну. Наступил 1919 год. Белогвардейцы и красновардейцы сражались между собой. Приходили то белые, то красные отряды, было полно

банд. Однажды пришли вооруженные люди и спросили:

— Вы белые или красные?

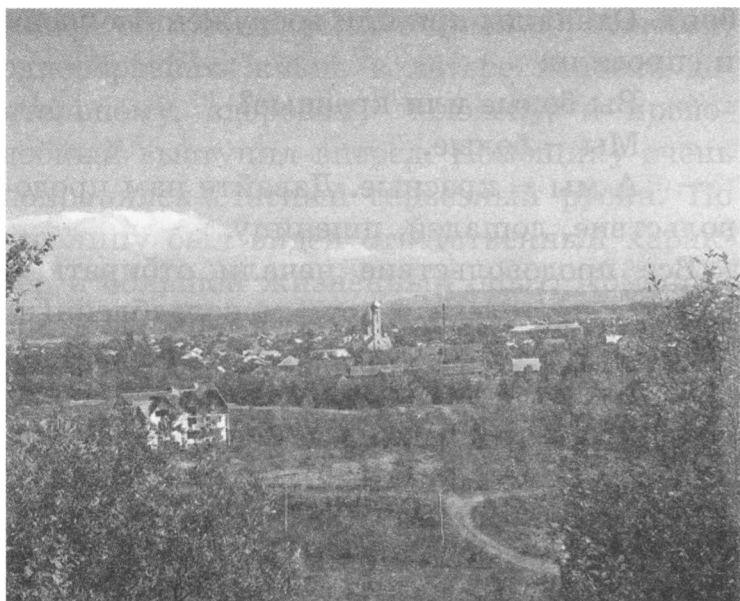
— Мы — белые.

— А мы — красные. Давайте нам продовольствие, лошадей, пшеницу.

Все продовольствие начали отбирать и грузить на телеги с другим награбленным добром. Отец семейства упал на колени и стал молить оставить им хотя бы немножко еды для пропитания детей, но жена его, стыдясь поступка мужа, громко сказала: «Кого ты просишь? Они тебя ограбили, а ты еще их просишь?!» Эти слова разъярили банду — командир вынул пистолет и убил на месте обоих супругов сразу, а затем пошел и пристрелил обоих детей.

Когда святой увидел это злодеяние, совершенное над мирной семьей, над людьми, ставшими для него близкими и дорогими, ему стало плохо от мгновенно навалившегося горя. Командир же сказал ему: «А ты, австрияк, иди с нами! Будешь смотреть за лошадьми!» Так преподобный, после мадьярской тюрьмы, после лагеря для военнопленных, после жизни в мирной семье, попал конюхом в красную банду.

Это было самое страшное время в его жизни. Не испугавшись смерти, он не так давно сам, по доброй воле, безстрашно явился на

Вид села Иза

суд в Марамарош-Сигот, а теперь трепетал душой и содрогался, видя страшные злодеяния рвущихся к власти безбожников. По пути банда проходила мимо монастыря, и бандиты сразу, без всякого суда, расстреляли двенадцать монахов только за то, что они монахи. Святой это видел и подумал в себе: «А если бы они знали, что и я монах, — что бы они со мной тогда сделали?» Он мог бы, конечно, встать рядом со своими православными братьями и принять смерть вместе с ними, но его останавливало сознание того, что тогда движение пра-

восславного возрождения в крае было бы обезглавлено. Стяжав мученическую кончину, он, спасая свою душу, лишился бы возможности спасти тысячи других душ, жаждавших услышать слово правды из его уст. А этого апостол Подкарпатя не мог себе позволить.

Террор против православного духовенства в России значительно превосходил австро-венгерский террор. Эта была война со Святой Русью изнутри – по воле тех же немцев, истреблявших православных русинов в Галичине тысячами, расстреливая на ходу; потом добившихся смуты в Петрограде, падения династии Романовых, а затем пославших Ленина в запломбированном вагоне из Германии в Россию для еще большего усиления смуты. Святой, не боявшийся мадьяр, боялся теперь русских безбожников-антихристиан, поддерживаемых немцами.

В этом же, 1919 году, когда власть красных в Киеве и в центре России окончательно установилась, а по решению Сен-Жерменского договора Подкарпатская Русь определалась как составная часть Чехословакии, святому сказали: «Ну ты, австрияк! Иди домой!» Выдали необходимые документы, и святой отправился на родину. В марте 1919 года он был уже в Изе.

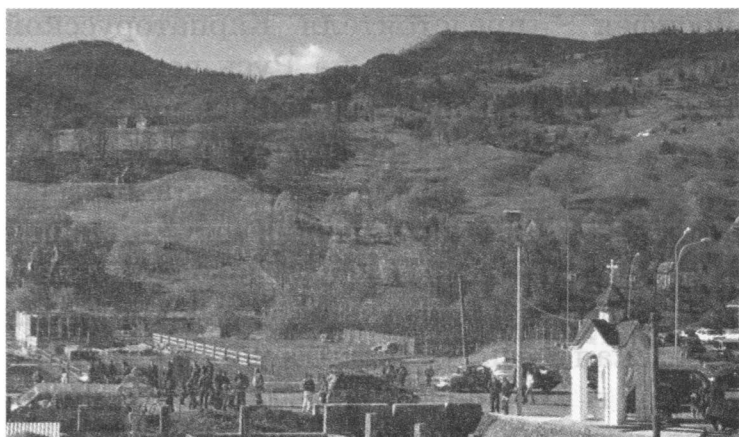
НОВАЯ ЖИЗНЬ

Брату преподобного Алексия, Юрию, вернули арестованные церковные ценности из Марамарош-Сигота. Евангелие, Чашу, книги – все, что было конфисковано. Святыни были положены в сундук, а тот выслан в Ясиня.

Мир стремительно менялся.

Россия погибала в пламени Гражданской войны, но Австро-Венгрия погибала быстрее и безповоротнее: жертва России не была напрасной – впервые за многие века славяне получили свободу. До сих пор православная Сербия свято чтит память русского царя Николая II и с ним память миллионов русских воинов. И все же поражение России было страшным ударом для православного мира.

Тут же ряд поместных Православных Церквей перешел на римско-григорианский церковный календарь, и православ-

Село Ясиня на праздник Покрова

ные праздники стали праздновать в одно время с католическими. Тогда же возникло экуменическое движение. Произошел раскол в самой Русской Церкви на отечественную и зарубежную, обновленческий раскол в России и уничтожение большинства православных святынь с верующим народом заодно.

В этом лютom вихре стояли непоколебимо Сербия и Карпатская Русь, но смута стремилась добраться и сюда. Закарпатье вошло в состав Чехословакии – Бог полностью воздал чехам за пламенную защиту православных русинов против Австро-Венгерского судилища и террора. А подчинялась Карпатская Русь в церковном отношении Сербии. Поэтому сербского епископа

Досифея – предстоятеля Карпаторусской Церкви не допускала на Русь чехословацкая власть, желающая, чтобы в Чехословакии была «своя» церковь. Но все же пока невиданный расцвет православной веры сиял всеми красками на многострадальной Карпатской Руси. Прошла оккупация Мараморыша румынами, пала Венгерская советская республика и началась мирная жизнь в славянском государстве – Чехословакии, где все силы православные русины бросили на укрепление завоеванной кровью истинной веры.

В Ясиня преподобный служил в доме, превращенном в храм, так как в его родном селе православных было мало, а униатов много из-за близкого соседства с Галичиной.

Этот дом-храм был первой православной церковью в селе. Подвижник не устал просвещать народ родной Гуцульщины. Ядро православной общины в селе составили его родственники.

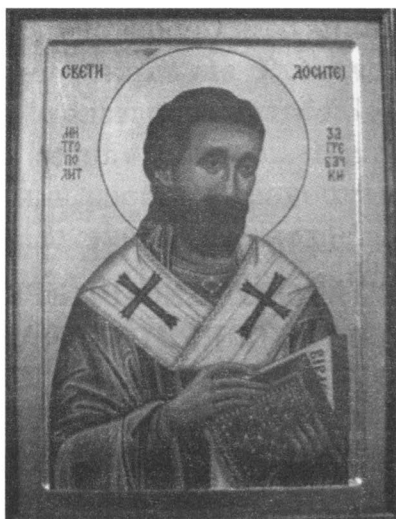
ОСНОВАНИЕ КАРПАТОРУССКОЙ ЦЕРКВИ И БОРЬБА ЗА ЕЕ ПРИЗНАНИЕ

В труде иеромонаха Сергия (Цьоки), посвященном возрождению Православия и монашества в крае, об этом эпохальном событии говорится так:

«1 декабря 1920 года Святой Синод Сербской Церкви собрался на внеочередное заседание, на котором было решено послать в Карпатскую Русь епископа Досифея, который уже был хорошо знаком с положением дел в этой области.

Накануне дня Святого Пророка Илии (1921 года) он был уже в селе Изе.

Несмотря на то что это был простой рабочий день, в Изу стеклось такое количество православного народа, что уже к десяти часам дня Иза была переполнена, как бы на какой-нибудь престольный праздник, и все желали видеть и получить благословение своего православного епископа.

*Святой Досифей, священномученик Загребский,
основатель Карпаторуссской Церкви*

Очевидцы говорят, что не было и, наверно, не будет такой радости, какая наблюдалась в это время у православного населения Закарпатья.

«Первым делом епископа, после его прибытия, было совершение благодарственного молебна Богу за Его великую милость – за то, что Он Своим промыслом снова восстановил в Закарпатье подавленное католицизмом Православие.

Отслужив молебен в сослужении карпаторусского православного духовенства, владыка Досифей несколько раз говорил народу проповеди. В первой он сказал:

«Я принес вам от Сербского священного архиерейского Собора благую весть, что Сербская Православная Церковь приняла Карпаторусскую Православную Церковь под свое покровительство, пообещав вам оказать свою помощь, пришлет вам в скором времени постоянного православного епископа, будет принимать из Карпатской Руси благочестивых юношей в богословские школы для подготовки в будущие священнослужители, рукоположив их, направит к вам, чтобы трудились на ниве Святого Православия»*.

В день Святого Пророка Божия Илии он при большом стечении православного народа совершил Божественную литургию.

После богослужения он собрал представителей православных сел в церковный дом села Изы и подробно изложил им решение Священного архиерейского Собора Сербской Православной Церкви касательно Православной Церкви в Карпатской Руси.

На следующий же день после дня пророка Илии он вынужден был поехать в Прагу, в Министерство вероисповедания, чтобы решить вопрос об организации Карпаторусской православной епархии.

---

* Со слов архимандрита Пахомия (Лукача). Свято-Николаевский монастырь в с. Изе (Закарпатье) — участник этого события.

Министерство вероисповедания встретило владыку Досифея не очень вежливо, и между ними произошло столкновение.

Дело в том, что епископу Досифею были поставлены тяжелые условия, на основании которых он должен был действовать в Подкарпатской Руси, а именно: не рукополагать в священный сан лиц без высшего богословского образования, выстроить для себя новые церкви, а те, которыми пользовались до этого времени, возвратить грекокатоликам, построить церковные школы, обзавестись церковным и школьным инвентарем*.

Владыка Досифей выслушал требования чехословацкого правительства и ответил, что все это он передаст в Священный синод Сербской Православной Церкви, так как сам он этот важный вопрос решить не может, потому что является только лишь делегатом от Сербской Православной Церкви.

После этого он возвратился в Подкарпатскую Русь и старался использовать свое кратковременное пребывание для блага Православной Церкви.

Чтобы поддерживать дух населения, он постарался побывать почти во всех православных общинах Марморошской, Мука-

---

* Указ. соч.

чевской и Бережковской жуп*, где его с великой радостью встретил наш православный народ.

Несмотря на то что ему строго было запрещено рукополагать лиц без высшего богословского образования, он решил нарушить это запрещение ввиду недостачи православного духовенства.

Поэтому 1 (14) августа 1921 года он рукоположил в селе Великие Лучки в иеродиакона монаха Пантелеимона (Кундю); в этот же день владыка «окрестил 14 детей в возрасте от 8 до 13 лет. Кроме того, он присоединил к Святому Православию первого из униатских священников отца Михаила Мейгеша и трех учителей народных школ**», после чего он поехал в село Изу – центр Святого Православия в Закарпатье, где 5 (18) августа того же года освятил новостроенную для монашества церковь в честь святителя Николая (о монашестве ниже), и за Божественной литургией в тот же день возвел иеромонаха Алексия (Кабалюка) в сан игумена новостроенного Свято-Николаевского монастыря и рукоположил в сан иеродиакона монаха Евфимия (Прокопа).

---

* Жупа (*слав.*) – административный округ.

** Преосвященный Досифей в Карпатской Руси и организация Карпаторусской Православной Церкви// Русский православный вестник. Ужгород, 1921. № 1. С. 3. (Прим.: статья без указания имени автора.)

Иза. Место сожженного униатами храма и первоначального места кафедры Карпаторусского епископа

На следующий же день, 6 (19) августа, в день Преображения Господня, он отслужил торжественную Божественную литургию, за которой рукоположил монаха Ефрема (Иваняса) в иеродиакона*.

После Божественной литургии, на которой присутствовало большое число православных Закарпатья, в том же храме Святителя Николая было открыто церковное собрание, которое состояло из 179 делега-

---

* Список и точное описание жизни братии, живущих и живших в монастыре Святителя отца Николая, что при селе Изе, округа Хустского в Карпатской Руси //Архив того же монастыря.

тов от 63 православных общин* (см. протокол, прилож. № 3, ч. II), представляющих 14 587 православных семейств (приблизительно 60 тыс. душ).

На этом собрании владыка Досифей был избран и признан всеми делегатами православных общин Карпаторусским епископом**.

Собрание приняло устав Автокефальной Карпаторусской Православной Церкви.

«Этот устав обеспечивал Карпаторусской Православной Церкви полную автономию под покровительством Сербской Православной Церкви. Карпаторусский епископ избирается народом и духовенством. Он должен быть уроженцем Карпатской Руси. Карпаторусский епископ заседает как член в архиерейском соборе Сербской Православной Церкви. Священники избираются народом***.

---

* Протокол первого православного собрания в селе Изе 6 (19). VIII. 1921 (Закарпатье).

** Делегация в Сербию и приезд владыки Досифея. Из рукописей архим. Матфея (Вакарова; 1888–1953), хранящихся в Свято-Николаевском монастыре в селе Изе (Закарпатье). С. 16.

*** Содержание доклада Преосвященного Досифея на собрании православного духовенства Карпатской Руси в г. Хусте 19 сентября (2 октября) 1924 г. В кн.: Русский православный месяцеслов. Питсбург, 1925. § 3. С. 150.

Этот устав был подписан избранным комитетом из двенадцати человек и вручен епископу Досифею, чтобы он его преподнес в Святейший Синод Сербской Православной Церкви на утверждение*.

Необходимо заметить, что этот Устав был утвержден Священным синодом Сербской Православной Церкви в 1921 году и передан епископу Досифею, чтобы он вручил его чехословацкому правительству, которое не согласилось его подписать, так как приготавлило протест против юрисдикции Сербской Церкви в Карпатской Руси, выдвинув своего кандидата, Савватия (о котором ниже).

Епископ Досифей предложил иеромонахам Амфилохию и Матфею ехать в Югославию для получения высшего богословского образования, а делегатам советовал посылать лучших своих сыновей в сербские духовные семинарии для подготовки в священнослужители**.

В конце собрания было решено послать телеграммы сербскому Патриарху Димитрию, Священному синоду Сербской Православной Церкви, президенту Чехословацкой

---

* Протокол первого православного собрания в с. Изе (Закарпатье). 6 (19) августа 1921 года.

** Со слов архимандрита Пахомия (Лукача). Свято-Николаевский монастырь в с. Изе (Закарпатье).

Республики Т.Г. Масарику и сербскому послу в Праге д-ру Джоричу, в которых выразить глубокую благодарность за поддержку, оказанную Православной Церкви в Подкарпатской Руси.

Собрание закончилось пением молитвы Божией Матери «Достойно есть».

Этот великий день в праздник Преображения Господня, когда православные в первый раз собрались во главе с епископом Досифеем, означал начало новой жизни для карпаторусского православного народа, ибо в этот день после страшного, более чем двухсотлетнего тяжелого духовного ига, обид и обмана, не говоря уже о политическом порабощении, он почувствовал себя освобожденным и в духовном смысле.

В этот день положено начало организации Восточно-Православной Карпаторусской Церкви.

После окончания торжества, попрощавшись друг с другом, православные делегаты разошлись в разные стороны нашей Карпатской Руси, неся в своей душе и сердце духовную радость, которой они приобщились от этого великого православного торжества».

Но если в Изе и окрестных селах уже давно не было ни одного униата и народ торжествовал, то в родных местах преподобного

Похороны матери святого Алексия, 1922 год

Алексия дело обстояло иначе – униаты там сохранили свое влияние. Поэтому подвижник жаждал просветить Гуцульщину, он отвоевал землю под православный храм в Великом Бычкове. Началось строительство, объединившее и сплотившее православную общину еще больше, но из-за происков униатов власти отобрали землю. Святой ушел оттуда. Он стал служить в Потоках, где на горе поставил крест и там молился. Униаты были еще слишком сильны в этих местах.

К этим скорбям присоединилась еще более великая скорбь – в 1922 году у святого умерла мать. Она для него была всегда настоящим духовным другом, поддержива-

*Братия Изского Свято-Николаевского монастыря
в начале его создания*

ющим на тяжком крестном пути. Ее благочестие и терпение с детства сформировали душу будущего подвижника. Бог даровал ей великую радость встретить своего самого дорогого сына живым и невредимым после нескольких лет полной неизвестности, когда он был в России во время Мировой войны и войны Гражданской. Ее похороны были необычайно величественными и торжественными. Мать великого проповедника проводили к Богу все православные села Ясиня.

Село исповедников, Иза, построило мужской монастырь в честь великого святителя и чудотворца Николая, где тут же избрали

*Святой Алексей
в сербском архимандритском облачении*

главою монашеского общежития преподобного Алексия, но святой отказался, и игуменом обители стал отец Матфей (Вакаров). Монастырь впоследствии был переведен в лесистые горы на окраинные земли села, рядом с кладбищем, где хоронили многих мучеников за веру в общей могиле во время террора.

Скромность святого не могла заслонить его святости, и в июне 1923 года епископ Досифей, впоследствии священномученик,

возвел святого исповедника веры Христовой в сан архимандрита и назначил председателем Духовной консистории в городе Хусте – главном городе православного Марамоша, а также настоятелем прихода сего города. В Покровский собор, построенный преподобным, светильник Руси Карпатской поместил «Акафистную» икону Божьей матери – Благословение Закарпатья, где и ныне укрепляет русинов Благодатная Предвозвестительница.

В этом же году произошел и савватийский раскол.

Савватийский раскол возник в 1923 году из-за того, что Константинопольским Патриархом был поставлен Архиепископом Пражским и всея Чехословакии (включая и Подкарпатскую Русь) Савватий (Врабец), вместо законного Пражского святителя Горазда и законного Карпаторусского святителя Досифея.

Правительство Чехословакии поддерживает раскольника и разрешает ему рукополагать, чего не разрешает святому Досифею, опутав его множеством трудноисполнимых условий. Этим в кратчайшее время решается катастрофическая проблема нехватки православного духовенства в крае, так как владыка Савватий за год с небольшим рукоположил несколько десятков человек.

К 1924 году святой Досифей воссоединяет большинство рукоположенного Саввати-ем духовенства в своей юрисдикции. Однако раскол задерживает переход русинов из унии в Православие и позволяет унии продержаться в Подкарпатской Руси до конца Второй мировой войны.

Савватийский раскол также продержался до самого присоединения к РПЦ, но число его последователей к этому времени было незначительно.

Принятое сербами у себя, с подачи печальника русинов, владыки Евлогия, так называемое Временное церковное управление, самопровозгласило себя синодом Русской Православной Церкви За границей, пытаясь устранить от законной власти владыку Евлогия, назначенного самим Патриархом Тихоном, священномучеником, управляющим всеми приходами Русской Православной Церкви За границей. Но этого мало: воздав злом за добро владыке Евлогию, пожалевшему епископов, стесненных в Константинополе под властью турок, епископы оплатили полной мерой и приютившим их сербам: глава Синода митрополит Антоний (Храповицкий) вместо законного сербского архипастыря содействовал поставлению на всю Подкарпатскую Русь епископом Савва-

тия — ставленника чехословацкого правительства. Ничем не укорили владыку Антония великодушные сербы, полагая, что он сделал это по неведению, а не со зла, но, как бы то ни было, вместо владыки Досифея, впоследствии священномученика, был незаконно поставлен Савватий.

Знаменательно, что Всевышний поставил в годы мученичества Русской Церкви ее главными пастырями именно тех трех епископов, которые были главными заступниками русинов: священномученика Патриарха Тихона (Белавина), митрополита Евлогия (Георгиевского) и митрополита Антония (Храповицкого).

Первый был заступником православных в Холмской Руси — сначала как ректор Холмской семинарии, потом как епископ, а позднее, уже в Америке, помогал народу-страдальцу вернуться в Православие.

Второй также был заступником православных на Холмщине и очень помог Подкарпатской Руси. Позднее по благословению Патриарха Тихона он стал законно управлять приходами РПЦ за границей.

Третий также помогал карпатороссам и стал позднее главой РПЦЗ.

Все трое приняли особенное участие в судьбе святого Алексия Карпаторусского: под началом священномученика Тихона он

Архимандрит Матфей (Вакаров)

трудился в Америке, владыка Евлогий помог ему обучиться и рукоположил, а митрополит Антоний серьезно поддерживал его во время пребывания в России.

Таким образом, в 1923 году возник савватийский раскол, поддерживаемый Чехословакией и самопровозглашенной Русской Церковью За границей, которая послала в помощь владыке Савватию (Врабцу) владыку Вениамина (Федченкова), жившего в Подкарпатской Руси постоянно в 1923–1924 годах.

И село Иза и многие ревностные православные остались верны православной Сербии и своему законному епископу, но были и такие, кто соблазнился заявлением

чехословацких властей, что теперь не сербский епископ, а епископ-русин, уроженец Закарпатья, будет правящим архиереем. Хотя сам Савватий русином не был, но некоторые надеялись, что со временем будет «свой» владыка. Правительство Чехословакии теперь имело повод начать притеснения против тех, кто остался верен Сербской Церкви.

Преподобный Алексей принес покаяние в том, что не восстал всей душой против назревающего раскола, когда в епископы предложили его самого. Тогда иеромонахи Амфилохий (Кеминь) и Матфей (Вакаров) – два великих изычника отстояли права Сербской Церкви на собрании в Буштинe, состоявшемся еще в феврале 1922 года, когда епископом был избран преподобный Алексей. Они наотрез отказались подписать протокол, признали собрание незаконным и остудили горячие головы, закружившиеся от неожиданно пришедшей в Карпаты свободы.

О позиции преподобного Алексея после того, как он разобрался в сложнейшем савватийском расколе, лучше всего свидетельствует речь, которой он открыл собрание православного духовенства Карпатской Руси в г. Хусте 19 сентября (2 октября) 1924 года:

«Возлюбленные братья! Три месяца прошло с тех пор, как мы собрались здесь в Хусте по моему приглашению и общему согласию и провозгласили единение для совместной работы. Казалось, что все уже распадается, что все жертвы, принесенные нами для дела Святого Православия, были напрасны. Враги наши уже ликовали. Но в последний момент мы объединились. Наше последнее собрание не дало других плодов, кроме провозглашенного нами единения. Но даже потому, что не было у нас вождя духовного, который указал бы нам дорогу, по которой мы должны идти.

Сегодня мы опять сошлись на том самом месте, что и три месяца тому назад. Сошлись мы на зов нашего архипастыря, преосвященного Досифея, который уже пять лет трудится для нашей Карпаторусской Православной Церкви, не жалея ни труда, ни времени. Если у нас не все обстоит так, как мы желали бы, то не есть вина владыки Досифея, который как делегат, как уполномоченный Сербской Православной Церкви не ищет ничего ни для себя лично, ни для Сербской Православной Церкви, но только хочет помочь нам, без задних мыслей, желая только свободы и всякого благополучия нашей Церкви. Я не раз бывал в Сербии и имел возможность видеть Святейшего Патриарха Сербского Димитрия, и всякий раз я умилялся, видя, с какой отеческою любовью Патриарх и другие сербские архиереи относятся к нашей Карпаторусской Церкви.

Мы всегда рады приезду преосвященного нашего владыки. Но в этот раз присутствие

владыки имеет для нас особое значение и его приезд нас особенно обрадовал, ибо владыка приехал в такое время, когда нам казалось, что мы уже погибли. Поэтому мы испытываем чувство особой благодарности и просим его преосвященство засвидетельствовать это наше чувство Святейшему Димитрию, нашему Патриарху, и всем членам святого архиерейского Собора.

Мы стоим под покровительством Сербской Православной Церкви, и это имеет для нас огромное значение, которого, однако, многие не в силах понять. Что нам живется не горше, за что мы должны быть благодарны Сербской Церкви, а могло бы быть много горше. Сербская Церковь нам покровитель, но работать мы должны сами. Как говорит нам владыка в своем приглашении, никто не должен сваливать свою работу на других, каждый должен исполнять свой долг. А работы у нас много, и долг у нас тяжкий, и без того, чтобы каждый работал, каждый исполнял бы свой долг, мы ничего не добьемся. Кроме сознательной работы каждого из нас нам необходимо еще и единение. Между нами не должно быть раздора, мы должны забыть о своих личных интересах и объединиться для совместной работы, для работы в пользу нашей Святой Православной Церкви и на благо нашего русского народа, который ждет от нас помощи и наставления.

На последнем нашем собрании здесь, в Хусте, мы провозгласили примирение нас всех. Но эти слова остались если и не мертвыми словами, то все-таки плодов великих они не

дали. Причина та, что мы не объединились вокруг нашего архипастыря; мы хоть и примирились, стали мирным стадом, но остались стадом без пастыря. По этой причине наши сердца должны преисполниться радости, что сегодня мы собрались вокруг нашего архипастыря, ибо только теперь наше примирение, наше объединение может принести желанный плод. Я убежден, что наш владыка радуется нашему примирению, нашему единству, и что он по своей доброте простит наши прегрешения. Объединенные и примиренные и под руководством нашего архипастыря мы достигнем нашей цели — организации Автономной Карпаторусской Церкви на прочном законном основании.

Приветствую Ваше преосвященство и высказываю Вам от имени всех верных сынов Православной Церкви нашу глубокую благодарность, которую прошу передать его Святейшеству Патриарху и всем членам архиерейского Синода и Собора.

Владыко, благослови».

Святой был отправлен в Сербию на обучение, взяв с собою и несколько земляков. Он так строго постился и столько молился, так строго все соблюдал, не делая никому поблажек, что земляки его вернулись, не перенеся этой его строгости. Проучившись некоторое время в Сербии, он был посвящен в архимандрита.

Преподобный Алексей пожертвовал на основание обители под руководством вели-

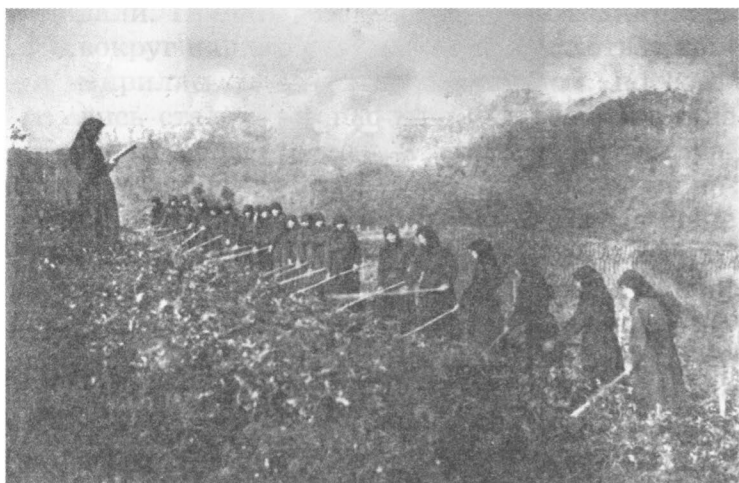

Святой Досифей Загребский

кой страдалицы за веру игумении Параскевы, строящейся в Липче, 20 000 чешских крон, но особенно он любил монастырь в Домбоках, куда даровал еще один список иконы Божьей Матери «Акафистной-Предвозвестительницы». Чудотворный же список, с которым он тайно служил, скрываясь от жандармов, хранил в Хусте, в Покровском соборе.

Благодаря Покровскому собору он помогал строительству монастыря в Домбоках. Собирая деньги на купол собора, он отправлял их на строительство в Домбоки, а народ удивлялся, почему так медленно строится купол. Так святой делал, потому

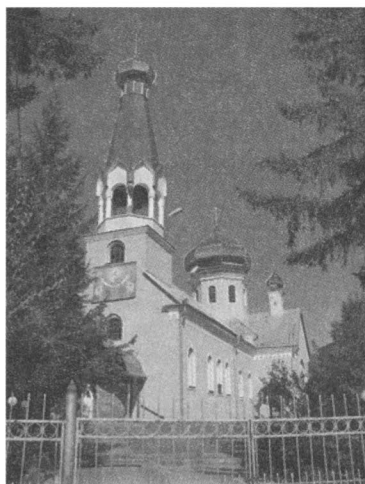

*Монахини монастыря в Липче за работой
под чтение Псалтири*

что монастырь в Домбоках был самым западным монастырем, наиболее удаленным от православного Мараморыша, и нуждался в особой поддержке, будучи окружен униатскими селами.

В этой обители он впоследствии и предаст Богу свою душу.

Омрачились отношения между чехами и русинами из-за усилившихся гонений на православных. С 1926 по 1931 год сменилось пять архиереев из-за тяжелых условий архипастырского служения. В 1930 году преподобный Алексий даже вынужден был сам управлять епархией из-за отсутствия архиерея. Особенно стало чувствоваться да-

*Покровский, ныне Благовещенский, собор в Хусте,
построенный святым*

вление на православных, когда в 1934 году вся православная Подкарпатская Русь отмечала двадцатилетний юбилей Второго Мараморош-Сиготского процесса. Власти, на которых оказывали давление католические и греко-католические круги, решили отметить этот юбилей по-своему.

Еще в 1926 году священник Иоанн (Попович) был расстрелян в селе Высшая Апша по приискам униатского священника Феодора Ференчика. А 2 сентября 1934 года в городе Хусте опять, уже в третий раз, судили православных исповедников из села Иза. Незадолго до этого в село — центр святого Православия приехал униатский священник по

Церковь в селе Изе после пожара 1934 года

фамилии Бочкой — важный-преважный, но дети забросали его тухлыми яйцами, а одна маленькая девочка, подбежав совсем близко, зачерпнула речного песка из приготовленного ею заранее маленького мешочка, и со словами «Уния проклятая» бросила прямо в глаза духовно слепому лжепастырю. Экипаж стремительно умчался, Бочкой бежал от детей села Иза.

Как страшное оскорбление восприняли униаты случившееся, и однажды ночью запылал огромный храм, куда их не пустили. Со страшным гудением рвалось пламя, и далеко разлетались куски кровли, но неизреченной милостью Божьей иконостас храма остался невредимым.

Судимые за веру изьяне в 1934 году

С огромным торжеством прошло двадцатилетие Второго Марамарош-Сиготского процесса. Но власти, на которые влиял Рим, поступили подобно Австро-Венгерским властям – в Хусте над изьянами в 1934 году опять состоялось судилище из-за православных книг, которые они получали из-за границы.

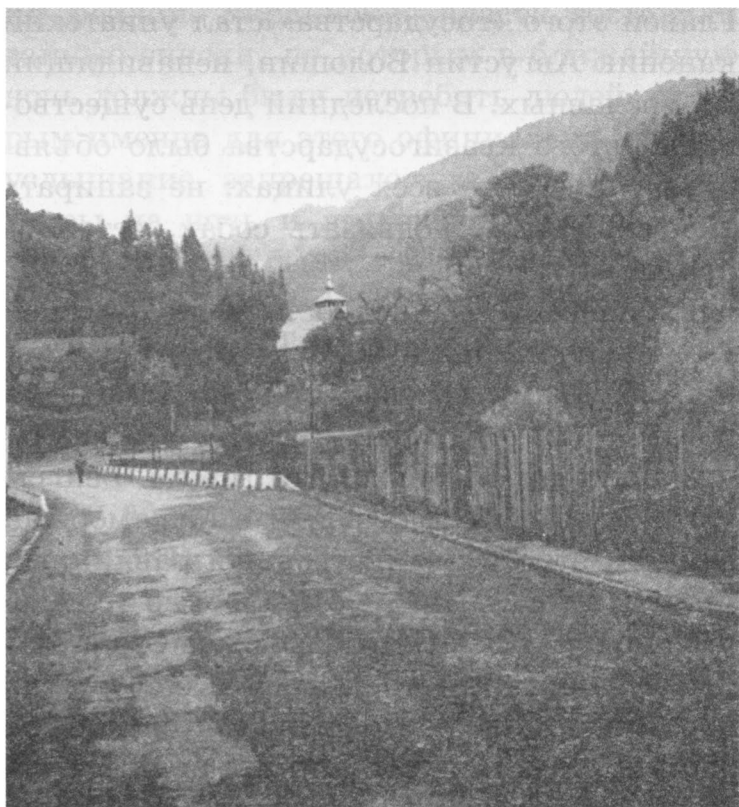
Чехословакия не имела возможности осуществлять такой террор, как ранее Австро-Венгрия, зато она могла, подчиняясь Риму, открыто поддерживать униатов против православных, что и делала.

Святой, будучи духовным вождем православных, их знаменем, участвовал в политической жизни края. Он встречался и

с Бенешем — министром иностранных дел Чехословакии, и с президентом Масариком. Оба они считались «отцами нации», но это были политики, а его особенно тянуло к людям церковным. Он общался со священномучеником Гораздом; известно фото, где они стоят вместе. Неоднократно подвижник говорил с Сербским Патриархом Димитрием о делах Карпаторусской Церкви, когда был в Сербии и дружил со всеми сербскими владыками, вместе с которыми боролся за победу Православия на своей многострадальной родине.

В святом самой яркой чертой была доброта. Сам живя в бедности, он помогал людям из последней возможности — всем, чем только мог, как родной отец любимым детям.

Он всегда вел себя очень скромно и тихо, но когда дело касалось веры, то подвижник весь зажигался, и невозможно было тогда противиться ему. Выглядел он в эти минуты величественно и грозно, подобно святителю Николаю. Однажды он кротко беседовал с униатами, убеждая принять Православие, — те стали лукавить, и тогда глаза святого налились таким огнем, голос обрел такую силу, что испуганные униаты в страхе выбежали из помещения без оглядки, как будто их настиг гром небесный.

*Храм Святого Николая в селе Деловое на Гуцульщине.
Здесь находится географический центр Европы*

Светоч Православия едва не пострадал во время Карпатской Украины вместе с другими православными. В последний день перед приходом мадьяр в Хусте весной 1939 года галичане-украинцы, захватившие Мараморыш и установившие здесь фашистский режим, провозгласили Карпатскую Украину.

Главой этого «государства» стал униатский каноник Августин Волошин, ненавидящий православных. В последний день существования этого квазигосударства было объявлено в Хусте на всех улицах: не запирайте дворы на ночь, подвязать собак, оставить открытыми дома!

Русинов из сел, подростков из Хустской гимназии погнали вооруженные украинцы колоннами через Хуст к Хустским Воротам — проходу между горами в нескольких километрах к западу от города. Венгры только отсюда могли войти в Мараморыш, так как это был единственный равнинный проход в край. Люди с жалостью и недоумением смотрели на подростков со школьными ранцами, которых почти без оружия бросали против регулярной венгерской армии. Шли сотни и сотни, но только у немногих были ружья.

Множество юных русинов погибло тогда в бессмысленной бойне. Регулярная армия расстреляла в упор людей, большинство которых было безоружными или не имели достаточно боеприпасов. Однако быстрое вторжение венгров спасло многих людей от более страшной расправы, которую готовили фашисты самопровозглашенной Карпатской Украины, молившиеся на Гитлера и всеми силами пресмыкавшиеся перед Треть-

им рейхом. Украинские власти составили тайные списки, по которым в ближайшую ночь должны были истребить людей, которым именно для этого официально, во всеуслышание запрещалось закрывать свои дворы на ночь и все входные двери, они также должны были привязать собак.

Впоследствии многие нашли свои семьи в этих списках. Туда попали все православные, все русофилы – противники украинской национальной идеи, все русскоязычные, все евреи и все этнические мадьяры. Семьи должны были быть вырезаны целиком, чтобы ни одного человека не оставалось, – планировалась настоящая Варфоломеевская ночь, дикая резня.

Во время господства галичан в Марамо-рыше родители русскоязычных семей даже запрещали детям громко разговаривать по-русски, боясь зверских властей. Трех самых талантливых юношей из Хустской гимназии украинские фашисты успели вывезти в горы и там повесить, инсценировав самоубийство. Двое из них были русскими, один – евреем.

ПОБЕДА ПРАВОСЛАВИЯ

Святой был строителем Покровского (позднее, после перехода в РПЦ, Благовещенского) кафедрального собора, первый камень в основание которого был заложен в 1925 году, на праздник Благовещения.

Слово «собор» означает, прежде всего, собрание верных, и именование храма собором говорит о том, что он предназначен служить для особо значительного собрания верующих – быть духовным центром округи. Предыстория создания собора так раз и связана с тем, что на этом месте еще при Австро-Венгрии впервые стали собираться гонимые православные. Именно здесь в 1905 году состоялось первое тайное собрание православных, на котором было решено устроить молитвенные дома в двух селах – Изе и Великих Лучках. Здесь же в 1906 представители тридцати православных общин края определили отправить

*Участники Второго Мараморош-Сиготского процесса
на юбилее восстановления Православия в родном крае*

преподобного Алексия в Россию, чтобы решить вопрос о православном священнике. Именно здесь позднее решили направить его и на Святую Гору Афон, где он принял Православие и где ему была вручена «Акафистная» икона Божией Матери.

Собрания православных, большинство которых были исповедниками веры Христовой, а некоторые и святыми (преподобный Алексий), освятили это дивное место. Ведь на православных соборах не люди, а Дух Святой решает вопросы пребывания Церкви Христовой в этом грешном мире.

У Бога все промыслительно — поэтому, еще задолго до закладки здания, эта земля в Хусте уже стала святой, служа местом церковных соборов, дабы в грядущем здесь поднялся величественный храм-собор в честь Покрова Божией Матери.

За историей каждого святого места стоит неповторимая судьба человека, и место будущего собора неразрывно связано с судьбой Михаила Палканинца, вдовца — старинного друга преподобного Алексия, который много помогал ему, укрывая, оберегая, сопровождая святого в его великом служении страждущему народу.

Этот житель Хуста принял Православие всей душой и очень помог святому Алексию организовать гонимую православную церковь в Карпатской Руси. Он пошел на великую жертву — отдал свой дом в Хусте для тайных православных соборов, а в то тяжкое время это могло быть равносильно тому, что он сам себе подписал смертный приговор.

В конце концов власти узнали об этом его подвиге, на который он пошел, не боясь отдать свою жизнь за Христа. В 1913 году он был схвачен жандармами, брошен в застенки вместе с другими страдальцами за веру и осужден на Втором Мараморош-Сиготском процессе. В тюрьме он провел

годы, терпя безчисленные издевательства, пытки и унижения, став настоящим исповедником.

Вышел он из тюрьмы несломленный, полный веры в Бога и надежды на воскресение Православия в Карпатах, преисполненный любви к ближнему. Тогда он снова совершает подвиг — будучи совсем небогатым человеком, он отдает свой единственный дом в Хусте с участком земли под строительство православного кафедрального собора.

Этот праведник до сих пор служит нам возвышенным примером — для Церкви Христовой, для ближних он не жалел ничего: не задумываясь, он готов был принести в жертву и все свое имущество и всю свою жизнь.

Когда Михаил Палканинец скончался, православный народ Хуста во главе с преподобным Алексием торжественно проводил его в жизнь вечную. Исповедник был похоронен на склоне Замковой горы, где было православное кладбище, на подъеме со стороны потока Хустица. На кладбище его могила стала единственной, которая была обнесена железной оградой. После кончины праведника народ оказал ему таким образом честь.

Каждое первое воскресенье после Пасхи (Фомино воскресенье) святой Алексий

Крест святого

Значки, выпущенные к 950-летию Крещения Руси

приходил сюда и служил панихиду на могиле своего друга, давшего место для строительства главного храма Карпаторусской Церкви.

На Покров 1929 года собор был освящен. При нем был дом, построенный гораздо ранее храма, где большей частью и жил преподобный и где также жили сербские владыки, окормлявшие Карпаторусскую Церковь, и святой Иустин (Попович). Этот избранник Божий отказался от посвящения в епископы Карпаторусские лишь потому, что последовал совету старца Симеона Дайбабского, что подвизался в Черногории.

Святой Алексей духовно окормлял и православных учеников Хустской гимназии. Много десятилетий спустя дети помнили его вдохновенные проповеди в соборе. Особенно запомнилась проповедь в соборе на день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господнего. Преподобный говорил настолько выстраданно и вдохновенно, что сердца юных слушателей были потрясены навсегда. Святой мог говорить с такой силой благодати о Кресте, поскольку в жизни своем нес необычайно тяжелый крест.

Кафедральный собор в Хусте в 1938 году стал главным центром празднования 950-летия Крещения Руси, которое было очень торжественно отпраздновано православными

по инициативе преподобного Алексия. Специально были выпущены юбилейные значки, которые продавались по 5 и 2,5 чешских кроны. Средства от продажи шли на Карпаторусскую Церковь.

Православие победило в Подкарпатской Руси: служили на приходах многие десятки священников, было основано шестнадцать монашеских обителей, и общее число православных монашествующих теперь исчислялось несколькими сотнями, православные торжества собирали десятки тысяч верующих. Общее количество православных, несмотря на тщетные усилия властей, пытавшихся детей из православных семей записывать униатами в официальных документах, превысило двести тысяч.

Самые лучшие сербские архиереи того времени возглавляли Карпаторусскую Церковь: Досифей (Васич) – 1921–1926 годы, Иринея (Чирич) – 1927–1928 годы, Серафим (Иванович) – 1928–1930 годы, Иосиф (Цвиевич) – 1930–1931 годы, Дамаскин (Грданички) – 1931–1938 годы, Владимир (Раич) – 1938–1945 годы.

Преподобный Алексей, живя при соборе, вел жизнь воистину подвижническую. Днем он занимался своим приходом, который был самым многолюдным, так как город Хуст был административным центром

Владыка Дамаскин (Грданички) с карпаторусским духовенством . Слева от него – схимонах Кассиан

Мараморыша и его крупнейшим городом, а ночью молился.

Кроме бесконечного окормления верующих, он также постоянно занимался многочисленными делами епархии, так как являлся многие годы безменным председателем Духовной консистории (Священного синода) Карпаторусской Автономной Церкви Сербского Патриархата. Во время отсутствия правящего архиерея вся тяжесть управления епархией ложилась на его плечи.

Преподобный каждую ночь молился Божьей Матери. Ночные прохожие постоянно видели свет и силуэт молящегося монаха в занавешенном окне приходского дома. Таким его и запомнили жители

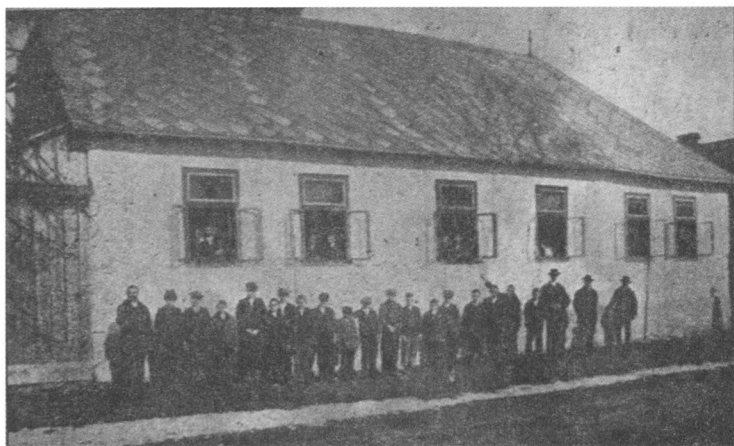

Хуста — праведником и молитвенником, постоянно пребывающим в заботах о епархии, волнующимся о судьбе каждого человека.

Здесь, в Хусте, святой исцелял людей и от духовных болезней и от телесных. Спасая людей от лживого яда унии всю свою жизнь, избавляя от смерти духовной, он также спасал и от смертельных недугов. Расскажем здесь хотя бы об одном из подобных случаев, который произошел во время Второй мировой войны.

Одна православная семья жила недалеко от собора, и в этой семье был больной младенец. Однажды преподобный Алексей увидел, что по улице мимо приходского дома медленно идет мать этого семейства, держа своего маленького сынишку на руках, и плачет горько, безутешно, в полном отчаянии. Подвижник сразу же вышел ей навстречу и спросил о причине ее слез. Молодая христианка рассказала, что обошла всех врачей и те единодушно признали, что ее ребенок обречен. Младенец не мог спать, все время плакал: малыша мучил постоянный понос и от бедного ребенка остались буквально кожа да кости.

Святой тогда с непередаваемой добротой и лаской завел отчаявшуюся мать в собор, где горячо помолился Богу о здоровье маль-

Воспитанники православного интерната

чика. Потом он, улыбаясь, дал ему отхлебнуть чайку с ложечки – и беспокойный прежде ребенок, не спавший многие сутки, сразу же мирно заснул. С этого момента болезнь оставила младенца, и его мать уже не помнила себя от радости и счастья, не зная, как и благодарить преподобного за спасение своего сына. Исцеленное святым дитя живо и сейчас – глядя на этого могучего, как дуб, мужчину, трудно поверить, что когда-то он был беспомощным умирающим младенцем.

На храмовый праздник Покрова Божией Матери всегда приезжали сюда родственники преподобного Алексия из его родного села Ясиня, в своей неповторимой народной одежде. Всю литургию они стояли за пра-

20-летний юбилей второго Мараморыш-Сиготского процесса. 20-тысячная процессия Хуст-Иза (1934)

вым клиросом. Глядя на этих красивых людей в богато вышитых национальных костюмах, приехавших из села, которое основала Божия Матерь, люди еще сильнее ощущали неповторимость и чудесную благодать этого праздника Подкарпатской Руси. Сама Божия Матерь восстановила православную веру в Карпатах, и здесь теперь, в Своем соборе, она зримо присутствовала Своею «Акафистной» иконой и милостиво глядела на торжествующий народ, невидимо покрывая его от всякого зла святым Своим омофором...

В это время начинается расцвет епархии. Многие проблемы с властью решаются. Савватийский раскол постепенно преодоле-

вается. Строится множество монастырей, духовенство получает образование в Сербии. Только один Иустин Челишский вывез на учебу в Битоль пять человек из епархии, самым молодым из которых был будущий исповедник Василий (Самош). Даже в самой епархии при Свято-Николаевском монастыре открываются пастырские курсы. Строится множество храмов. Возобновляется древняя православная кафедра в Мукачево, в самом центре города*. Но сердцем

---

* Общепризнанным фактом считается, что город Мукачево на реке Латорице возник не позднее IX века, но, скорее всего, гораздо раньше. Именно здесь начинается горный проход по долине реки Латорице, ведущий вверх к перевалу Русские Ворота (ныне Верецкий, то есть Воротский), через который осуществлялась еще в античное время связь Восточной Европы с Центральной Европой и Средиземноморьем. Поэтому иметь здесь поселение было просто необходимо для местного населения для того, чтобы контролировать транзит грузов через Карпаты и, естественно, что-то иметь с этого для себя.

Мукачевский монастырь на Черничьей (то есть «монашеской») горе известен с XIV века, когда его отстроил князь Феодор Кориатович, владевший в то время Мукачевом по договору с венгерским королем, но монахи здесь жили и раньше. Городу и монастырю помогали святые сербские деспоты (то есть владыки, в светском значении слова) – Стефан Лазаревич, сын святого царя Лазаря, и племянник первого Джурджа Бранкович. Они владели городом и прилегающими областями по договору с венгерским королем, как и князь Феодор.

епархии все равно остается Мараморыш, а в нем главный город – Хуст, с православным кафедральным Благовещенским собором, построенным преподобным.

Мукачевский монастырь в XV веке стал центром обширной епархии, которая простиралась в то время от средней Словакии и Доброчина-Дебрецена до границ Мараморыша, где был свой епископ. С XVI века Мараморыш подпадает под юрисдикцию Мукачева, и к XVII веку епархия насчитывает 879 приходов. Однако к этому времени часть приходов на крайнем западе епархии уже потеряна из-за католической агрессии.

В 1690 году православный епископ Иоанникий вынужден был покинуть город, однако и униатский бискуп боялся здесь жить, опасаясь за свою жизнь. Центр православной епархии перемещается в Мараморыш. Во время освободительной народной войны с Австрией 1703–1711 годов, душой которой были православные русины, которые вместе со своими соратниками доходили до предместий Вены, Мукачево было столицей восставших. Здесь жил православный епископ – святой Иосиф Мараморышский (Стойка) и чеканилась монета. Мукачевский замок был главной твердыней восставших. После подавления восстания Мукачево становится постепенно еврейско-венгерским городом, а Мукачевский монастырь – центром униатской епископии, которая в одно время насчитывала 1200 приходов. К моменту возобновления кафедры православного епископа в городе проживали только 5% православных. В 1936 году усилиями сербского владыки Дамаскина (Грданички) сюда переносится из Мараморыша кафедра православного епископа, а в 1949 году, уже при советской власти, в Мукачевском монастыре, который только что вернули православным, торжественно упраздняется Ужгородская уния 1646 года и множество униатского духовенства присоединяется к Православию.

Конец 20-х годов. В центре владыка Серафим (Иванович). Слева – преподобный Алексий, справа – архимандрит Амфилохий. Православный интернат в городе Хуст

При Покровском соборе действовал православный интернат, о котором и много лет спустя вспоминали православные ученики Хустской гимназии. Учился в этом интернате и знаменитый мемуарист-изянин Федор Антонович Сабов, принесший родному краю много добра при своей ответственной работе в области на больших должностях:

«Время было голодное. И дети вынуждены были с голоду воровать с огорода при церкви редиску, лук. Жили в основном

Со священником Николаем Сабовым с Изы

зимой. Доходили дети пешком с Изы в гимназию и из окрестных сел.

Преподобный спасал детей тем, что приютил их в интернате. Здесь скрывались от всех бед, были и дети с Тячевщины. Здесь была горячая пища, было где переночевать, и это было спасением для бедных детей, учеников гимназии в Хусте. Зимой, осенью было тяжело, шли босиком. Нельзя было опаздывать. Плата была мизерна. Давали солому на постели и простыню сверху.

Кабалюк был душа-человек: на проказников смотрел по-отцовски, по - Божьему, излучал доброту и радость – святой человек. Агриппина, экономка, пожаловалась

Вид Струковой церкви через реку Черная Тиса

на воров. Святой вышел и стал гоняться с палкой вокруг церкви, но не мог догнать. Тогда по его команде дали звонок на вход и каждому входящему у дверей по-отечески – по гузице (по попе) палкой легонько давал – любя. Была мораль в интернате: нехорошо воровать, ведь вы могли попросить, и вам бы дали.

Так святой заботился о православных детях, которые росли в страшной нищете, в отличие от униатов, которым помогал богатый Рим.

Преподобный очень радел об обращении униатов в истинное христианство. Многих ему удалось просветить светом Христовым.

Семинаристы с Балкан и Карпат в Битольской духовной академии. Святой Иустин (Попович) – второй справа в первом ряду; Василий Самош – крайний справа

Но упорных, проклятых в своей гордыне, исповедник Христов гнал с позором от себя без всякого снисхождения.

Карпаторусское Православие притягивало к себе праведников отовсюду. Такой светильник Церкви, как знаменитый епископ Аверкий (Таушев), специально приехал из Болгарии в Подкарпатскую Русь, чтобы на этой святой земле принести монашеские обеты. 17 мая 1931 года он был пострижен с именем Аверкий в изском Свято-Николаевском монастыре, и владыка Серафим (Иванович) назначает его заместителем секретаря епархии. После этого он продолжительное

Игумен Аверкий (Таушев) и Покровский храм-мемориал

время служил в Ужгороде, в Покровском храме-памятнике русским воинам, погибшим за освобождение Карпатской Руси и Сербии во время Первой мировой войны.

Во всем этом великом воскресении и торжестве Православия была значительная заслуга преподобного Алексия, Карпаторусского исповедника. Живя большую часть времени в городе Хусте, а не в монастыре, он продолжал вести подвижническую жизнь. Каждую ночь он вставал и служил полунощницу, Божией Матери молился часами. Некоторые любопытные люди, видя, что каждую ночь в приходском доме при соборе горит свет, подсмотрели и стали свидетелями его молитвенных подвигов. Каждую ночь пылал до самого утра молитвой избранник Божий, как великая свеча, поставленная народом пред Престолом Божиим.

ПОМОЩЬ БЛИЗКИМ

Имя Алексей означает «защитник», и для своих близких святой стал защитником от посягательств нечистого духа. В этом ему покровительствовала Сама Пречистая.

Вот что случилось однажды. Племянница преподобного вышла замуж за Юру Дуба. Это был могучий мужчина, любящий, как и многие другие гуцулы, и выпить, и погулять, и подраться.

Бес же не дремал, и как-то раз, застав его в лесу, напал зримо. Юра увидел огромного, черного как уголь ворона с длинным клювом, который стремился сесть ему на голову. В руках у гуцула была знаменитая гуцульская секира. Не растерявшись, храбрец стал отмахиваться своим страшным оружием от жуткой птицы. Долго, почти час длилась борьба человека с демоном в безлюдном горном лесу, под темными огромными елями. Наконец руки молодого

силача устали. Демон, улучив момент, коснулся головы русина и вселился в него. Из писаний святых отцов явствует, что образ черного ворона принимают именно бесы гнева. Страшен стал одержимый демоном силач. Уже глубокой ночью, обуянный нечеловеческой яростью, Юра вошел в свой дом, где спали его жена и дети, и, увидев их, ощутил безумное желание немедленно отрубить им головы секирой. Но ослабла демонская сила в освященном жилище, и не смог Юра осуществить его волю, за что бес начал его мучить. Он лег спать и во сне говорил, что всем отрубит головы. Наутро всем уже стало ясно, что он не в себе.

Тогда Алексей взял несчастного с собой в дорогу. К сердцу Мараморыша, к долине Реки лежал их путь. Бес не хотел пускать свою жертву в путь, но святому, с Божьей помощью, удалось взять с собой родича. Несколько человек с большими усилиями вывели его и усадили в повозку.

Скрылась из глаз родная Черногора, развернулась долина Тисы. Они сели на поезд до Хуста, а уже оттуда должны были добраться до изского монастыря Святого Николая. Выглянул из окна поезда преподобный и увидел огромного черного пса, который, высунув огненный язык, бежал за поездом. Это был враг рода человеческого.

Безсильный навредить великому исповеднику Православия, нечистый хотел отыгаться на его близких.

Долго молился преподобный на святой земле, политой кровью мучеников и исповедников, и изнемог. Силен был враг. Пять могучих мужчин еле-еле удерживали одержимого, пока преподобный молился. Не уступал враг, не выходил из создания Божьего, со страшным упорством держался. Старцу стало плохо от напряжения. Но когда изнемог святой монах, то обратился всей душой к Пречистой, спасавшей его много раз, и увидел величественную Жену, Которая пришла на помощь. Нечистый дух немедленно вышел.

После исцеления, следуя наставлениям своего святого родственника, Юра полностью изменил свою жизнь. Перестал пить, гулять, гневаться. В доме его отныне поселилась благодатная тишина. Он не ложился и не вставал без молитвы. Стал очень богобоязненным. В его доме преподобному была выделена особая комната, где он останавливался, когда приезжал в родные места. Это очень задевало другого Юру – родного брата, который был старостой села и предлагал останавливаться в своем богатом доме.

Но святой отвечал ему, что не хочет останавливаться в доме, где бушует разгульная

На свадьбе племянницы 9 марта 1940 года

жизнь, и гораздо лучше ему в том доме, где тишина и благочестие.

Юра Дуб детей своих воспитывал строго, не позволяя сыновьям вести себя разгульно. Бережно хранил он душу свою от зла, и вознаградил его Господь. 101 год он прожил, до последних дней сохраняя ясный разум и замечательную память. Он дожил до обретения мощей преподобного Алексия Карпаторусского, умерев лишь в 2000 году. Сохранился дом его и донине, с комнатой, где останавливался святой. Правнук его стал монахом, незадолго до прославления придя из мира в Изский монастырь

к нетленным мощам. Так святой с помощью Божьей и Пресвятой Богородицы одержал еще одну победу над врагом рода человеческого, жаждущего отомстить исповеднику через родственника.

Святой принимал горячее участие в судьбе своих родных, братьев и сестер, племянников и племянниц, их детей. Его благодатное покровительство всегда было над ними и остается теперь. Судьбы их сложились по-разному, как это всегда бывает в жизни, но свет православной веры озарил их долю. За многими событиями в их жизни незримо стоял преподобный Алексей. Не всегда это было явственно, но всегда благодатно. Во многих промыслительных случаях из их жизни чувствуется его незримое участие.

Особенно благодатное влияние святого Алексея сказалось в судьбе его сестры Параски, родившейся в 1890 году. Младше нее была только Василина, уехавшая в Америку к брату Димитрию. Так что из всех братьев и сестер, оставшихся в Ясиня, Параска была самой младшей.

Он относился к ней особенно тепло — как к младшей сестренке и как к женщине, претерпевшей много горя и ставшей благочестивой. Об этом будет сказано позже, в свое время. В молодости же она совершила один поступок, за который Алексей ее очень

ругал. Было это еще при австро-венгерской власти. Преподобный Алексей привозил из России много православных церковных книг, особенно Псалтирей. Хранить их у себя он не мог, так как за ним следили. Поэтому кроме тех книг, что он дарил своим родным, он еще и хранил у них эти благословенные запасы. Так, немало книг святой доверил своей сестре Параске.

Наступило время террора. К ней пришел родич и спросил, нет ли у нее книг православных, потому что жандармы ходят по селу и убивают за них. Ужас тогда напал на Параску, подобный ужасу, что испытал святой апостол Петр ночью, когда отрекся от Христа из страха, что и его схватят. Параска быстро достала книги, схватила их и, выбежав из дома, сбросила вниз со склона, к реке. Книги падали и разлетались. Почти сразу же вслед за этим к ней пришел человек, который жил внизу по этому склону, и сказал, чтобы она немедленно эти книги собрала — книги хранились у нее, а теперь разбросаны по его участку, так что жандармы могут подумать, что книги принадлежат их семье. Параска, едва перед этим немного успокоившаяся, опять страшно разволновалась и побежала собирать разбросанные, рассыпанные, разлетевшиеся православные книги. Она собирала их, бегая и ползая по

склону, и, собрав, сожгла. Все-таки всего она собрать не могла — часть листков попала в реку, и их унесло водой. Когда преподобный Алексей вернулся в Ясиня и узнал об этом, то строго выговаривал своей сестре за то, что она совершила по своему мало-душию, сначала выбросив святыя книги, а затем спалив их огнем. Он ей говорил, что Бог может ее сурово покарать. Впоследствии от огня она испытала самое страшное горе в своей жизни.

Другая сестра преподобного, Анна, оказавшись в такой же ситуации, зарыла подаренную ей братом Псалтирь под яблоней, а потом откопала и читала по ней. Этой сестре святой впоследствии для ее двоих детей подарил участок земли, купленный им у еврея в молодости по низкой цене.

У Параски погиб на войне муж, Андрей Ключенко, мобилизованный в австро-венгерскую армию, и она осталась одна с пятью детьми. Параска поклялась, что останется верна мужу до конца дней своих. Но человек должен следовать не влечению своего сердца, а воле Божьей, иначе безнадежно в жизни запутается. Воля же Божья была иной. Параске было лишь около двадцати восьми лет, а она была очень красивой и приятной. Ее полюбил один человек — Иван. Он сватался к ней, но получил отказ.

Тогда ей ночью приснился святой Николай с буком (буковой палкой). Он замахнулся на нее и сказал, что будет ее бить. «Твоего человека нет! — Вот твой человек!» — И великий святой указал на Ивана.

Параска встала, испуганная и опечаленная, потому что нарушила волю Божию, как ей казалось, непоправимо — ведь Иван уже сделал предложение, получил от нее суровый отказ и теперь, скорее всего, обиделся, так что не захочет с ней даже и разговаривать. После явления во сне великого чудотворца Николая, устраивающего браки многим страждущим от безбрачия людям, подобным этой одинокой вдове с пятью маленькими детьми, душа Параски изменилась.

Она пошла стирать на реку белье, чувствуя необычную теплоту в сердце. Ее вдруг потянуло к Ивану, она захотела его увидеть, говорить с ним. В это самое время он неслышно подкрался к ней сзади и плеснул на нее водой. Параска обернулась и засмеялась от радости, глаза засияли счастьем. Иван был изумлен и восхищен: «Я тебя такой, Параска, еще не видел!» Затем, немного придя в себя и помолчав, он сказал: «Я хотел, кабы сорочку ты мне вышила».

В этой самой сорочке, вышитой любящими руками, он и венчался.

Преподобный Алексей любил останавливаться у Параски, в ее небольшом домике, разделенном пополам, с двумя отдельными выходами. В левой половине он и останавливался. Здесь он благословлял останавливаться и монахиням, приезжавшим к нему в Ясиня за духовным окормлением.

Однажды Параска работала в поле, задремала, и ей приснился удивительный сон. Она увидела, как в их дом зашел ее покойный муж Андрей, погибший на войне. Взяв обоих сыновей, Михаила и Юрия, он вышел с ними в сени. Когда он вышел туда с детьми, стены в сенях стали расходиться, падая в стороны и исчезая. Сверху полилось несказанно прекрасное сияние, и бесконечным сияющим простором открылось небо. Ее муж, продолжая держать детей за руки, пошел прямо в небо, в этот чудесный свет.

Придя же домой, она узнала, что случился пожар и дети ее, Михаил и Катерина, сгорели. Они были дома, а Юра отлучился, заперев дверь снаружи. Это он сделал для того, чтобы их беременная кошка, которая должна была вот-вот родить, не убежала из дома. Дети хотели, чтобы кошка рожала не где-то в укромном месте, а у них в доме. Вот поэтому-то Юра надежно закрыл дверь. Когда начался пожар, дети не мог-

ли выбраться из дома. Они закрыли руками свои личики от дыма, выедающего им глаза. Когда их достали, то они были обгоревшими до черноты, а их лица, закрытые ладонями, остались белыми. Прежде чем обгореть, они уже задохнулись от дыма.

Это страшное горе так потрясло Параску, что она уже до конца дней своих не могла видеть кошек, потому что из-за кошки двери были заперты и дети погибли. Но этим не кончились ее испытания. Ей предстояло пережить еще не одно страшное горе.

После смерти Михаила и Катерины умер от несчастного случая и Юра: сон ее оказался пророческим. Он ехал на возе, правя лошадьми, вниз по склону. Повозка сильно разогналась, мальчик испугался и соскочил с нее на полном ходу. Сбоку шел забор и Юра наткнулся на него. Он не расшибся сильно, но от резкого сотрясения у него порвался желудок, и через сутки ребенок умер, очень мучаясь. Это опять надорвало сердце матери. От первого брака у нее теперь остались только две девочки — Василина и Марийка.

Василина заболела воспалением легких. В ту пору не были еще изобретены антибиотики и лечение было примитивным и очень дорогим. Ближайший доктор был тогда лишь в Рахове — только один на этот

бедный горный край гуцульский. Два дня девочку осторожно везли к доктору на лошадях. Когда же привезли ее и доктор ее прослушал и осмотрел, то сказал, что лечить ребенка уже поздно — легкие сгорели. Когда девочку привезли обратно домой, она умерла.

Так из пятерых детей Параски от первого брака в живых осталась лишь одна-единственная дочь Марийка. Именно она и стала женой того самого Юры Дуба, что чуть было не отрубил голову ей и их детям, будучи одержим бесом.

Так страшно была наказана Богом Параска за уничтожение священных книг, которые ее брат привозил из России, рискуя жизнью. Эти книги она бросала со склона, разрывала и, большей частью, сожгла. И дети ее двое сгорели в пламени. Один, соскочив вниз по склону, порвал внутренности и умер. У другой девочки сгорели легкие от жара.

После этого страшного Божьего наказания люди зачастую ожесточаются и расстаются с верой, а то и с жизнью. Но по молитвам своего святого брата, буквально вымолившего для нее прощение у Бога, Параска стала очень благочестивой, постницей и молитвенницей. Особенно горячо она мо-

лилась за здоровье чужих детей. Однажды произошел необыкновенный случай, с этим связанный. Внучка сестры преподобного, Анны, Марийка, которую бабушка очень любила, так что девочку звали «бабчина Марийка», имела единственного сына — маленького Юрчика.

Было ему немногим больше года. Ребенок заболел и был отвезен в районную больницу, в Рахов. Придя навестить его, Марийка увидела, что у ее любимого сыночка уже не держится голова от слабости. Он пытается ее поднять, а она клонится набок. Ребенок выглядел так, что, казалось, скоро умрет. Забрать его домой мама не рисковала. Сердце ее разрывалось от горя. Она поехала домой, не зная, что делать, в великой печали.

Рассказала она маме про свою беду и легла спать. Вдруг явственно увидела, как в комнату входит покойная бабушка Анна, жива-живехонька, и остро так ей говорит: «Ты чего не идешь до Параски, кабы он помолилась за дитину Богу?» Марийка вскочила и побежала тут же к маме, испуганная, крича, что приходила бабка и выправляла ее до тетки Параски. Мать удивилась.

- Яка бабка приходила?
- Бабка Анна!

Мать смутилась — как могла прийти покойница? Но дочь настолько была уверена в происшедшем, настолько взволнована, что было ясно — тут не до шуток! Марийка, кратко рассказав о явлении матери, побежала скорей до тетки Параски. Параска очень серьезно отнеслась к словам племянницы и сказала: «То бы треба днину держати!» (однодневный строжайший пост с молитвой). Был вторник. На следующий день она опять зашла до тетки. Та ее встретила радостно, такими словами: «Марийку! Як будешь иди в четверг, увидишь — будет жить Юра!»

А в четверг Марийка побежала в больницу к своему больному сыночку. По пути она опять зашла к тетке Параске. Та ее встретила с великой радостью, говоря: «Марийку! Будет жить! Я днину держала! Я молилась! Я сон видела! Собрал он косяцы (цветы) на руку и вышел на дорогу! Встал на штреце!»

Марийка, дойдя до больничной палаты, страшно разволновалась. Не открывая стеклянную дверь, она поглядела сквозь нее и увидела, что постелька, где лежал ее больной ребенок, пуста. Ей стало плохо: она подумала, что ребенок умер и его уже отвезли в мертвецкую. Но тут подошла медсестра; Марийка, вне себя от волнения, спроси-

Верховина

ла, где ее ребенок, почему его место пусто. Медсестра ей рассказала, что ребенок уже встал с постели и пошел умываться, живой и здоровый.

В завершение этой истории с Марийкой скажем, что жила она на той самой земле, что святой подарил своей сестре Анне.

Анна имела двоих детей. Один из них, Иван, ходил в школу и неплохо учился. Анна просила брата взять его к себе, чтобы он выучился на священника. Было тогда Ивану восемнадцать лет. Послушав сестру, святой поехал с юношей в Хуст, где он жил в домике настоятеля. Здесь же оста-

навливались сербские владыки, когда приезжали в Подкарпатье. Комнатка, где жил преподобный, была так тесна, что там могла стоять лишь одна кровать. Но в тесноте, как говорится, не в обиде — пришлось дяде и племяннику ночевать на одной кровати. Просыпаясь ночью, старец обнаруживал, что Иван пропадает — долго его не было. Все понял святой. Он отвез его обратно домой со словами — «Не буде с сего поп! По за моих плеч — за дивками!».

Дальше святой предсказал, что его доля — не быть священником, а быть отцом большой многодетной семьи. Впоследствии Иван женился, у него было десять детей.

Когда умирал муж Анны, Иван, также носивший фамилию Дуб-Дубьук, она держала в руке зажженную венчальную свечу и плакала, причитала по-народному, прося мужа не покидать ее. Муж, казалось уже отходящий, вдруг открыл глаза и, воспрянув, обратился к ней: «Не вертай меня, бо я на дороге!»

Затем он сказал жене: «Купуй свечу каждый раз, як пуйдешь до церкви! Бо я ходил в церкву, а ни разу свечку не ставил, и теперь мне так темно!»

ГОДЫ ОККУПАЦИИ. ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ И РАЗГОВОР СО СТАЛИНЫМ

В Ясиня и при чехах осталось множество мадьяр, имеющих самую лучшую землю у дороги. Когда мадьярские войска в 1939 году дошли да этого последнего русинского села в Подкарпатской Руси – последнего большого села, где еще не установилась их власть в крае, то все мадьяры стояли у своих домов и кричали приветствие войскам изо всех сил, так что горы содрогались. Это было страшно. Много лет они ждали возвращения своей власти над краем и наконец дождались и торжествовали как могли. Теперь русины опять оказались в их власти. Но над всеми лишь одна бессмертная власть – Божья.

Преподобный Алексей и при оккупации продолжал безбоязненно исповедовать Православие, по-прежнему служа в Хусте. Власти боялись его трогать, уже не чувствуя себя так уверенно, как при Австро-Венгрии.

Венгерские фашисты в 1944 году надеялись задержать в Карпатах русские войска, уповая на свою укрепленную линию Арпада, созданную ими на главном хребте Карпат, на близкую зиму. Но Господь судил иначе — чудесно, неожиданно стремителен был прорыв русских через русские же горы. Святой в это время был в Хусте.

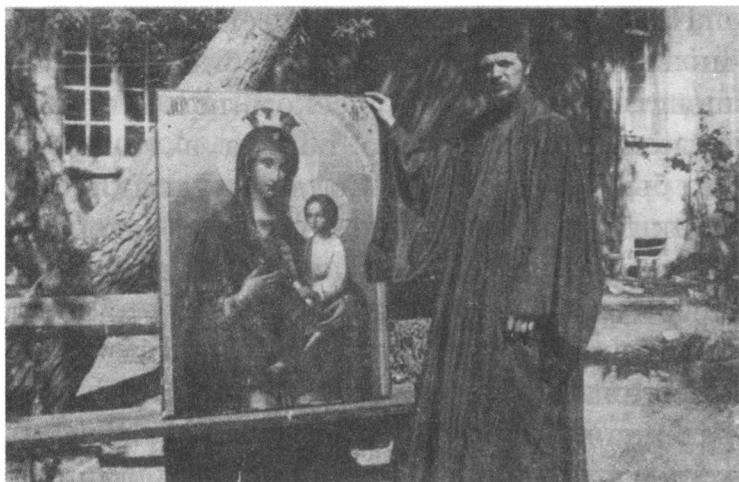
Когда Красная армия наступала, одна женщина, знавшая немецкий язык, услышала разговор немецких офицеров, которые говорили, что следует взять под стражу Алексея Кабалука. Женщина тут же предупредила его через своих знакомых, но тот отказался бежать! Святой спокойно сказал: «Я пережил и претерпел много за православную веру, и какова будет воля Господа — я ее приму!»

22 октября жандармы арестовали святого вместе с келейником монахом Пафнутием. Их заперли в подвал почты вместе с еще несколькими людьми. В ночь на 24 октября заключенные слышали беготню в коридоре, бряцало оружие, звенели ключи. Пафнутий плакал, а святой Алексей говорил ему в утешение: «Не бойся! Молись! Наша жизнь в руках Господа!» Палачи не смогли подобрать ключ и убежали. А через некоторое время в окошке под потолком узники увидели русских солдат.

После освобождения русскими войсками выяснилось, что преподобный в совершенстве говорил на русском литературном языке. Для местного народа в то время это было редкостью. Солдаты удивлялись: «Как дедушка хорошо по-русски говорит!» Об удивительном старце срочно доложили самому генералу Петрову, и тот захотел видеть необычного монаха. Состоялся доверительный разговор, из которого генерал понял, что говорит, по сути дела, с духовным вождем целого народа. Будучи не только патриотом, но и христианином, он не мог остаться равнодушным при встрече с преподобным, едва опять чуть не принявшим мученическую кончину за Православие и русскость.

О том, насколько этот разговор был доверительным и богопромыслительным, можно понять, зная, каким человеком был генерал Петров. Вскоре, в монастыре в Дóмбоках, откуда впоследствии преподобный Алексей Карпаторусский переселился в райские обители, личность русского воина раскрылась в своей полноте и силе, в изначальной глубине.

В монастыре была чудотворная икона Божией Матери «Скоропослушница», огромная и прекрасная. Принесена она была из Иерусалима схиигуменом Серапионом, старцем

*Старец Серапион с чудотворной иконой
«Скоропослушница» из Иерусалима*

святой жизни. Приказав солдатам оставить его в храме одного, попросив запереть двери изнутри, генерал опустился на колени перед Матерью Божией и стал благодарить за спасение от гибели в этой страшной войне, где погибли миллионы, где честного воина могли оклеветать, пытать и расстрелять по доносу. Горячие слезы лились из очей отважного русского воина, встретившего на Святой Карпатской Руси Божью Матерь, с несказанной любовью и добротой глядящую на освободителя. Схимонахиня Ольга, постриженница преподобного, была свидетельницей этой огненной молитвы-благодарности. Потом, когда генерал встал и ушел,

она увидела, что коврик перед чудотворной иконой весь омочен и согрет слезами.

И этот человек принял решение отправить преподобного на специальном самолете прямо в Москву, к самому Сталину, чтобы тот из первых рук узнал всю правду о древнем крае и его русском православном народе. Преподобный Алексей находился по-прежнему в Хусте, где исполнял обязанности настоятеля. Из Мукачева за ним была отправлена машина, чтобы отвезти его на аэродром.

Сам святой не строил никаких иллюзий насчет этой встречи, сказав кратко своим родным: «Мой час пришел. Не убили меня мадьяры, так убьют коммунисты». Он помнил, как устанавливалась в России советская власть и какое отношение было тогда к православному духовенству. Однако ожидало его совсем иное.

Разговор со Сталиным был им потом передан близким в основных чертах*.

Сталин, увидев величественного старца-монаха, сразу спросил:

— Какой вы веры?

— Православной.

— И я той же веры — сказал бывший семинарист-грузин, в котором ничего не смогло

---

* Сведения получены со слов родственников.

истребить мысли о неминуемой ответственности перед Богом за свои дела.

В разговоре с карпаторусским старцем он прикоснулся душой к горному народу, народу православному, бедному и вольнолюбивому, подобно грузинским горцам. Ему интересна была православная Русь на Карпатах и ситуация в крае. В разговоре с преподобным Сталин выяснил для себя страшный вред, исходящий от униатского духовенства, и принял решение разрешать служить только тем из них, кто воссоединится с Православием.

Сталин получил очень яркое представление об унии, которое не осталось без последствий. Унию ожидало теперь то же самое, что она три века делала для Православия, — принудительное отнятие храмов, изгнание духовенства, положение вне закона, репрессии. До дна испили эту горькую чашу униаты, испытали сами то горе, что желали православным. Но зато множество людей смогло открыто присоединиться к Православию, не боясь уже ничего. Таковы были последствия того знаменательного разговора.

Вернувшись на родину, святой мог говорить о своей встрече только с избранными людьми, которыми, в первую очередь, были будущий новомученик Феофан (Сабов) и про-

*Игумен Феофан (Сабов), убитый в 1946 году
с братом Петром униатами, переодетыми
в форму советских солдат*

тоиерей Димитрий Беляков. Скорее всего, именно разговор с преподобным Алексием окрылил их надеждами, которые выразились в известном письме к Сталину, где они просили утвердить Карпаторусскую республику вплоть до самого Дебрецена в Венгрии, некогда славянского Добровича. Но карпатороссы, как и многие кроме них, преувеличивали возможности Сталина, который отнюдь не был единоличным полновластным хозяином, что для такой необъятной державы, пожалуй, и нереально. Сталин был вынужден считаться со многими людьми, из которых состояло руководство огромной страны, в частности с властями Украины,

*Карпаторусская делегация в Москве.
Святой Алексей – третий слева*

которые в советское время представляли националисты во главе с Хрущевым. Придя к власти после Сталина, Хрущев сделает все возможное, чтобы превратить Украину в государство в государстве: в случае отделения от России, без Крыма и Донбасса, с рядом крупных городов и земель, «подаренных» Хрущевым Украине, создание мало-мальски жизнеспособной «самостийной» антирусской державы в конце XX века было бы нереальным. Учитывая волю властей советской Украины, прямое присоединение к России, минуя Украину, о чем просили карпатороссы, было попросту невозмож-

ным. Единственное, что мог сделать Сталин в этой ситуации, — помочь Православию, уничтожив унию, что он и сделал.

То, что святой к тому времени во многом отошел от дел, видно уже из того, что эту карпаторусскую делегацию в Москву возглавлял не он, а Феофан (Сабов). Есть мнение, что Сталин даже не принял карпаторусскую делегацию, но в своем дневнике священник Димитрий Беляков пишет, что разговор со Сталиным (возможно, не всех участников делегации) все же имел место.

Это было последнее, десятое посещение России преподобным, которое оставило в его душе самый тяжелый след.

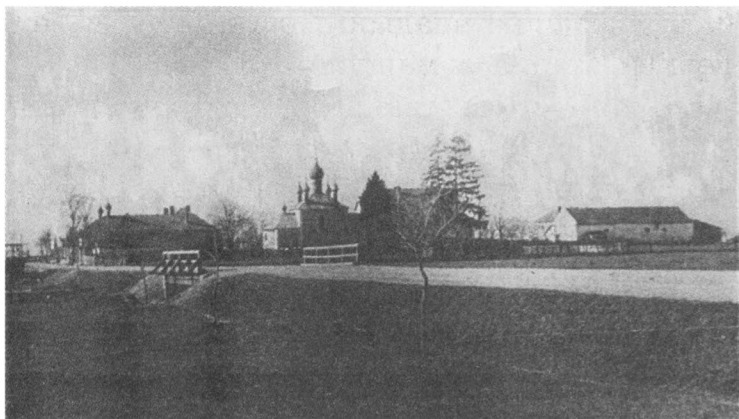
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ. КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ

Говоря: «Не убили меня мадьяры, так убьют коммунисты», преподобный предсказал свою кончину, которую стремительно приблизило то, что произошло с Подкарпатской Русью. Его крепкое здоровье быстро подорвалось из-за переживаний за судьбу родного народа, за судьбу Церкви, когда пошла ломка вековых традиций и самобытнейший край стали превращать в часть СССР. Немного времени прошло после последней поездки в Москву, и у преподобного случился удар, после которого отнялись ноги. Но, стяжав Божью благодать и имея сильную волю, святой сумел поднялся с одра болезни и смог снова ходить. Но уже не осталось у него прежних сил. Вместе с родным краем он болел, страдал, мучился. Край не присоединили к России, искусственно разделили между Украинской ССР и Чехословакией. Происходила насильственная украиниза-

Последний епископ Карпаторусской Церкви Владимир (Раич) в монастыре Домбоки. Первый слева от него – игумен Феофан (Сабов), затем иеромонах Варлаам; справа – иерей Василий Самош

ция и советизация. Слова «русин», «Русь» подпадали под запрет. Преподобный уже не увидел в своей земной жизни близкого торжества упразднения унии в 1949 году, предав душу Богу в конце 1947 года в монастыре Домбоки. Установление безбожной власти тяжело ранило его боголюбивое сердце. И освобождения от этой власти народа в ближайшем будущем не предвиделось. Россия, к которой так долго желала присоединиться Подкарпатская Русь, оказалась

*Любимый монастырь святого – Домбоки,
где он упокоился*

отравлена ядом безбожия, а это ранило по-особому больно.

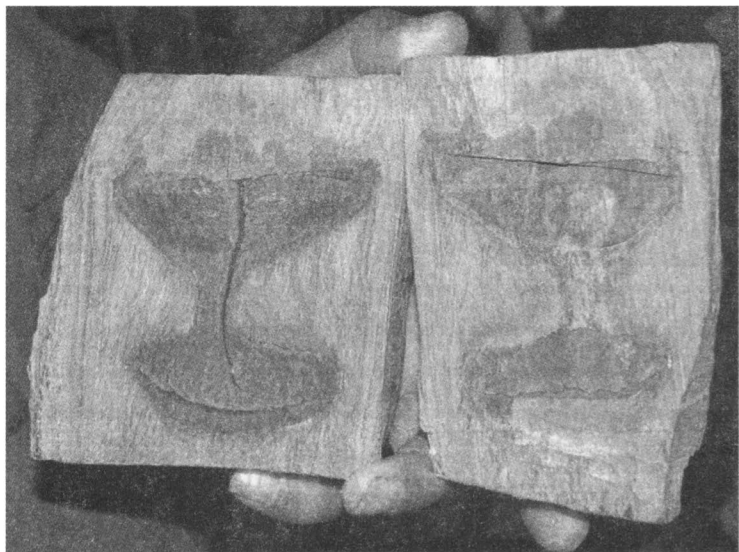
Святой еще незадолго до смерти ходил решительной, твердой походкой. Будучи высокого роста, он не сгибался под тяжестью лет. Он садился под вербой (ивой) за стол с братией и весело говорил с ними, вспоминая забавные случаи из жизни.

Но в последний год жизни он уже сильно ослаб и много болел. В это время он совершил великое благодеяние для святого юродивого старца Иоанна Изского (Сабова). В 1946 году он, вместе с архимандритом Матфеем, выпросил у владыки Нестора, которого только-только поставили правящим архиереем, узаконение скита святого подвижника. Архимандрит Матфей, по

благословению владыки, постриг в Изской церкви старца в мантию с именем Иоанн, в честь апостола, евангелиста и тайновидца Иоанна Богослова, в самый день его памяти. 30 июня старца посветили в сан иеродиакона, а 2 июля — в сан иеромонаха. Вскоре была устроена и освящена домовая церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, и подвижник взял на себя подвиг служить Божественную литургию каждый день.

Когда преподобный Алексей заболел, то сначала лежал в Хусте, в приходском доме, и там к нему заходил старец Иоанн. Однажды преподобный сказал своему другу: «Отец Иоанн, та не пошли бы ваши дивки [монахини] до Драгова [место разрушенного врагами Православия Драговского монастыря — одной из древнейших святынь Мараморыша, где сохранились целебные источники], на воду, на минеральну? Бо я бы хотел дожити до семидесяти двух годов, чтобы так дожить, як Божья Матерь». — «Якой вам треба воды?» — «С той криницы, что солена, что кипит — пять литров, а пять с ржавой. А я, як то выпью, то доживу тулько, як Божья Матерь жила».

Две монахини исполнили желание святого Алексея, пройдя далекий путь по глубоким снегам, и он обрадовался, сказав: «Ну, отец Иоанн! Теперь я дужу до семидесяти

*Нерукотворное изображение
Евхаристической Чаши из Грушева*

двух годов!» И дал в дар ризы. Какой он себе выпросил срок жизни у Бога, такой ему и даровал Господь!

Ходил он уже с трудом. Тогда и переселился в Свято-Николаевский монастырь. Ему выделили келию на первом этаже, чтобы он не подымался вверх, такую келию, чтобы его поменьше беспокоили шумом, и здесь он провел последние месяцы своего земного жития.

Поздней осенью 1947 года преподобный приехал в свой любимый монастырь Домбоки уже тяжело простуженный, обезси-

Зонна

[illegible]

Копия завещания святого

ленный, измученный, но невозмутимый духом. Почти две недели медленно угасала его земная жизнь. Через несколько дней после приезда (9 ноября 1947 года) его постригли в схиму с оставлением прежнего имени.

Как после греховно прожитой юности его душа еще при земной жизни была отведена в ад, так и теперь, после многих лет подвижничества, исповедничества, апостольства, его душа ходила по селениям рая. Много чудесного и прекрасного рассказывал он о рае сестрам монастыря. Наставлял в благочестном житии, наказывая свято блюсти чистоту веры.

Преставление его свершилось тихо и безмятежно. Насколько трудна была земная жизнь, полная святых подвигов, настолько легок и сладок был полный переход в жизнь вечную.

Это произошло 19 ноября (2 декабря) 1947 года.

В день кончины, зная о своем близком отшествии из этого мира, праведник составил завещание в присутствии архимандрита Матфея, настоятеля Изского Свято-Николаевского монастыря, великого карпаторусского старца Иова (Кундри), тогда уже игумена и настоятеля Городиловской обители, и иеромонаха Варлаама. В первую очередь он упомянул свой любимый монастырь в Домбоках, которому оставил самую ценную часть своего имущества: личные иконы, лучшую мебель и еще ряд вещей. Остальную мебель, бóльшую часть книг и облачений подвижник завещал Изскому

*Барельеф на стене кафедрального
Крестовоздвиженского собора в Ужгороде*

монастырю. Последней упомянута в завещании Свято-Троицкая Городиловская обитель, которой преподобный Алексей покровительствовал, видя там подлинно подвижнический дух.

Из Домбоков тело святого привезли в Покровский собор, где с ним целый день прощалось великое множество православного народа, а затем отвезли в Свято-Николаевский монастырь.

Тело святого хранило на себе следы многих мучений и издевательств. У него были сломаны почти все ребра после избиений

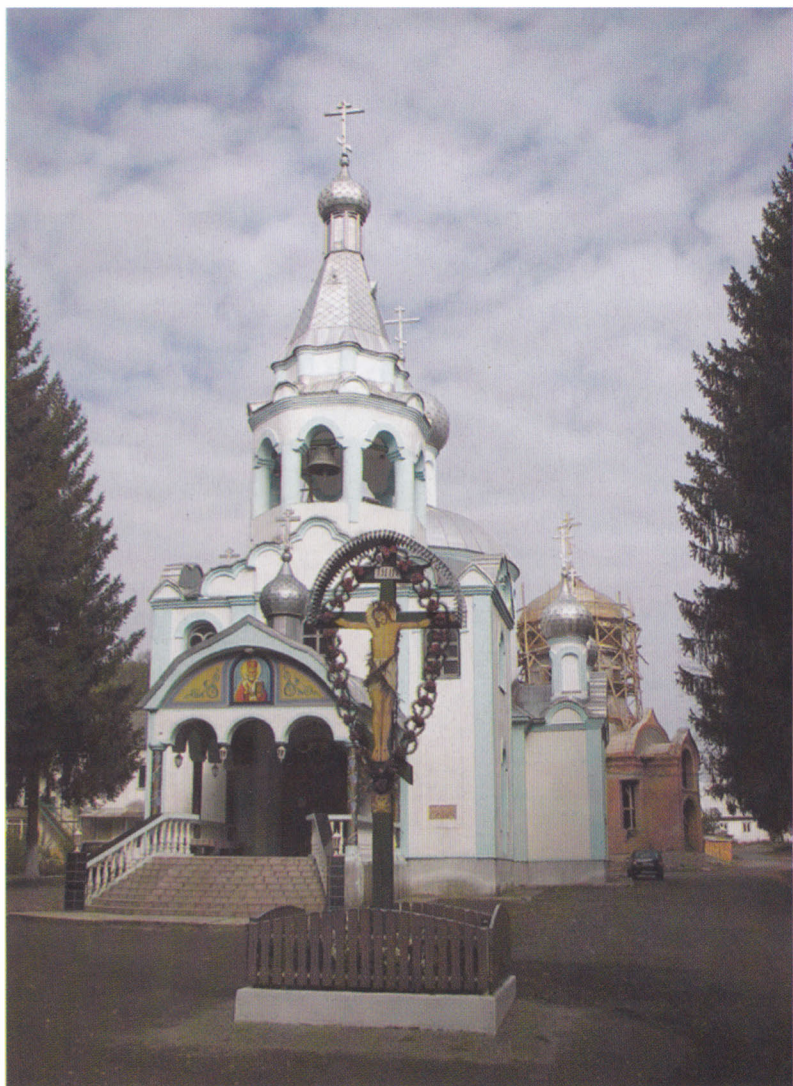
мадьярскими жандармами, когда он сидел в тюрьме Мараморош-Сигота. Так вся братия узнала, какие страшные мучения пришлось пережить святому.

После преставления преподобного Алексия братия Свято-Николаевского Изского монастыря собралась вместе со многими уважаемыми священниками, чтобы решить все насчет похорон.

Большинство склонялось к тому, чтобы похоронить его возле часовенки в центре монастыря, как самого почитаемого монаха из братии и великого исповедника Православия.

Но тогда неожиданно встал священник с Изы Владислав Рацюк и сказал слово, поразившее всех. Он сказал о том, что преподобного надо похоронить не в монастыре у каплички, а как обычно — на монастырском кладбище, потому что он не жил вместе с братией, а жил в Хусте (не случайно поэтому впервые святого Алексия прославила Карпаторусская Церковь Америки в 70-х годах XX века именно как преподобного Алексия Хустского).

На эту речь смущенная братия не знала что ответить, и святого похоронили на братском кладбище монастыря 22 ноября (5 декабря), на третий день после кончины, как и полагается по обычаю христианскому.

*Свято-Николаевский Узский монастырь
со строящимся храмом в честь
преподобного Алексия*

*Дом при кафедральном соборе,
где долгие годы прожил святой*

Внутренний вид собора в Хусте

Михаиловичъ Липс.

Владыка Иосиф (Убуевич)

Мараморыш

*Участники второго
Мараморош-Сиготского процесса
1913-1914 годов*

Владыка Дамаскин (Трданиски)

*Окрестности Угольского монастыря,
вид на Плонину*

Дом в горах

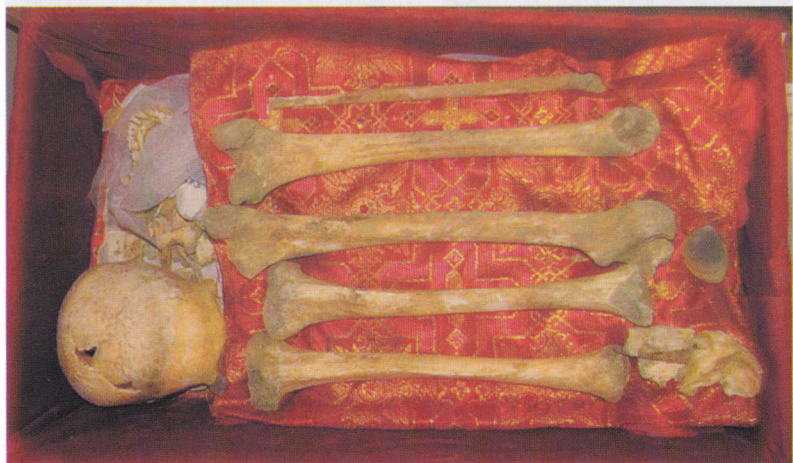

Святой Алексий с духовенством

*Село Долгое Поле, ныне в Румынии, —
родина священника Иоанна Поповича,
убитого униатами*

*Кости монахов, убитых иноверцами
в Трушеском монастыре в XVII веке*

*Чудотворный список иконы «Акафистной-
Предвозвестительницы», привезенный святыми
с Арфона. Благословение Карпатской Руси*

*Сельское кладбище Узы, где похоронены многие
страдальцы за веру*

*Возрождающийся Угольский монастырь.
Канонизация святого Иова. 18.09.2008*

Святой преподобный
Уов Угольскій

*Обретение мощей
святого Алексия Карпаторусского*

*Мощи преподобного Алексия.
Слева — палка, которой калечили православных
в тюрьме*

Канонизация. Вверху — мощи с чудотворным списком иконы «Акафистной-Предвозвестительницы». Внизу — митрополит Владимир Киевский и вся Украины у мощей

*Освящение пасхи в Ужгороде,
сорок тысяч человек одновременно*

ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ И ПРОСЛАВЛЕНИЕ

Через пятьдесят лет после кончины преподобного, на исходе зимы 1997/1998 года, святой явился во сне своему келейнику Пафнутию, вместе с которым чудесным образом был спасен от расстрела. Теперь это был уже очень старый игумен, доживавший свою земную жизнь в родной Свято-Николаевской обители, которая недавно возродилась. Преподобный сказал ему: «Я в воде лежу».

Зима в этот год выдалась необычайно снежной. Падало и падало с неба белое кружево, как в ту далекую осень, когда оставил на Бога и Пречистую Матерь Его своих овец Михаил Струк в заповедном лугу Ясений. В окрестностях Изы снег выпал почти в человеческий рост, а на родине преподобного — почти в два человеческих роста. Даже в апреле снег еще не мог растаять на кладбище возрожденного Свято-

Постригальная икона святого «Скоропослушница»

Николаевского монастыря, и под землю все намокло. Осознав в совершившемся видении волю святого к открытию мощей, монахи разрыли его могилу, которая была полна воды. Не только тело сохранилось нетленным, но и большая часть непорочно носимой монашеской мантии имела блеск и шуршание новой материи. Только конечности подверглись тлению, из-за чего рака с мощами и выглядит такой короткой.

На плечевой кости десницы святого обнаружилось утолщение, какое бывает в слу-

чае перелома, когда кость срастается. Так много лет спустя открылось еще одно мучение, которое пришлось испытать за Христа доблестному исповеднику истинного христианства. Когда над ним издевались в тюрьме Мараморош-Сигота после вынесения жестокого, несправедливого приговора, то сломали ему не только ребра, прыгая на расprostертом теле, но и десницу.

Чудесным оказалось и то, что монашеская постригальная икона преподобного Алексия – новообретенный образ Божией Матери «Скоропослушница», сиял, выйдя из гроба праведника, красками неземной красоты и силы, поблекнув впоследствии.

Обретение нетленных мощей стало великим событием для всего края, основой для последующей канонизации не только преподобного Алексия – исповедника Карпаторусского, но и для канонизации целого великого собора Карпаторусских святых, нетленными мощами которых так богата Горняя Русь – страна мучеников и исповедников.

Мощи были обретены 12 марта по новому стилю, и буквально на следующий день начались чудесные исцеления. Узнав об обретении мощей, приехал из монастыря в Приборжавском иеромонах Макарий. Привез его на машине мирянин Сергей со своей

женой. Отец Матфей допустил иеромонаха к мощам, а мирян сначала не допустил. Но иеромонах очень просил за мирянина, который его привез, и тот был допущен вместе со своею женой. Стояли они с благоговейным страхом. Отец Матфей внимательно следил за ними. Когда же он отвернулся, то краем глаза заметил, что мирянин прикоснулся к мощам правой рукой, а потом сразу возложил ее себе на шею и перекрестился. Затем немного постоял, помолился и ушел. Все трое уехали, но мирянин вернулся где-то через неделю, ибо, оказавшись дома, он дня через три обнаружил, что у него прошла болезнь, которую он безуспешно лечил в течение трех лет. Это было воспаление лимфатических узлов — болезнь не смертельная, но чрезвычайно мучительная. При ней распухают и болят, ноют на шее, под мышками, в паху эти узлы, причиняя боль и неудобства при движении. Он получил полное исцеление — три дня ходил как в тумане, и опять пошел к врачам. Накануне он сдал анализы, переобследовался, и врачи засвидетельствовали полное выздоровление, так что даже не осталось никаких следов болезни.

Так святой исцелил первого же человека, дерзновенно прикоснувшегося к нему с верой в исцеление, подобно тому как

Обретение мощей

Спаситель исцелил кровоточивую жену, тайно, с верой прикоснувшуюся к Нему в толпе, также безуспешно лечившуюся не один год.

Святой не только исцелял больных телесно, но и вразумлял чудесным образом больных душою. Так он однажды вразумил одного нерадивого инокa. Во сне тот увидел себя входящим в трапезную, где собралось духовенство, во главе которого был святой Алексий. Обрадовавшись, инок хотел принять участие в трапезе, но был изгнан.

Исцеления коснулись и братии монастыря. Сам страдая в своей земной жизни от болезней зубов, святой помогал и другим людям, страждущим от подобного же недуга. Исцелен был и уже упомянутый ранее отец Матфей.

После поднятия мощей в конце этого же месяца монахи монастыря расчищали снег возле каплицы, находящейся между монастырем и кладбищем, так как необходимо было расчистить помещение для богослужения. Уровень снега был более метра, он был мокрый и тяжелый.

Отец Матфей был за два дня до этого у зубного врача, и ему были поставлены две пломбы. Снег расчистили. Отец Матфей много наклонялся, промок, устал и ослаб. Зубы воспалились и разболелись опять от

прилива крови, холода и усталости, а нужно было служить вечерню, возглашать за дьякона на ектенье. Вечерня началась в пять часов. От невыносимой острой дергающей боли голос монаха во время богослужения срывался на плач. Мысленно отец Матфей обратился к святому и, улучив время, прислонил правую щеку к мощам, чтобы вытерпеть эту невыносимую боль. И сразу отлегло, подобно ушедшей воде. Прекратило дергать. В течение пяти минут боль постепенно утихала, а в следующие пятнадцать минут прошла совсем. Только пломбы немного напоминали о себе, и не более.

Приходилось и мне, грешному, испытать на себе благодатную помощь преподобного в исцелении зубов.

В результате неудачного лечения зуб мой стал разрушаться, болеть и однажды, когда я от боли прикусил его, просто расщепился до самого корня. Боль была очень острой, не прекращалась, отдавая в голову, и мне посоветовали более тонкую отщепившуюся часть зуба просто отломить, что я и попытался сделать, отчего боль стала еще более невыносимой. Когда я догадался попросить святого Алексия Карпаторусского о прекращении боли, зуб начало словно обволакивать чем-то мягким, я смог заснуть и наутро боли не почувствовал. Впоследствии

меньшая часть зуба отпала без всякой боли; и до, и после того я спокойно жевал на этом зубе, благодаря святому. Но самое замечательное, что, когда я, грешный, однажды, по своему маловерию, дерзнул помыслить в себе, что боль прошла от естественных причин, без благодатной помощи, то она тут же резко вернулась со страшной силой, и я в ужасе и раскаянии стал молить Алексея Карпаторусского о прощении, после чего боль прошла — не сразу, а постепенно. Впоследствии, на праздничной трапезе в день Светлого Христова Воскресения, остаток зуба безболезненно сломался. И на расщепленном зубе, и на его одной более толстой части, и без нее благодаря преподобному я мог спокойно жевать и никакой боли не чувствовал. Слава Богу во святых Его!

Это, конечно, далеко не все исцеления и чудеса. Но именно перечисленные выше особенно характерны. Поучительно видеть, как нечистые духи мучаются, не вынося святости великого Карпаторусского старца. Был свидетелем, как это проявилось в девочке 8—9 лет, привезенной родными с Гуцульщины специально к мощам и до приближения к ним не подававшей никаких признаков обитания в себе беса. Как только монах пригнул ей голову к мощам, то раз-

дался мучительный нечеловеческий крик «Печé! Печé!» — демон был опален невестственным огнем Божией благодати. Очень многие бесноватые, привозимые родными, получали исцеление или облегчение в своей душевной болезни.

Благодать, исходящую от мощей Карпаторусского светоча, видели издалека и шли на нее даже животные. Так, однажды подстреленный кем-то нечаянно или умышленно пастушеский пес приполз на брюхе через лес в монастырь за исцелением и, быстро вылечившись, остался служить святому. За свою масть он получил имя Билый. Пес относился к породе, название которой полностью звучит как «венгерская пастушья собака», и был очень красив. Очень похожая порода распространена также в Альпах и Сербии. Это центральноевропейский альпийско-карпатский вариант овчарки, выведенный еще в древние времена, до прихода венгров. Такого замечательного, красивого, породистого, доброго и в то же время исполнительного пса-сторожа, как «ничейного», неоднократно пытались увезти с собой различные люди. Пес спокойно давал себя забрать, но через некоторое время неизменно опять появлялся в монастыре и опять добровольно продолжал свое послушание святому. При этом расстояние, горы

и долины, великолепные условия содержания у забравших его людей — все это не имело для преданной собачьей души никакого значения. Так не только люди, но и животные воздавали славу святому, который был непримирим ко злу и исцелял и покрывал целый край благодатью истинной веры еще в своей земной жизни.

После обретения мощей возник один миф, — миф о насильственной смерти святого. Случилось это из-за того, что в ротовой полости была обнаружена ртуть. Некоторые тогда связали его смерть со смертью греко-католического бискупа, случившейся за месяц до преставления преподобного Алексия. Это произошло в результате несчастного случая, за которым стояли советские спецслужбы. В результате сделали умозаключение, что преподобного отравили, дабы обезглавить народ, лишив его духовных лидеров. Вспомнив слова святого «Не убили меня мадьяры, так убьют коммунисты», заманчиво было бы, поняв это буквально, принять факт мученичества от безбожной власти. Но опрос последних свидетелей предсмертной болезни и кончины преподобного, а также хорошо проанализированные различные факты в своей совокупности, в том числе специальное расследование братии Свято-Николаевского монастыря, —

все это позволяет уверенно опровергнуть созданный миф о насильственной смерти.

Святой скончался непостыдно, тихо, мирно, изможденный страшно физически, но чудесно могучий духовно. Но правда то, что последние два года своей земной жизни великий исповедник провел мученически, невыносимо тяжело страдая от установления богоборческого советского режима, не признающего ни Бога, ни карпаторусский народ. Естественно, что эти переживания разрушающе подействовали на телесное здоровье — они действительно медленно убивали. Поэтому, говоря: «Не убили меня мадьяры, так убьют коммунисты», святой говорил правду, только нельзя эти слова понимать слишком буквально. Убивали Подкарпатскую Русь, создавая на ее месте Закарпатскую область Украинской ССР, и этим убивали бывшего главу Священного синода (Духовной консистории) Карпаторусской Автономной Церкви Сербского Патриархата. Последнее время святой почти не участвовал в церковно-политической жизни по слабости, возрасту, недугам и невозможности что-либо кардинально изменить к лучшему. Единственное, что могло бы сильно радовать, так это упразднение унии, но это великое событие произошло лишь через год после кончины святого. Тем

не менее политическое ослабление унии было уже явственным и не могло не радовать православного исповедника.

Незадолго до кончины святому были поставлены искусственные зубы, и он смог нормально жевать. Тяжелая жизнь – тюрьма, пытки, голод, избиения, однообразное питание в детстве и юности – вот причины того, что старец лишился природных зубов. Прикреплены протезы были традиционным тогда способом – на амальгаму, что делало крепление удивительно прочным. Ртуть нестабильна в сплавах, и в гробу она выделилась и скопилась в ротовой полости. Если бы ртуть выделилась еще при жизни, то неминуемо попала бы в желудок и никак не могла бы остаться в ротовой полости на момент поднятия мощей; кроме того, отравление ртутью имеет свои, достаточно ярко выраженные симптомы, которые у святого не были замечены. Вот истинная причина появления пяти маленьких шариков ртути в ротовой полости на момент поднятия мощей, что вызвало к жизни целый миф, в котором свою роль сыграла и политика.

Это было чудом – впервые древнейшая русская (и славянская) епархия обрела наконец своего первого местночтимого святого – святого Карпаторусского. И произошло это в границах государства, в котором са-

мо слово «Карпаторусский» находится под строжайшим негласным запретом. Именно поэтому всенародно прославленный Карпаторусский исповедник на иконе был изображен с подписью «Преподобный Алексей Карпатский». Прославление состоялось во многом благодаря прямой воле Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, лично выразившего желание ускорить процесс канонизации в разговоре с митрополитом Киевским и всея Украины блаженнейшим Владимиром.

До этого разговора определенные силы (понятно какие) делали все от них зависящее, чтобы процесс канонизации затянулся на неопределенно долгий срок. Так что в целом, если считать началом обретение мощей, процесс канонизации занял менее трех полных лет. Но опять же враги Православия нашли и здесь чем уязвить православных. Несмотря на просьбы духовенства епархии и верующих, канонизацию организовали не до, а после визита в страну папы Римского Иоанна-Павла II, чтобы не омрачать настроение великому понтифику (жрецу). Зато греко-католики к приезду папы прославили того самого греко-католического бискупа, что погиб за месяц до преставления Карпаторусского исповедника в том же 1947 году, — как священному-

ченика от советской (читай русской, московской) власти.

Житие было составлено наскоро, без серьезного исследования, формально (некоторые люди, приехавшие на торжество, после чтения жития на канонизации даже спрашивали по простоте своей: «А за что его прославили?», не найдя ответа в самом житии). В основном оно состоит из дат и фактов биографии. Детство и юность описаны общими стандартными фразами. К родственникам преподобного составитель жития не считал нужным обратиться. По их дословному выражению, житие получилось «пусте». И это, к сожалению, было неизбежным, так как полное житие подняло бы слишком много острейших религиозно-национальных вопросов, решать которые Украина не в состоянии без ущерба для своей русофобно-националистической официальной доктрины, оправдывающей пресловутую самостийность.

Тем не менее, несмотря на все противодействия, канонизация вылилась в огромное народное торжество. По приходам Мукачево-Ужгородской епархии и епархии Хустской, в которой и происходило грандиозное празднество, священниками было заранее объявлено народу после воскресной литургии о месте и дате его проведения. В областной прессе были даны объявления. Русин-

ские национальные организации оказали свою информационную поддержку. Семнадцать владык участвовало в торжестве, в том числе и из других Поместных Церквей. Сам митрополит Владимир открыл этот религиозно-национальный праздник всей Святой Руси Карпатской, в котором участвовало, по данным милиции, тридцать три тысячи человек.

Опять Свято-Николаевский монастырь стал духовным карпаторусским центром, как это было при Сербской Церкви. Братия усиленно готовила все необходимое, украшала храм и землю вокруг. К высокому обширному крыльцу храма справа и слева были приделаны красивые каменные лестницы с перилами. Колонны, поддерживающие портик с изображением святителя и чудотворца Николая, обернули цветной бумагой, и спиралевидно закрученные ее разноцветные ленты создавали праздничное настроение. Множество цветов было высажено, все побелено, покрашено — дни и ночи шла неустанная подготовка; тяжелый, но радостный труд! Жители Изы и Нанкова, ближайших сел, священник села Нанкова отец Иоанн (Юрина) помогали чем могли. Так, отец Иоанн привозил дивные высокие, бордово-красные осенние цветы в багажнике своей легковой машины.

Они удивительно украсили осеннюю землю монастыря.

Утро 21 октября выдалось холодным и сумрачным. На случай дождя заранее был сооружен большой навес прямо перед крыльцом главного входа в храм. Уже за час до прихода блаженнейшего Владимира стало собираться множество народа. Особенно был замечателен момент, когда неожиданно выглянувшее солнце осветило поднявшееся по главной лестнице духовенство и засияло радостно в разноцветных ризах. Было и телевидение из Ужгорода — у митрополита Владимира брали интервью. Множество фотоаппаратов блистало вспышками. Прочитано было упомянутое уже краткое житие. Наряду с мощами особо чествовалась икона «Акафистная-Предвозвестительница» — благословение всей Руси Карпатской, дар Святой Горы Афон, принесенный святым Алексием.

Особенно запали в душу слова митрополита Владимира, которыми он начал свою речь к народу. Это были слова о созвездии святых у Бога, неведомых для нас, но светящих нам с высоты. Так поэтически, образно было сказано и о Соборе Карпато-русских святых. Отец Димитрий (Сидор) держал микрофон у самых уст блаженнейшего, и каждое слово архиерея Божьего,

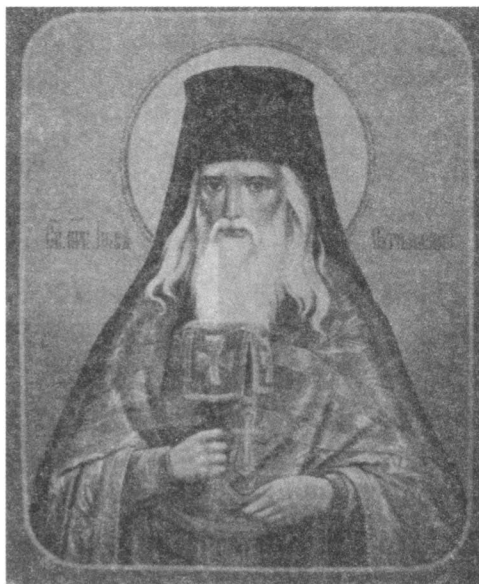
сказанное тихо и уверено, было слышно далеко вокруг.

Не один час шло прикладывание к мощам. Сначала просили пропустить вперед тех, у кого должен сейчас уходить автобус, тех, кто приехал издалека, в то время как жители окрестных сел всегда смогут прийти для поклонения. Многие приехали с другой стороны Карпат, где Православие гонимо, и сейчас утешились невиданным прежде торжеством истинного христианства. Ни почаевские торжества, ни канонизация Собора новомучеников и исповедников Российских, ни столетие прославления преподобного Серафима Саровского — ни одно из этих величайших торжеств не в силах было собрать такое великое множество народа. Обширное поле на подъезде к монастырю все было уставлено десятками автобусов и сотнями легковых машин. С другой, восточной, стороны дороги, на подъезде к монастырю, поле также было все заставлено. Лишь на западном подъезде — на большом поле перед Изой, куда мне нужно было возвращаться, удалось насчитать по пути более шестидесяти автобусов, оказавшихся в поле зрения, количество же легковых машин посчитать я не мог.

Значение этого великого торжества Православия столь глубоко, такие огромные

последствия оно имело и будет иметь, что об этом необходимо говорить отдельно.

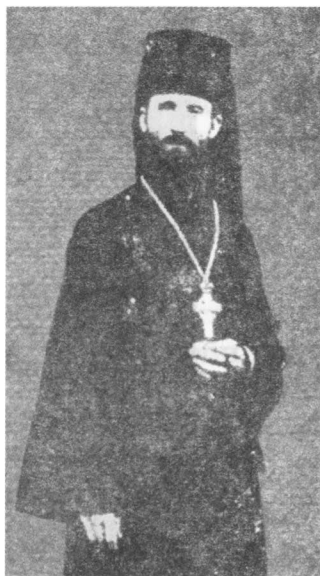
Несмотря на все попытки греко-католиков превзойти Православие, прославить своего бискупа к приезду Римского папы, народное торжество канонизации великого православного святого показало, что именно Православие в Подкарпатской Руси – единственная подлинно народная вера, собирающая народ отовсюду. В национальном сознании, несмотря на все недочеты канонизации, и в первую очередь отсутствие полного жития, произошел огромный сдвиг. Стало ясно, что это начало канонизации и других карпаторусских святых. В газете «Христианская Родина» вышла на русском языке статья «Собор Карпаторусских святых», где были напечатаны материалы для грядущей канонизации. Православная интеллигенция – прежде всего духовенство и особенно молодежь, связавшая свою судьбу с Церковью, начали более живо интересоваться историей Православия. Стали собираться и переводиться в цифровой вид первоисточники по карпаторусскому Православию. Были найдены, отредактированы и подготовлены к печати такие основополагающие труды, как кандидатская диссертация иеромонаха Сергия (Цюка) «Православная и иноческая жизнь в Закарпатье в I половине XX столе-

Преподобный Иов Угольский

тия» (1–2-я части. Загорск: Троице-Сергиева Лавра, 1960) и великий труд благодатного старца архимандрита Василия (Пронина) «История Мукачевской епархии с древнейших времен до I Мировой войны 1914 года».

Активизировались русинские национальные организации, православные в них приобрели доминирующее значение. Русинами стали живо интересоваться в России, появилось множество публикаций, им посвященных, в том числе и ученые Института славяноведения и балканистики приняли в этом активное участие. По Центральному

Старцы Серапион и Амфилохий

телевидению в первую седмицу Великого поста 2002 года в программе «Русский дом» был показан материал о канонизации и карпаторусском Православии. На открытии Сербского подворья в Москве в день святого Саввы, 26 января 2002 года, настоятелю подворья отцу Антонию (еще не утвержденному в звании официально) была торжественно вручена икона преподобного Алексия, Карпаторусского исповедника, как символ нерасторжимого единства Русской и Сербской Церквей, народов сербского и русского. И это также было показано зрителям в программе «Русский дом».

Было совершено много открытий по карпаторусской истории, дух народа православного еще больше укрепился.

Необходимость дальнейшей канонизации Карпаторусских святых стала очевидной. Многие Поместные Православные Церкви были обрадованы этим торжеством, и там воссияла слава Карпаторусского святого: в Церкви Чешских Земель и Словакии, в Польской Православной Церкви, Американской Православной Церкви, Венгерской Православной Церкви – там, где большинство верных составляют русины. Свято-Николаевский монастырь, как и при Сербском Патриархе, снова стал духовным центром края, ведя огромную миссионерскую работу по укреплению Православия в народе. Одним словом, канонизация преподобного Алексия, исповедника Карпаторусского, сразу все расставила на свои места, прорвала завесу молчания вокруг Православной Горней Руси – Белой Сербии и окрылила народ во время суровых испытаний, в годы настоящей войны против Святого Православия. Стало ясно, каким великим, непобедимым духовным оружием обладает Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь, прославляющая своих святых – избранников Божиих!

**АКАФИСТ
ПРЕПОДОБНОМУ АЛЕКСИЮ,
КАРПАТОРУССКОМУ
ИСПОВЕДНИКУ**

Тропарь, гл. 8

Возлюбивши всем сердцем истину, узы и страдания многоразличные кротко претерпевши, благословение Святыя Горы Афонския принесл еси и на Руси Закарпастей Православие возродил еси, преблаженне отче наш Алексие, моли Христа Бога раздоры искоренити и ниспослати душам нашим мир и велию милость.

Кондак, гл. 4

Звезду карпатскую почтим, лучезарным светом возсиявшую и Апостолом уподобившуюся, Богоносного отца нашего Алексия, Православие возлюбившаго и народ свой к истинной вере возвратившаго, тем же и мы ему благодарно возопиим: радуйся, многомощное светило Руси Карпатския.

Величание

Ублажаем тя, / преподобне отче Алексие, /
и чтим святую память твою, / наставниче
монахов / и собеседниче ангелов.

Кондак 1

Избранный премудрым Промыслом Божи-
им быти возродителем Святыя Православ-
ная веры / и на степень священномонаха
возведенный, / в Руси Карпатстей ревност-
но подвизался еси в распространении веры
предков наших. / Сего ради мы, поздней-
шая чада твоя, / от сердечныя любви к тебе
зовем: / Радуйся, преподобне отче Алексие,
преславный исповедниче Христов и молит-
венниче о душах наших.

Икос 1

Ангельского мира и всего видимого Тво-
рец предуставивый тя быти проповедником
спасительныя православныя веры среди
народа нашего, мудрованием латинским
плененного, но к богоугодному правосла-
вно-восточному исповеданию тяготеющего,
от младенческого возраста избра тя, отче
Алексие, да послужиши обращению и спа-
сению многих. Сего ради со дерзновением
тебе вопием:

Радуйся, от юности Христа всем сердцем
возлюбивый;

радуйся, от утра жизни твоея Тому Единому поработывай.

Радуйся, усердною молитвою дух твой окрыливый;

радуйся, во отрочестве образ жития святого показавый.

Радуйся, благочестием своим верныя возвеселяй;

радуйся, от малых лет за вся сия Богом возлюбленный.

Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Кондак 2

Видя родителя твоего на смертном одре лежаща, телесныя и душевныя страдания его облегчал еси, блаженне, молитвою же усердною и словом его утешая, тому честь, по заповеди Господней, воздал еси. Темже и мы, тобою научаемии заповеди Божия исполняти, небесе и земли Творцу поем: Аллилуия.

Икос 2

Разум богопросвещен имея, уразумел еси, всехвальне, яко нужнейши всего есть благочестие, имже и потщался еси обогатить душу твою, в Законе Господни поучаяся. Сего ради зовем ти:

Радуйся, кроткий Иисуса последователю;

радуйся, заповедей Господних ревностный исполнителю.

Радуйся, смиренный Христов подражателю;

радуйся, иноческого равноангельского жития ревнителю.

Радуйся, ревностный благочестия защитниче;

радуйся, Православия светлый светильниче.

Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Кондак 3

Силою Вышняго наставляем, стопы твоя в Биксадскую обитель направил еси к прозорливому старцу игумену Аркадию, прося его, да наставит тя на путь добродетели. Темже, получив желаемое, воспел еси Господеви, вся во благо устрояющему, хвалебную песнь: Аллилуия.

Икос 3

Желание благое имел еси, преблаженне, девство твое сохранить и сочетатися с Церковью Православною, понести же труды и

подвиги во спасение безсмертных души своя и душ ближних твоих. Сего ради ублажаем тя и глаголем:

Радуйся, верный наставниче богомудрия; радуйся, чистоты душевныя и телесныя хранителю.

Радуйся, проповедниче Православия дерзновенный;

радуйся, пламенною проповедию многих ко искренней вере обративый.

Радуйся, словом правды сильныя мира сего обличивый;

радуйся, яко за сие многия скорби терпевый.

Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Кондак 4

Буря гонений и скорбей не поколеба души твоя, отче преславне, но, в истинности избранного тобою пути ко спасению себе утверждая, непрестанно воспевал еси Богу: Аллилуия.

Икос 4

Слышав сказание житий древних подвижников, како от Господа наставляеми и укрепляеми труды ко трудом прилагаху,

тем подражати поревновал еси, отче преподобне, дни и нощи в молитве пребывая и на предстоящия подвиги себе уготовляя. Мы же, дивное твое подвижничество прославляюще, зовем ти таковая:

Радуйся, труды многи, истины ради, подобно апостолом подъявый;

радуйся, сего ради апостолом Православия в земли Карпатстей достойно именуемый.

Радуйся, отче благосердый, о спасении многих поревновавый;

радуйся, не своих си, но ближняго искавый.

Радуйся, непоколебимый столпе апостольских преданий;

радуйся, Христова стада добрый наставниче.

Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Кондак 5

Боготечная звезда, путеводившая иногда волхвы к Богомладенцу Христу, в Вифлееме рожденному, приведет я во святыи град Иерусалим, поклонения и молитвы ради. Ты же, славя Бога за велию сию милость, воспевал еси Спасителю нашему: Аллилуия.

Икос 5

Видевше братия Афонския Пантелеимоновския обители твою святую ревность о вере истинней, давша ти икону Божией Матери «Акафистную», да будет тебе и народу твоему Заступницею и Покровительницею во всем. Сего ради зовем ти:

Радуйся, на Святую Гору Афонскую — удел Божией Матери пришедый;

радуйся, братиею Пантелеимоновския обители радостно сретенный.

Радуйся, тамо ко Святей Православней Церкви приобщивыйся;

радуйся, яко сего ради желание сердца твоего исполнися.

Радуйся, яко от братии Афонския во благословение земли нашей икона Богородицы «Акафистная» даровася;

радуйся, яко с сею иконою и многими православными святынями во отечество свое возвративыйся.

Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Кондак 6

Проповедником православной веры и благочестия до скончания земнаго жития твоего был еси, преподобне, помощи во всем

у Царицы Небесныя непрестанно прося,
моляся пред чудотворною Ея иконою «Ака-
фистною», пред нею же и мы сподобляемся
воспевати: Аллилуя.

Икос 6

Возсия сугубая благодать Божия в тебе,
отче Алексие, по рукоположении тя во иеро-
монаха для совершения Таинств церковных.
Сего ради зело возрадовашеся людие земли
Карпатския, зовущия ти:

Радуйся, Ангельский образ приявый;
радуйся, к Небесным Силам причтен-
ный.

Радуйся, по приятии Ангельского образа
благодати священства сподобивыйся;

радуйся, Таинств церковных совершите-
лю благоговейный.

Радуйся, Святейшия Трапезы предстоя-
телю умиленный;

радуйся, за народ твой ходатаю пред Бо-
гом неустанный.

Радуйся, преподобне отче Алексие, пре-
славный исповедниче Христов и молитвен-
ниче о душах наших.

Кондак 7

Хотяй Преплагий Господь явити в те-
бе новый сосуд благодати Своея, посла тя

к многострадальному народу нашему просвещения ради и освящения Таинствами церковными, ихже усердно выну совершал еси, поя Богу: Аллилуия.

Икос 7

Новаго тя исповедника показа Господь Бог, егда нечестивии невинного тя связаша и ведоша во узилище. Людие же православнии, видящее сие, великия скорби исполнишася, вопиюще ти таковая:

Радуйся, за веру Христову узы и темничное заключение мужественне претерпевый;

радуйся, яко святым мучеником тем последовал еси.

Радуйся, яко исповедничеству их подражал еси;

радуйся, яко терпением твоим диавола победил еси.

Радуйся, проповедию твоею на горах Карпатских апостолу Андрею Первозванному уподобивыйся;

радуйся, святых равноапостольных Мефодия и Кирилла славный подражателю.

Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Кондак 8

Странствие земное славно прошел еси, отче преблаженне, слово истины Христовой людем возвещая и к покаянию всех призывая, да покаявшеся во гресех своих, чистым сердцем воспоют Христу Богу: Аллилуия.

Икос 8

Весь сердечною любовью к Богу и людем пламенея, не пощадил еси телесных и душевных сил твоих для проповеди слова Божия и возрождения веры православныя в народе нашем. Мы же, благодарни суще, во умилении сердца взываем ти сие:

Радуйся, преподобне отче Алексие, светильниче Православия;

радуйся, угодниче Христов, преподобия и правды исполненный.

Радуйся, к возрождению православной веры велию ревность имевый;

радуйся, к лику преподобноисповедников приобщивыйся.

Радуйся, пастырю добрый, душу свою за овцы твоя положить готовый;

радуйся, паству твою от волков лютых ограждавый.

Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Кондак 9

Всякия скорби и беды претерпел еси от нечестивых, отче многострадальне, но ничтоже возможе разлучити тя от любви Божия. Вся же напасти претерпевая благодатию Христовою, непрестанно воспевал еси Ему: Аллилуия.

Икос 9

Витии суемудренные не могут уразумети истинности православныя веры, ниже постигнути спасающия силы ея, ибо в гордыне своей отпадоша от Единныя Святыя Соборныя и Апостольския Церкви. Мы же, яко чада Божия, научении тобою, отче Алексие, уболажаем тя приветствии сими:

Радуйся, Православия светильниче неугасаемый;

радуйся, народа нашего благодатное украшение.

Радуйся, венцем исповедническим от Христа увенчанный;

радуйся, Церковью Его славно возвеличенный.

Радуйся, преселивыйся от юдоли сия плачевныя во Иерусалим Горний – Царствие Небесное;

радуйся, яко и тело твое нетлением zde на земли прославися.

Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Кондак 10

Спасти хотяй люди от лжеучений и ересей, труды апостольския понесл еси, всюду проповедуя слово Правды Божия и всех научая православно пети Богу: Аллилуия.

Икос 10

Стеною твердою и непреодолимою был еси народу твоему, отче преподобне, непрестанно моляся ко Господу, да призрит на люди Своя и да утвердит в них веру правую. Мы же, прославляя труды и подвиги твоя, умиленно вопием ти:

Радуйся, твердое Православия утверждение;

радуйся, света Евангельского сияние.

Радуйся, правило веры и благочестия;

радуйся, молитвенниче о нас пред Богом неусыпный.

Радуйся, совершенства христианского изящнейший учителю;

радуйся, во искушениях житейских всегдашний нам помощниче.

Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Пение всякое побеждается звездочисленными твоими труды, отче Алексие. Кто бо от земнородных прославит многотрудное житие твое, кто возвеличит священные подвиги твоя, смирение изрядное, молитву непрестанную, любовь нелицемерную, за ню же сподобился еси со всеми Богу угодившими воспевати вечное: Аллилуия.

Икос 11

Светозарный светильник явился еси, всеблаженне отче, разгоняя тьму неверия и озлобления в стране нашей светом веры Христовой, сего ради воспеваем ти:

Радуйся, славу мирскую, яко суетную, презревший;

радуйся, нищету духовную, Христа ради, восприемый.

Радуйся, Православия цвете прекрасный;
радуйся, светлостию своею мрак душ наших осиявающий.

Радуйся, апостольского служения сопричастниче;

радуйся, ревностию о вере православней сердца наша распаляй.

Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Кондак 12

Благодать сугубая от Господа дадеся ти, егда приближался к блаженной кончине земнаго жития твоего, Великий Ангельский образ прияти сподобился еси, да с лики небесными воспевати имаши Богу: Аллилуия.

Икос 12

Поюще апостольския труды и подвиги твоя, ублажаем блаженную кончину твою, величаем прославление твое в лике преподобных исповедников Христовых и, предстоя пред многоцелебными мощами твоими, духовно торжествуем, яко имамы новаго молитвенника и предстателя пред Богом, вопиюще ти таковая:

Радуйся, Царствие Небесное унаследовавый;

радуйся, яко лицом к лицу славу Божию зриши.

Радуйся, всех святых сожителю;

радуйся, яко купно с ними на Небесех Бога о нас грешных умоляеши.

Радуйся, яко нетленными мощами твоими на земли чудеса являеши;

радуйся, яко благодатную помощь всем притекающим к тебе подаеши.

Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Кондак 13

О преблаженный, новопрославленный отче Алексие, Православия проповедниче и благочестия наставниче, приими от нас, грешных и недостойных, малое сие моление и испроси у Всещедрого Бога Церковь Святую укрепить и от ересей, расколов и нестроений оградить, нам же всем в истинней вере до последняго нашего издыхания пребыть, да чистым сердцем непрестанно воспеваем Спасителю нашему: Аллилуия.

*Сей кондак читается трижды,
и паки:*

Икос 1

Ангельского мира и всего видимого Творец предуставивый тя быти проповедником спасительных православных веры среди народа нашего, мудрованием латинским плененного, но к богоугодному православно-восточному исповеданию тяготеющего, от младенческого возраста избра тя, отче Алексие, да послужиши обращению и спа-

сению многих. Сего ради со дерзновением тебе вопием:

Радуйся, от юности Христа всем сердцем возлюбивый;

радуйся, от утра жизни твоея Тому Единому поработывай.

Радуйся, усердною молитвою дух твой окрыливый;

радуйся, во отрочестве образ жития святого показавый.

Радуйся, благочестием своим верныя возвеселяй;

радуйся, от малых лет за вся сия Богом возлюбленный.

Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Кондак 1

Избранный премудрым Промыслом Божиим быти возродителем Святыя Православныя веры / и на степень священномонаха возведенный, / в Руси Карпатстей ревностно подвизался еси в распространении веры предков наших. / Сего ради мы, позднейшая чада твоя, / от сердечныя любви к тебе зовем: / Радуйся, преподобне отче Алексие, преславный исповедниче Христов и молитвенниче о душах наших.

Молитва
преподобному Алексию,
Карпаторусскому исповеднику

О священная главо, преподобне отче наш Алексие, вемы, яко ты, предстоя Престолу Пресвятыя Троицы, велие имаше дерзновение в молитвах пред Господом. Воззри и ныне на нас, грешных и недостойных чад твоих, к тебе ныне припадающих и усердно молящихся: умоли Господа, да подаст нам решимость стяжати благочестие отцев наших, его же ты стяжал еси от юности твоея. Ты в житии твоём ревностный защититель и хранитель истинныя веры был еси, помоги и нам незыблемо соблюсти веру православную. Тихая бо душа твоя зело преуспела в Божественном смиренномудрии, научи и нас разум наш питати, не многомятежной мудростию человеческой, но смиренным познанием воли Божией. Ей, угодниче Божий, не презри нас, молящихся тебе, ибо не токмо от бед и скорбей избавления просим, но силы и твердости, великодушия и любви просим, дабы без роптания переносить оныя напасти, восстающие на ны. Испроси нам и неослабное терпение даже до конца жития нашего, мир с Господом и грехов отпущение. Отче святыи, укроти в стране нашей ветры неверия и смуты, да

водворит Господь на земли нашей тишину, благочестие и любовь нелицемерную. Молитвами твоими да сохранит ю от междоусобных брани, да укрепит Святую Церковь нашу Православную, да не оскудеет она истинными пастырями, добрыми делателями, право правящими слово Евангельския истины. Упаси и заблудшия овцы стада Христова, да обратятся на путь благочестия и спасения. Наипаче же моли Господа сил, да возродится земля наша святым покаянием и единым сердцем и едиными усты да прославит дивнаго во святых Своих Бога, в Троице славимого Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПОЛНОМУ ЖИТИЮ ПРЕПОДОБНОГО АЛЕКСИЯ, КАРПАТОРУССКОГО ИСПОВЕДНИКА

Есть святые, которых Господь воздвиг как Свое бессмертное духовное оружие для борьбы за истину в самые страшные эпохи, когда неправда жаждет поглотить мир, — это те святые, о которых говорил русский поэт-философ Федор Иванович Тютчев: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». О таких святых предопределено издавна, они появляются в самый ключевой и переломный момент истории, чтобы открыть для всего народа заветную дверь в Царство Божье и поддержать народную душу, готовую надломиться от неимоверных испытаний.

Такой человек и родился в самом удивительном месте заповедного Мараморыша, в самом сердце Карпат, чтобы исполнить предназначенное ему свыше. Господь вел его трудным путем, с падениями и восстания-

ми, чтобы он смог потом многих людей вывести из тьмы к свету. Мало таких святых, которых так ждал весь народ, как ждали карпатороссы своего первого православного священника и монаха после целого столетия духовного ига! Его народ выстрадал в неимоверных муках, вымолил у Бога в великом томлении сердца своего, отвоевал в непримиримой войне со всем злом мира! Поистине, мало таких святых!

Святой Алексей встречался и с Цареградским патриархом Иоакимом, и с Сербским Лукианом. О нем знали и святой царь Николай, назначивший ему в награду за подвиг исповедничества золотой крест, и святой Патриарх Тихон. Он объехал мир и исходил пешком Карпаты, свидетельствуя о Боге и истинном христианстве. О нем молился целый православный народ, и целые армии нечестивцев проклинали его, целая империя объявила его своим заклятым врагом. Весь свет услышал о нем, когда он сам явился на неправедный суд, чтобы разделить со своим народом его тяжкую судьбу великого страдания за веру.

Такой великий святой достоин прежде всего прославления и составления полного жития. Если прославление от нас не зависело, то полное житие можно было собрать. Это труд соборный, так как вобрал в себя

много воспоминаний разных людей, много источников. Печалит другое — порочная практика кратких житий, которая стала распространяться все более и более. Особенно это касается святых новопрославленных. Кто читал житие старца Амфилохия Почаевского до его прославления, и потом прочел новое житие, уже официальное, легко меня поймет. До прославления житие было полным, а после прославления из него было вымарано все, что посчитали «лишним», так что даже кончина старца, о причинах и предыстории которой так подробно было рассказано в полном житии, в житии новом не имеет объяснений, и можно подумать, что старец умер от старости. Побоялись, что тема колдовства, так сильно звучавшая в полном житии, может кого-то соблазнить и великое противостояние святого старца с женщиной-колдуньей, которую враг подослал к святому, было вымарано безследно из официального жития.

Практика кратких житий легко объяснима. Составителям не надо углубляться в исследования, не надо проверять множество источников — достаточно привести общеизвестные факты и назвать даты. Это максимально облегчает работу: факты датируются и соединяются между собой общими фразами-шаблонами житийного жанра, и так по-

является новое житие. Экономически также гораздо выгоднее выпустить тонкую книжку-брошюрку и при канонизации мгновенно продать ее, пользуясь спросом, чем долго вести кропотливую работу и издавать объемную книгу. Наконец, сокращая житие, убирая из него все острые углы, не поднимая серьезнейших и глубочайших вопросов, проявляют политкорректность, терпимость — лишь бы никого не обидеть. Таким образом соблюдаются фальшивые псевдодобродетели антихристового общества, где главное — терпимость ко злу, на которой только и может быть построено царство антихриста. Это все проявилось в полной мере и в официальном житии преподобного Алексия.

Вот почему это полное житие так долго и кропотливо писалось и занимает большой объем. Здесь не утаено ничего, здесь ничего не приукрашено, здесь не сглажены острые углы, здесь не замолчаны самые болезненные и животрепещущие вопросы. Каждый святой достоин полного жития — святость жизни охватывает всю личность человека, а не какой-то ее фрагмент, который только и можно показывать. Житие святого — великая жизненная духовная школа, которую никогда не поздно пройти, и эта школа не может ограничиваться только выпускным классом. Сопереживание жизни свя-

того — вот что учит в житии. Читая его, человек проходит вместе со святым долгий путь, полный испытаний, и видит, как, с верой преодолевая все, святой достигает вечной славы Царствия Небесного. И тогда для души, соприкоснувшейся с личностью святого, Царство Небесное приближается, путь к Богу выпрямляется, сердце светлеет и здорoveет, а благая воля укрепляется. Вот чем незаменимы жития, — но только жития полные, не казенные, не выхолощенные трусливой терпимостью ко злу и жалкой политкорректностью!

Урок святой жизни — самый лучший урок, который только может быть на земле, и этот урок нам дал Сам Спаситель. Теперь даже в Евангелии стараются что-то смягчить, сгладить, а ведь это принципиальный духовный выбор — примиряться или не примиряться со злом в мире, быть бедным и гонимым вместе со Спасителем или лукаво властвовать вместе с богачами-фарисеями. Этот выбор, это искушение хлебом, властью земной, что славно вынес Спаситель, постоянно стоит и перед нами, пока мы живем еще на грешной земле. Мы также должны выбрать крест вместо хлеба, а не хлеб вместо креста — этому нас учат все жития святых, как и житие Алексия Карпаторусского.

ПРОБЛЕМЫ БИОГРАФИИ ПРЕПОДОБНОГО АЛЕКСИЯ И ИСТОЧНИКОВ, ЕМУ ПОСВЯЩЕННЫХ

Эти вопросы уже частично поднимались в предисловии, но тем не менее эта проблема настолько важна, что к ней приходится возвращаться снова и снова.

Легенды и неточности окружают и рождение, и кончину святого, и даже его имя в миру, но самым проблемным моментом в биографии является, безусловно, освобождение святого из тюрьмы во время Первой мировой войны и его пребывание в России.

Преподобный Алексий не любил рассказывать об этом периоде своей жизни. Главная проблема в том, что из его скурых воспоминаний можно понять, что его освободили венгерские революционеры, и об этом пишет митрополит Евлогий, а вот что было с ним в России потом, известно почти исключительно со слов родни. Единственным документом, посвященным этому периоду его жизни, являются воспоминания

митрополита Евлогия. Однако в них содержится неточная информация, поскольку он вспоминал об этом много лет спустя — так, например Второй Мараморош-Сиготский процесс он относит к 1910–1911 годам, хотя на самом деле он шел с конца 1913 до весны 1914 года. Также какую-то карпатскую монахиню он называет сестрой святого Алексия Василисой, хотя реальная его сестра Василиса вышла замуж; также, по его словам, монахинь жандармы силой загнали в ледяное озеро (а не в реку, как на самом деле) и т.п. Поэтому его воспоминаниям не всегда можно доверять.

Тем не менее мы здесь приведем выдержку из его воспоминаний, посвященную ситуации в Карпатской Руси, святому Алексию и его сподвижникам, а также непосредственно пребыванию святого в России (с. 235–236).

«В последние годы перед войной в Карпатской Руси и в Галиции стало пробуждаться стремление вернуться к вере своих отцов, то есть к Православию. Русское правительство и общество довольно равнодушно относилось к этому тяготению к России и к Православию наших западных братьев.

В то время как при австрийском Генеральном штабе, при участии митрополита

Андрея (Шептицкого), лихорадочно работали над отторжением Малороссии от России и созданием сепаратистского украинского движения, мы ничего не делали для поддержания галицко-русских деятелей; и только отдельные лица, во главе с графом Бобринским и его немногими единомышленниками, горячо взялись за эту работу, встречая ироническое и порою прямо враждебное к себе отношение в наших либеральных, не только общественных, но и правительственных кругах. Поэтому поневоле нам приходилось вести свою работу кустарно и даже до некоторой степени конспиративно.

Русофильское движение в Галиции и Карпатской Руси явило несколько энергичных деятелей (О. Наумович, Добрянский, Дудыкевич, Глушкевич, Бендесюк)... Имело оно и своих подвижников.

Карпаторусский крестьянин Алексей Кабалюк — один из тех, кто всей душой стремился к возвращению в лоно Православной Церкви. Он побывал на Афоне, там принял Православие, пришел оттуда ко мне в Холм, и я направил его в Яблочинский монастырь, где его постригли в монашество и где я рукоположил его в священный сан. Снабдив отца Алексея богослужебными книгами и церковной утварью, мы послали его на родину (в Угорскую Русь) в качестве миссионера

Полное житие святого Алексея
Карпаторусского написано с моих
слов - это всё правда

Преподобний Олексій
мєї бабунки рідний
брат а я по от
честву Дубюк Марія
Іванівна а по му
жеству Морозюк
Марія 2 рік кароже
ня ~~1926~~ ~~1927~~ 1928 рік
жило у Ясінонатій
земли що святий
купив Олексій ~~який~~

Подпись родни святого о подлинности
его жизнеописания

Православия; на его призыв стали откли-
каться его земляки; некоторых из них он
присылал в Яблочинский монастырь, где
они и приуготовлялись, по его примеру, к
деятельности пионеров Православия в Кар-
патской Руси. Иеромонах Стефан шутя на-

зывал их «камергерами», потому что они приехали в белом одеянии; это были кроткие, серьезные люди, красивой внешности; монахи из них вышли примерные. <...>

Я был в Житомире, когда неожиданно явился ко мне отец Алексей Кабалюк. Изможденный, измученный, с гноящейся раной во всю грудь... Оказалось, что, выпущенный из тюрьмы революционерами, он бросился на вокзал и забился в пустой вагон товарного поезда, уходившего на Украину. (В то время австрийцы собирали дань с самостийной Украины и направляли к нам пустые товарные поезда, которые возвращались в Галицию, нагруженные продуктами.) Где-то ночью, на остановке, удостоверившись, что австрийская граница позади, он выскочил и добрался до Житомира. Я послал его к доктору. Опасаясь встречи на Волыни с австрийцами, я отправил его в Киев, где его поместили для лечения в больницу Киево-Печерской Лавры».

ТЕРРОР ПРОТИВ РУСИНОВ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – КОРНИ ФАШИЗМА

В настоящее время издана потрясающая книга В.Р. Ваврика «Терезин и Талергоф» (проект Кирилла Фролова, написавшего к нему обширное историческое введение), посвященная этим преступлениям против человечества. Кроме того, в 1964 году был издан огромный труд П.С. Гардого «Военные преступления Габсбургской монархии 1914–1917 годов»

Необычная сила этого документа в том, что он открывает подвиг бессмертного мученичества целого народа, – подвиг, который многие годы замалчивали, со звериной жестокостью истребляя память о нем в народной душе. Книга посвящена мученичеству народа Русского Прикарпатья в годы священной войны за его освобождение под главенством святого царя Николая. Страшные плоды ненависти к Руси и Православию были тогда посеяны вместе с кровью в

эту желанную для завоевателей многострадальную землю. Страшное зло тогда попыталось вкорениться здесь в душу народную. Убить в себе истинное христианство вместе с русскостью должен был здесь человек, чтобы выжить, — так задумали враги, но тысячи и тысячи и тысячи предпочли этому смерть! Насколько беспощаден террор — настолько велик и подвиг народа.

Книга объясняет, какими средствами и какой ценой утверждались в Галичине униатство и русоненавистничество, насколько упорно сопротивлялся этому народ. То, что творится в современной Украине в сфере идеологии и политики, — корни этого зла обнажает книга. Многие люди, прочтя ее, были потрясены и поменяли свое мировоззрение, просветившись, — у них открылись глаза. Насколько страшна и ярка правда, что и в небольшом объеме книги она потрясает до самой глубины души. Становится ясно, откуда появился, на чем вырос австриец Гитлер вместе с германским фашизмом, как родилась эта человеконенавистническая, вампирическая идеология расового превосходства. На русской крови выросло это, захмелевшее от безнаказанности, чудовище! Для русских — только для русских! — возникли эти первые концлагеря смерти в Европе — лагеря не для плена,

а для изощенного медленного убийства презренной «низшей расы».

То, что одновременно с террором в Русском Подкарпатье происходило в Русском Прикарпатье, дополняет картину беспощадной войны со Святой Русью в Европе.

В этой краткой книге названы поименно и мученики и палачи, и страдальцы и кровопийцы. Этот геноцид предшествовал всем тем страшным ужасам, что пришлось пережить везде русскому народу в XX веке и всей Европе в целом. Еретическая Европа была наказана Богом за издевательство над беззащитным народом двумя мировыми войнами. Геноцид испытали многие народы в XX веке, но началось все с Русских Карпат.

Многие века русский народ в Прикарпатье отважно и мудро сражается за веру и народность. И мучеников и героев этой великой священной войны необходимо знать русским людям, если они хотят оставаться русскими.

Пафос этой книги — в непримиримости со злом и неправдой в мире, в той святой непримиримости со злом, что выковала и продолжает выковывать из многих племен и родов Русь единую — Русь Святую.

Приведем только некоторые, самые характерные, на наш взгляд, отрывки.

«Читателю нужно помнить, что приведенное ниже число жертв — это лишь капля в море общенародного мученичества, слез и крови Галицкой Руси. Стоглавая гидра набросилась на свою беззащитную добычу. В отчаянном страхе метался галицко-русский народ из стороны в сторону и не знал, куда бежать. Немцы и мадьяры бесились, как гады, и причину своих отступлений и поражений старались оправдать неблагоприятным поведением и изменой галицко-русского населения. В манифестах и воззваниях военные и административные власти обещали от 50 до 500 крон каждому, кто донесет на русина. На улицах и площадях галицких городов платные агенты выкрикивали: “Ловить шпионов! Давайте их сюда на виселицы!” Партийные вожаки, ослепленные местью, на этот ядовитый клич приходили с добровольной помощью.

И количество крови было чрезмерно обильно!»

«В деревне Волощине, уезде Бобрка, мадьяры привязали веревкою к пушке крестьянина Ивана Терлецкого и поволокли его по дороге. Они захлебывались от хохота и радости, видя тело русского поселянина, бившееся об острые камни и твердую

землю, кровоточившее густою кровью. В деревне Буковине того же уезда мадьярские гусары расстреляли без суда и допроса 55-летнего крестьянина Михаила Кота, отца шести детей. А какая нечеловеческая месть творилась в селе Цуневе Городоского уезда! Там австрийские вояки арестовали 60 крестьян и 80 женщин с детьми. Мужчин отделили от женщин и поставили их у деревьев. Солдат-румын забрасывал им петлю на шею и вешал одного за другим. Через несколько минут остальные солдаты снимали тела, а живых докалывали штыками. Матери, жены и дети были свидетелями этой дикой расправы. Можно ли передать словами их отчаяние? Нет, на это нет слов и силы! В селе Залужье того же уезда солдаты зверски расстреляли пять крестьян: Ивана Ковалю, Ивана Михайлишина, Григория Снеда, Сханислава Дахновича и Василия Схецыка, а в соседнем селе Великополе из 70 арестованных крестьян мадьяры закололи штыками: Ивана Олиарника, Семена Бенду, Василия Яцыка, Василия Кметя, Марию Кметь, Павла Чабана, которому раньше переломили руки. И этого им было мало! Уходя, они забрали с собой малолетних девочек» (в качестве рабынь-наложниц! — Г. Рачук).

«В Каменском уезде шла австро-мадьярская лютость безгранично, так как этот уезд

принадлежал к более сознательным округам Галицкой Руси. В селе Дернове австрийцы убили: Ивана Наума, 85-летнего старика, Николая Курия, Николая Ковалюка и Ивана Сердинецкого. В поселке Сапежанка был расстрелян крестьянин Андрей Вусович, тело которого солдаты повесили перед его родным домом, под рыдания жены и детей. В местечке Стоянове был убит мещанин Федор Багнюк — будто бы за то, что звоном в колокол давал знак казакам, а 85-летний старик-священник Иван Сохацкий был выволочен из церкви и подвергнут побоям, а затем заколот штыками. Десятки смертных приговоров имеют на своей черной совести два учителя австро-украинской ориентации Роман Пекарский и Лука Краевский. По их доносам суд первой австрийской пехотной бригады приговорил к смерти через повешение 10 крестьян в селе Таданье: Степана Федика, Феофана Гураля, Дмитрия Мотиля, Григория Наконечного, Ивана Потрухая, Федора Мартынюка, Василия Гренка, Ивана Круцинского, Дмитрия Ланчина и Анастасию Лащукевич, мать четырех детей.

Село Уторопы Коломыйского уезда было залито крестьянской кровью. Жандармы, солдаты и не в меру усердные австрийские патриоты вымещали свой гнев на невинных жителях села за то, что на фронте

австрийская армия терпела поражение. Отступавшие каратели гнали крестьян и женщин перед собой и расстреливали их на бегу».

«На основании подлейших доносов в несколько дней были переполнены все львовские тюрьмы русинами. В темном углу “Бригидок” шла экзекуция за экзекуцией. Были повешены: Иван и Семен Хиль, рабочие из Пониковицы Бродовского уезда, Семен Шпорлюк из Фольварков Великих возле Брод, Антон Супликевич, крестьянин из Скоморох-Сокальского уезда, Валентин Кашуба, Александр Батовский и Василий Пержук из Лепинева Бродовского уезда, Антон Мановский из Дубровицы Яворовского уезда, Иван Шушинский, крестьянин из Хвойны Жолковского уезда, Петр Козицкий и Андрей Пужак из Мокротина Жолковского уезда. Последнего казнили за то, что он под виселицей крикнул: “Да здравствует великая и нераздельная Русь”. Доброволец-палач истязал его на эшафоте четверть часа».

«Черная доля постигла село Катериничи уезда Рудки. Солдаты выгнали всех жителей села, мужчин и женщин в поле и кололи их штыками. Крестьянку Марию Зазую, мать троих детей, раздели донага и катали ее по стернище. Две женщины умерли от колотых ран. Мария Плугарь от побоев

родила преждевременно дитя. Солдаты насиловали женщин без стыда и стеснения, сожгли церковь, читальню, кооперативную лавку и хозяйские постройки, грабили и убивали людей.

Чем быстрее и ближе к Карпатам отступали австрийские бригады, тем сильнее овладевал ими страх перед приближавшимся противником, тем лютее закипала месть в их сердцах. На одного Станислава Загурского, доктора прав, аудитора, то есть военного судью, к сожалению славянина-поляка, падает более ста смертных приговоров. Эта темная душонка на основании показаний одного лишь свидетеля повесил 10 крестьян из Синеводска Скольского уезда: Михаила и Петра Коваля, Федора Федишина, Ивана Матешина и Ивана Тишевского. Тела несчастных жертв бросили душегубы в болото, где они пролежали с сентября 1914 до марта 1915 года. Староста Стрыйского уезда С. Н. Андреев велел вынести трупы из болота и похоронить по православному обряду.

(Далее в этом отрывке уже говорится о терроре в Подкарпатской Руси, но тогда было более распространено название «Угорская Русь». Через упомянутое ниже село Лавочное проходят все поезда по маршрутам от Москвы через Киев на Ужгород, Белград, Прагу, Скопье, Загреб. — *Г. Рачук.*)

В селе Лавочном на одной из вершин Карпатских гор австрийцы поставили страшную виселицу больших размеров для устрашения народа. Сколько крестьянских голов повисло на ней, трудно сказать. Среди погибших были Михаил Жолобович из станицы Козовой и Федор Коростевич из станицы Оравы. Эту виселицу смастерил по приказу военного суда арестованный крестьянин Юрий Волкупович, которого забрало судище в Мукачево. Как очевидец он рассказывал, что в Мукачево военный суд ежедневно приговаривал к смерти от 20 до 25 человек. Русинов вешали и расстреливали цыгане и евреи за городом, а их тела выбрасывали в ямы и рвы».

Из главы

«Бешеный погром в Перемышле*»

В стратегическом отношении город Перемышль на Сяне был самым важным боевым участком для австро-венгерской армии. Это была лучшая австрийская крепость против России. Отступая к Сяну, солдаты пылали неугасимой местью к галицко-русскому поселению. Поэтому для арестованных не было пощады.

---

* Ныне Пшемысль в пределах Польши. — Г.Рачук.

15 сентября 1914 года на группу арестованных, состоящую из 46 человек, набросились мадьярские гонимые. Перевязанных веревками людей они загнали с улицы Дворского в угол улицы Семирадского, и тут наступил бесовский погром, какого древний город не знал в своей богатой в горе истории: били и секли саблями гонимые-улань, кололи штыками пехотинцы, били кулаками и камнями еврей, били и свои братья-украинцы чем попало. Улица наполнилась отчаянными стопами и криками. Девушка-гимназистка пала на колени перед статуей, находившейся в углу улицы, и подняла вверх руки: “Божья Мати, спаси нас!”

Внезапно к девушке подбежал мадьяр и со всего размаха ударил ее револьвером по голове, а затем выстрелил из него прямо в ее чело. Как подкошенная она упала на землю. Выстрел в девушку был сигналом к кровавой расправе прочих арестованных. Началась стрельба. Брызги крови и мозга летели на мостовую и на соседние стены домов. Из тел изрубленных людей образовалась сплошная масса размозженного мяса. В этой адской бойне были убиты...» (далее следует поименный список жертв из 45 человек. — Г.Рачук).

«И вот 3 сентября 1914 года все казематы, тюремные вьзницы и темницы, все конюшни с лошадиным гноем, все коридоры и сырые подвалы наполнились изгнанниками, уроженцами Карпатской Руси. Тысячи галицких невольников загнали немцы в холодные стены, закрыли железными дверьми. Лютые, как тигры, ключники и профосы надзирали за ними. Вооруженные солдаты стояли на сторожевых местах, у ворот, дверей и решеток. Началась тяжелая неволя.

Интеллигентные и простые люди должны были совершенно бесплатно весь день отрабатывать всякие черные работы не только в самой крепости, но и в городе, чистить улицы, каналы, уборные в заразных лазаретах, трудиться в огородах и в поле. В крепость было два входа. На каждом шагу стояли заставы. Бежать было немислимо. В гнездах вшей, в гное безчисленных ран и болячек необходимо было вести непрерывную борьбу с болезнями, которые путем проникновения в здоровый организм болезнетворных микроорганизмов могли охватить всю крепость. Все же тысячная громада узников, почти наполовину перемешенная с интеллигенцией, при деятельной поддержке че-

хов, особенно двух чешек, Анны Лаубе и Юлии Куглер, в скором времени завела в своих тюрьмах лад и порядок, справилась с насекомыми, установила часы для мойки и стирки белья, заготовила из досок нары — короче говоря, старалась всячески завести образцовую чистоту».

Из главы «Талергоф»

«Первую партию русских галичан пригнали в Талергоф солдаты грацкого полка 4 сентября 1914 года. Штыками и прикладами они уложили народ на сырую землю. Голое поле зашевелилось, как большой муравейник, и от массы людей всякого возраста и сословий не видно было земли».

«За Талергофом утвердилось раз и навсегда название немецкой преисподней. И в самом деле, там творились такие события, на какие не была способна людская фантазия, забегающая по ту сторону света в ад грешников.

В апокрифе “Хождение Богородицы по мукам” говорится, что Мария в сопровождении архистратига Михаила посетила ад в западной его стороне, и увидела она площадь, покрытую черным мраком. В болоте лежали грешники, и черви грызли их непрерывно, и страсти, как морские волны,

хлестали немилосердно. От стонов, воплей, рыданий там клокотало, как в раскаленном котле, и в отчаянии причитали обреченные на вечное наказание: помилуй нас, Праведный Судия! Так же припадали к земле и молились о помощи и справедливости несчастные мученики Талергофа, но просили напрасно. Никто не слышал их стонов, никто не обращал внимания на их мучения; зато все надзиратели, вся служба, каждый немец, и не только немец, а кто только захочет, каждый солдат мог издеваться над ними самым диким и жестоким способом. Талергофская котловина дышала, как вулкан, протяжным стоном, глухим сетованием.

До зимы 1915 года в Талергофе не было бараков. Люди лежали на земле под открытым небом в дождь и мороз. Счастливы были те, кто имел над собою полотно, а под собою клочок соломы. Скоро стебло стиралось и смешивалось с грязью, пропитанной людским потом и слезами. Эта грязь являлась лучшей почвой и обильной пищей для неисчислимых насекомых. Вши изгрызли тело и перегрызали нательную и верхнюю одежду. Червь размножился чрезвычайно быстро и в чрезвычайных количествах. Величина паразитов, питающихся соками людей, была вопиющая (безчисленная). Неудивительно поэтому, что немощные не в силах были

бороться с ними. Священник Иоанн Мащак под датой 11 декабря 1914 года отметил, что 11 человек просто загрызли вши. Болезни и антисанитария оборачивались на каждом шагу смертью».

«Большую книгу можно бы написать о нечеловеческих издевательствах немцев. 27 марта 1915 года священник Иоанн Мащак записал: профос вызвал пять женщин и заявил им, что по очереди пойдут в одиночную каморку (для насилия над ними. — *Г. Рачук*). Одна из них улыбнулась, за что профос подвесил ее на столбе. Слабая женщина терпела муки, какие не в силах вытерпеть иногда крепкий солдат. Феофил Курилло рисует такую картину: 30 изнуренных и высохших скелетов селятся тянуть наполненный мусором воз. Солдат держит в левой руке штык, а в правой палку и подгоняет ими “ленивых” людей. Пленные тянут воз и еле-еле продвигаются, ибо сил у них не хватает. Талергофские невольники, избиваемые прикладами, в жаркое лето и в морозную зиму выправляли свои дороги, выравнивали ямы, пахали поля, чистили отхожие места. Ничего им за это не платили, а только ругали их русскими свиньями. В то же время вожди украинской партии во главе с разными Левицкими, Трилевскими, Ганкевичами, Барвинскими, Романчука-

ми били тиранам поклоны и пели Австрии дифирамбы».

«Случилось так: священник читал молитвы из молитвослова. К нему подбежал солдат и, ударив кулаком по книге, крикнул: “Читать запрещено!” Сегодня у нас Рождество Богородицы», — ответил спокойно священник. “У собак и изменников нет Богородицы; у них есть только собачья мать!” — заорал солдат и приказал священнику возить тачками гной. Затем, на потеху еврею, потешившись этой шуткой, он велел еврею везти священника в грязной тачке к гнойной яме и сбросить его туда вместе с мусором.

Еще пример немецкого цинизма: умер крестьянин-буковинец. Как известно, все буковинские русины православные. В барак, где сидели православные священники, пришли два солдата и спросили: есть ли здесь русские, некатолические священники. Вышли двое пожилых пленных. Солдаты запрягли их вместо лошадей и возили на них огромную бочку с водой. Старики, заливаясь горячим потом, падали от усталости на землю, но немцы на это не обращали внимания, били их прикладами, подгоняя вперед».

«Еще один сюжет из жизни концлагеря. Однажды в барак пришли солдаты, спрашивая, есть ли женщины, знающие чужие язы-

ки. К неожиданному и превеликому своему горю, вызвались четыре интеллигентные женщины. Солдаты завели их в прачечную и приказали стирать солдатские тряпки. Окружив их со всех сторон, они поносили их такими словами и шутками, какими не щеголяет ни один уличный хулиган. Один из “героев” принес подштаники и обратился к одной даме: “Гнэдиге фрау, мои подштаники постарайтесь выстирать по-русски”. Солдатня, заполнившая прачечную густою толпою, подняла адский хохот. Выполз второй “герой” и, бросив грязное и вшивое тряпье, повелел: “Мадам, мои подштаники вы должны выстирать по-французски. По-русски не хочу, так как русские – самые большие мошенники в мире”. И опять бешеный хохот, и опять скверная брань.

Заливаясь горькими слезами, интеллигентные женщины полоскали немецкую вонючую грязь до поздней ночи, а солдатня угощала их своими безстыдными остротами и насмешками. Положение было тем печальнее, что все обращения, жалобы, просьбы в адрес команд лагеря в Грац и Вену, на имя папского нунция и цесаря оставались без ответа».

«Не подлежит, однако, сомнению, что через талергофское чистилище и горнило прошло не менее 20 000 русских галичан и

буковинцев. Администрация Талергофа считала только живых, на умерших не обращала внимания, а число их, как выше сказано, было все-таки внушительным. Талергофский лагерь постоянно пополнялся новыми и новыми партиями заключенных из-за наступления русской армии. Не было в русском Прикарпатье села или семьи, не пострадавших от захватчиков. Мало того! Нередким явлением в 1914–1915 годах были массовые аресты целых селений. Кажется, что 30 000 будет неполной цифрой всех жертв в пределах Галицкой Руси. Украинские хитрецы и фальсификаторы истории пускают теперь в народ всякие блахманы, будто в Талергофе мучились “украинцы”. Пусть украинцы, но украинцы типа Зубрицкого, Наумовича, Гоголя, которые Прикарпатскую Русь, Волынь, Подолье и Украину считали частями Русской земли. Горсточка “самостийных” украинцев, которые в военном замешательстве, по ошибке или по доносам своих личных противников попали в Талергоф, очень скоро, благодаря украинской комиссии в Граце во главе с Иваном Ганкевичем, получили свободу. В бредни украинских подлогов никто не поверит, ибо как могли в Талергофе томиться украинцы за украинскую “идею”, когда Австрия и Германия создали самостийну Украину?»

**СЛУЖБА
«АКАФИСТНОЙ» ИКОНЕ
БОЖИЕЙ МАТЕРИ
И 26 НОВОМУЧЕНИКАМ
ЗОГРАФСКИМ**

(ПАМЯТЬ 10 ОКТЯБРЯ ПО СТ. СТ.)

Тропарь

**въ честь Божіей Матери, ради иконы Ея
«Акафистныя—Предвозвестительницы»**

гласъ 3-й

Якоже иногда старцу иноку, предъ святою Твоею иконою похвальная Тебе воспевавшему, взаимно радоватися рекла еси и враговъ пришествіе предвозвестила еси, Богородице, тако и ныне услыши наша хвалы и обстояній лютыхъ свободы, нашествіе же враговъ видимыхъ и невидимыхъ прожени отъ насъ, да вси благодарственно Тебе вопіемъ: Радуйся, безневестная Мати, коварства вражія запинаящая и отъ всехъ золъ насъ избавляющая.

Кондакъ, гласъ тойже

Обитель Зографская и вся гора Афонская, отъ нашествія еретичествующихъ и

кровожадныхъ латинъ избавльшеся, благодарно вопіють Ти, Богородице: радуйся, покрове ширшій облака, отъ зноя гнева Божія насъ защищающій и отъ всехъ бедъ избавляющій.

На малей вечерни стихира, гласъ 2-й

Пріидите, вси чада Восточныя Церкви, прославимъ Царицу небесе и земли, съ высоты небесныя насъ назирающую и на подвигъ укрепляющую, встающія же на ны еретичествующихъ шатанія низлагающую и вспять обращающую.

Приидите, вси насельницы Горы Афонскія, въ Православіи неподвижно пребывающіи, прославимъ чудную нашу покровительницу и учительницу, Приснодеву Богородицу, о спасеніи нашемъ всегда промысляющую и въ душепагубныя ереси впасти насъ не попускающую.

Слава и ныне, гласъ 3-й

Приидите, верніи, поклонимся чудотворному и всечестному Божія Матере образу, отъ него же иногда гласъ чудный услышася, нашествіе латинъ предвозвещающъ, инокомъ же Зографскимъ затворитися во обители повелевающъ.

На стиховне стихиры, гласъ 7-й

Слава тебе, Христе Царю, слава многому Твоему о насъ милосердію, яко иконою Пречистыя Твоея Матере извѣстилъ еси истинну быти веру нашу, латиномудрствующихъ же прелесть обличилъ еси.

Стихъ: *Воскресни, Господи, въ покой Твой*

Слава тебе, Царице Небесная, Мати Благословенная, яко радость Тебе приносящимъ, взаимно радоватися вещаеши и радости вечныя техъ сподобляеши.

Стихъ: *Клятсѣя Господь Давиду истиною*

Дивна дела Твоя, Богородице, множествомъ бо чудотворныхъ иконъ Твоихъ, яко пресветлыми звездами, въ Церкви Христовой сіяеши и теми мракъ заблужденій отъ сердець нашихъ отгоняеши.

**На велицей вечерни
на «Господи возвахъ» стихира,
гласъ 1-й, подобенъ: О дивное чудо**

О дивное чудо! Икона Богоматери, иже во Афоне, яко жива сущи, гласъ провещеваетъ, нашествіе враговъ предвозвѣщаетъ. Темъ же убо веселитесь, иноцы Афонстїи, и всю

тварь созывайте вопити Препоблагословенней: Благодатная, радуйся, съ Тобою Господь, подай мірови Тобою велію милость.

О великого Твоего, Богомати, благоволенія къ насельникамъ земнаго жребія Твоего, Ты бо иноку Афонскому, предъ иконою Твоею «Радуйся» Тебе воспевавшему, взаимно радоватися рекла еси, и нашествіе суетмудрыхъ и духовборныхъ латинъ предвозвестила еси. Темъ же и мы Тебе вопіемъ: Благодатная, радуйся, съ Тобою Господь, подай мірови Тобою велію милость.

О дивное вспоможеніе всемъ вернымъ еси, Богороднице чистая, горе же Афонстей и живуцімъ въ ней инокомъ предивный покровъ и заступленіе. Темъ же убо светло сотворяюще память бывшаго отъ иконы Твоея преславнаго чудесе, хвалебно Тебе вопіемъ: Благодатная, радуйся, съ Тобою Господь, подай мірови Тобою велію милость.

Дивная дела показалъ еси, Господи, въ Пречистей Матери Твоей: Ту бо Едину достойну обрелъ еси послужити великому таинству Твоего воплощенія и Сію даровалъ еси христіанскому роду Хранительницу и Заступницу: и не токмо Ей Самой, но и Образомъ подобія Ея даровалъ еси силу чудотворения. Сего ради хвалебно Ей вопіемъ: Благодатная, радуйся, съ Тобою Господь, подай Тобою мірови велію милость.

Пріиди, преподобный старче, воспой съ нами радостную песнь предъ чудною иконою Богоматери, якоже иногда воспелъ: «Радуйся, Невесто Неневестная». Да Тебе ради и намъ речеть Владычица: «Радуйтесь, верніи раби Сына Моего, и Царствія Небеснаго наследницы».

Слава и ныне, гласъ 6-й

Егда богомерзціи латины, яко волцы во овчей одежде, на жребій Твой, Владычице, нападоша, тогда единъ преподобный старецъ, предъ иконою Твоею во уединении молящійся, гласъ Твой, Богородице, услыша, сие вещающъ: «Гряди скоро во свою обитель и возвести братіи, яко приближаются врази Мои и Сына Моего». Тойже абіе текъ узре икону Твою, отъ нея же гласъ слыша, надъ враты монастырскими стоящу, и симъ чудомъ въ истине гласа известися Темъ же сотворяюще днесь, летнюю память сему чудеси, прославляемъ Тя, Заступницу рода христіанскаго, и благодарно Тебе вопіемъ: Радуйся, Рождествомъ Твоимъ родъ человекъ отъ лести діаволи избавльшая и отъ прелести еретическія присно насъ избавляющая.

На стиховне стихира: глас 8-й

Якоже древле преобразовавшая Тя купи-
на огнемъ объята бывши несгараема, сице
и святая икона Твоя «Предвозвестительни-
ца», со святыми страстотерпцы Зографски-
ми въ пламени бывши, не сгоре, но цела об-
ретесе, и доныне неврежденна пребываетъ,
присутствіемъ же своимъ силу огненную
угашаетъ и неоскудную благодать источа-
етъ, съ верою предъ нею Тебе, Богомати,
поклоняющимся и молящимся.

На стиховне стихира: гласъ 5-й

Радуйся, Госпоже всемилостивая, Пред-
возвестительнице всеблагая. Радуйся, Афо-
на твердое огражденіе, монаховъ наставни-
це и Заступнице: радуйся, Россійскія стра-
ны всенощная Покровительница; радуйся,
всехъ помощи и спасение душъ нашихъ.

Стихъ: Помяну имя Твое

Радуйся, высоте неудобовосходимая, Го-
ру Афонскую въ жребій себе пріявшая и
множествомъ монаховъ сію насельшая. Ра-
дуйся, Православие въ ней всецело соблюда-
ющая, еретичествовавшихъ же вся востанія
всемошною Твоею силою отревающая.

Духъ Святый отъ Единого Отца исходитъ, якоже Сынъ Твой рече, и святіи Вселенстіи Соборы научиша. Духоборные же латине «и отъ Сына» исхожденіе Его причитають и темъ Святаго Духа уничижаютъ, и неравенство Святыя Троицы содеваютъ. Сего ради, Владычице, врагами Божиими техъ нарицаеши и въ прелесть оныхъ впасти намъ не попускаеши.

И ныне, гласъ 7-й

Боже, придоша языцы въ достояніе Пречистыя Матере Твоея, и оскверниша святые храмы Твоя, положиша трупіе рабовъ Твоихъ, брашно птицамъ небеснымъ плоти преподобныхъ Твоихъ, зверемъ земнымъ и рыбамъ морскимъ. Но пролей, Господи, гневъ Твой, на люди и царства, хулящія Тя, и на отступившія отъ православныя веры Твоея, да разумеють, яко мы людіе Твои, и овцы пажити Твоея, и истинно есть поведеніе веры нашея.

По первой кафизме, седаленъ, гласъ 6-й

Единый токмо Христосъ действиемъ Святаго Духа безсеменно отъ Тебе, Богомати, родися. Ты же, Пречистая, отъ неплодове

родилася еси, но не безсеменно и непорочно, якоже учать суемудріи латине, ихже врагами Твоими, Госпоже, нарицаеши и душепагубную ересь ихъ изобличаеши.

По второй кафизме, седаленъ, гласъ 6-й

Азъ есмь хлебъ животный, сшедый съ небесе, Сынъ Твой, Богомати, рече и на Тайней Вечери подъ видомъ хлеба плоть Свою въ снѣдь вернымъ преподаде. Богопротивніи же латины заветъ сей оскверниша и вместо хлеба іудейскіе опресноки на великое сіе таинство предложиша. Но слава Тебе, Богомати, яко святою иконою Твоею заблужденіе ихъ обличила еси, насъ же во Православіи утвердила еси.

По поліелеи: седаленъ, гласъ 4-й

Глава Церкви Сынъ Твой, Богородице: Онъ бо искупи ю честною Своею кровію отъ власти діаволи и ныне чрезъ пастыри Своя ею управляетъ. Гордіи же епископи римстіи отъяша у Христа власть сію и себе ю присвоиша. Сего ради, яко Арій безумный, отвержени суть отъ Святыя Церкви и часть ихъ съ предателемъ и вопившими: возьми, возьми и распни Его.

Всемъ известую вечную славу преподобномучениковъ Зографскихъ, отъ латинъ пострадавшихъ, светъ небесный яко венецъ пресветлый надъ Церковію, и памятникомъ ихъ явилъ еси, Господи: да слышаще сіе православніи, въ Православіи утвердятся, латине же въ заблужденіи своемъ посрамятся.

И ныне, гласъ тойже

Многая Твоя намъ благоденія кто исповестъ, Богородице; или кій языкъ прославить неисчерпаемое море милосердія Твоего; яко не токмо всегда молиши о насъ Сына Твоего и Бога нашего и всемъ намъ твориши спастися, но и враги наша видимыя и невидимая запинаеши и вредъ душепагубныхъ ересей извещаеши, наипаче же латиномудрствующихъ изобличила еси чрезъ чудную Твою Икону, Ей же ныне покланяющеся Тя, Всечистая, ублажаемъ.

Канона песнь 4-я. Слава:

Не токмо Гора Афонская, но и великая Россія прославляетъ Тя, Богомати, яко не попустила еси латиномудрствующимъ вознести на ню рогъ свой и Православіе въ ней доныне неврежденно сохранила еси.

И ныне:

Якоже кораблецъ въ пучине, тако и Церковъ Сына Твоего, Владычице, колеблема есть бурею различныхъ ересей, тем же не попусти ей, Царице, погруженной быти въ мори житейстемъ, но въ тихое пристанище вечнаго спасенія управи ю, многомощными Твоими къ Богу молитвами.

**Песнь 5-я
(второй тропарь)**

Не весте, коего духа есте вы, латине: аще бо Евангеліе Христово проповедуете, то почто вы слуги Богоматери убиваете и огнемъ сожигаете. Христосъ бо не повеле ученикомъ Своимъ тако творити.

По 6-й песни. Икосъ

Видевше иноцы Зографстіи икону Богоматере, чудно къ нимъ пришедшую, и во огни несгоревшую, съ любовію облобызаше ю, и въ последокъ дней храмъ во имя всечестнаго Успенія Ея устроиша и наместною въ ономъ поставиши, радостно вопіюще: радуйся, Владычице, обители нашея покрове и огражденіе, отъ огня же и всехъ бедъ избавляющи.

Песнь 7-я
(второй тропарь)

Великая и Малая Россія, якоже Гора Афонская и вся Восточная Церковь, отъ лести и насилія папослужителей Тобою, Богомати, избавльшеся, благодарно Тебе вопіють: Благословенна Ты въ женахъ еди-на, Всенепорочная Владычице.

Песнь 8-я
Ирмосъ: Отроки благочестивые...

Пойте, иноцы Афонстіи, благословляй, страно Россійская, благую Владычицу, Заступницу всемилостивую, покровомъ Своимъ православныя люди покрывающую, ерети-ческихъ же вся замыслы разрушающую.

Хотяху иногда папослужителіе всю зем-лю Россійскую мечемъ пленити и вся пра-вославныя христіаны во свою пагубную ересь обратити, но заступленіемъ Твоимъ, Владычице, Господь сотре гордыню ихъ; темже превозносимъ Тя во веки.

Песнь 9-я
Ирмосъ: Всякъ земнородный...

Пріидите, Православія питомцы, духов-но возвеселимся; днесъ бо наста светлый

праздникъ чудныя Пречистыя Богоматере
иконы, ею же Православіе утверждается,
заблужденіе же латинумудрствующихъ яв-
но изобличается.

Величаніе

Величаемъ Тя, Пречистая Богородице
Дево, и чтемъ образъ Твой святой, имъ же
заблужденіе латинъ изобличила еси, насъ
же во Православіи утвердила еси.

ИСТОЧНИКИ С ПОЯСНЕНИЯМИ

Особенно ценным в данной публикации является список литературы по террору, составленный Р.Д. Мировичем. Он подытоживает все процитированное выше, служащее неопровержимым доказательством, что именно Австро-Венгрия явилась духовной родиной фашизма, построенного на расизме и ненависти, который стал незабываемым кровавым кошмаром XX столетия.

Азбучник Српске Православне Цркве по Радославу Грујићу. Београд, 1993. (На серб. яз.) – Во многих местах книги содержатся сведения о помощи Сербской Церкви, которую она оказывала на протяжении долгого времени православным Карпат.

Не устаревают книги **Федора Федоровича Аристова**. В первую очередь это его знаменитый труд «Карпаторусские писатели» – исследование по неизданным источникам. Переиздан в 1977 году в США, штат Коннектикут, Карпато-Русской литературной ассоциацией (CARPATHO-RUSSIAN LITERARY ASSOCIATION P. O. Box C, Barnum Station Bridgeport, Connecticut 06605), репринт московского издания 1916 года, и краткая, но очень содержательная брошюра «Литературное развитие Подкарпатской Руси» (М., 1995).

Ваврик В.Р. Терезин и Талергоф (К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа). М., 2001. – (Книга в своей основной части была подготовлена к печати еще в шестидесятых годах, когда прошло полвека со времени Первой мировой войны.) Книга дает очень яркое представление как об австро-венгерском терроре против русинов, так и о становлении антироссийской и антиобщерусской национальной идеи на их крови.

Грабец Мирослав. К истории Мармарошского процесса (Дело 94-хъ. – 29/XII 1913 – 3/III 1914). Ужгород, 1934. – Здесь даны самые различные отклики в печати, посвященные этому процессу; в частности, из этого источника мною также взято и описание святого на суде.

Геровский Юрий. Почему я православный (Краткая история православной веры на Закарпатье). Ужгород, 1999. – Здесь вкратце дана героическая и мученическая история православного народа.

Города и села Украинской СССР. Закарпатская область. Киев, 1982. – В книге во многих местах содержится информация о многовековом давлении на русинов, а также о преследованиях за православную веру.

Данилец Юрий Васильевич. Православні монастирі Хустського району ХХ століття. Ужгород, 2005 (второе издание). – Эта замечательная книга, к сожалению, недоступна русскоязычному читателю, так как опубликована только на украинском языке.

Данилец Юрий Васильевич. Православний монастир Успиння Божої Матері в селі Домбоки. 2006. – Здесь рассказывается о любимом монастыре преподобного Алексия.

Дехтерев Алексей, инок; Грабовый В.С. Сокровище неоцененное (Очерк православного девичьего

монастыря в Липше на Подкарпатской Руси) // Библиотека «Подкарпатская Русь». Выпуск 3. Ужгород: типография «Школьная помощь», 1936. — Эта книга содержит уникальные биографические сведения об основательнице и первой игумении этой обители Параскеве, в схиме Нине, в миру Иулиании Прокоп. Подробно рассказывается о нечеловеческих мучениях, которые эта беззаветно преданная Богу иззянка претерпела с другими девицами за Православие и желание посвятить свою жизнь Богу.

Денасий Пантелеимоновский, инок. ПОВЕСТЬ объ обращении и присоединеніи на Афоне Уг-рорусса униата въ Православие и О РУССКИХЪ, О ПРАВОСЛАВИИ И ОБЪ УНИИ ВЪ ПРИКАРПАТ-СКОЙ ПОДЪЯРЕМНОЙ РУСИ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ. Типография Казанской Амвросиевской женской пустыни, Шамордино Калужской губернии, 1913. — Это единственная прижизненная книга о преподобном Алексии, написанная его афонским другом из Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря. Здесь можно найти также интереснейшие сведения о церковной истории многострадального края.

Покойный Митрополит **Дорофей (Филипп)**, предстоятель Автокефальной Православной Церкви Чешских Земель и Словакии, был русином из Мараморыша. С юности он подвизался в Изском Свято-Николаевском монастыре, будучи родом из ближайшего села Нанково. В бытность свою студентом МДА он защитил кандидатскую диссертацию «Введение унии в Закарпатье в XVII–XVIII веках». В этой добросовестной работе видно, сколько героических усилий прикладывал народ, чтобы сначала не дать надеть, а впоследствии сбросить это ненавистное духовное ярмо. Показано здесь

также, с какой жестокостью и лукавством вводилась уния.

Дух святых над Сербией. М., 1999. – В книге можно узнать из судебных разных святых, сколь много Сербская Церковь дала как Подкарпатской Руси, так и Руси в целом.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни, М., 1994. – Эти воспоминания дают очень много сведений о том, в какой духовной атмосфере происходило обучение, постриг и рукоположение преподобного Алексия в Холмской Руси.

История Древнего Рима. М.: Высшая школа, 1982. – На с. 218–220 говорится как о массовом исходе людей в Карпаты из империи, так и о героическом сопротивлении карпатских племен Риму, который не мог смириться с таким положением дел.

История Словакии. М., 2003. – Здесь очень много и подробно говорится о сопротивлении карпатских народов, включая, естественно, православных русинов, католической Австрии.

Карпато-Дунайские земли в Средние века. Кишинев, 1975. – Здесь в статье П.Раткоша «Характер “первого” и “второго” крепостничества в истории Словакии» приводятся интереснейшие сведения: Великая Моравия отвоевала у болгарского царя Бориса часть Потисья и владела этими землями от 881 до 896 года. Войдя в 881 году в состав державы, эти земли получили название «Некрещеная Моравия». В то же время Парижский кодекс 3212 (можно найти в Византийском временнике) сообщает, что именно в 881–882 годах был крещен народ «рос».

Напомним, что именно в 880 году в Риме было признано славянское богослужение и даже самые ожесточенные противники святого Мефодия вы-

нуждены были на время примириться с его авторитетом. Сохранилось «письмо римского папы Иоанна VIII от 23 мая 881 года с похвалой Мефодию Моравскому за ревностное исповедание христианской веры»; см. ниже книгу Е.В. Ухановой, где приводится это письмо в списке XI века (с. 87). Поэтому именно к 881–882 годам, как мы видим, были созданы все условия для окончательного поголовного крещения русинов в Потисье. Таким образом, народное предание о том, что подкарпатские русины были крещены святыми братьями, подтверждается письменными источниками.

С этим согласуется и мнение, что епархия в Мукачево была основана святым Мефодием (см. ниже работу архимандрита Василия Пронина, с. 24) и входила в число семи Паннонских епископий (там же, с. 54). Русины Мараморыша в это время оставались под властью Великой Болгарии, которая также тогда проводила неуклонную и окончательную христианизацию.

Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Книга первая. М., 1993. — Ученый пишет: «Карпаты были общеславянским гнездом, из которого впоследствии славяне разошлись в разные стороны» (с. 90)

Уже после обретения мощей вышла книга игумена Гавриила (Кризина) «Православная Церковь в Закарпатье (век XX)» (Киев, 1999; рус. и укр. яз). — Здесь, кроме прочего, достойным образом отмечена роль Сербской Церкви, и в заключении книги говорится: «Закарпатцы всегда будут благодарны Сербской Православной Церкви, ибо ее материнскими попечениями они получили в трудное время надлежащую церковную организацию и автономию» (с. 123).

В 2001 году к прославлению преподобного Алексия вышло в свет его официальное житие, которое составил игумен Гавриил. Позднее, будучи уже в сане архимандрита, он издал книгу об изском Свято-Николаевском монастыре «Твердыня Православия на Закарпатье» (укр. яз.).

Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 2001. – Здесь можно прочесть об отношениях Византии и Великой Болгарии, а также о христианизации последней державы, в состав которой входила Подкарпатская Русь.

Максимишинец Василий, протоиерей. История Православной Церкви в Карпатской Руси. Ужгород: Лира, 2004. – В книге содержится, кроме прочего, ценная информация о страдальцах за веру.

Манн Ю. Сквозь видный миру смех... Жизнь Н.В. Гоголя. 1809–1835 (Первая часть). М., 1994. – Здесь много говорится о духовном становлении великого русского писателя, на которое безусловное влияние оказали карпатороссы. В книге освещается и трагическая судьба одного из образованнейших людей своего времени – подкарпатского русина Василия Григорьевича Кукольника (с. 62–64), который основал Нежинскую гимназию, давшую нам Гоголя, подобно тому как Царскосельский лицей дал нам Пушкина. До этого в течение нескольких лет он учил будущего императора Николая I и его брата Михаила и начал заниматься организацией Петербургского университета, где должен был занять пост первого ректора. Здесь его преемником стал русин Балудянский, а директором Нежинской гимназии после кончины ученого стал карпаторосс Орлай.

Следует добавить, что сын основателя Нежинской гимназии был настолько образован и начитан

(в частности, к 15 годам он в совершенстве владел несколькими языками), что сам обучал своих сверстников, выступая в роли преподавателя, и, кроме того, пользовался безупречным нравственным авторитетом среди мальчиков. Сравнивая его с Гоголем, Н.Ю. Артынов вспоминает: «Вот Кукольник – совсем иная статья. Пред Кукольником все мы благоговели» (с. 85).

Мучичка Кирилл, иеромонах. История борьбы Православия с католико-униатством в Закарпатье в XX веке и ликвидация унии в 1949 году. (Машинопись.) Курсовое сочинение по кафедре истории Русской Церкви МДА, 1956. – Название книги говорит само за себя.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. М., 1998. – В этой книге можно прочесть о непростой судьбе народа, когда его основная часть жила в пределах княжества Трансильвания.

В частности, здесь достаточно подробно освещается поход войска, большинство которого составляли православные Карпат из Трансильвании, Валахии и Молдавии, из Мараморыша на католическую Польшу под предводительством Иоанна Кеменя (с. 229–230). Усилиями последнего все три вышеупомянутых дунайских княжества объединились под главенством Трансильвании и вошли в союз с Богданом Хмельницким.

Из рода Иоанна Кеменя, ставшего на краткое время князем Трансильвании, происходил главный сподвижник преподобного Алексия – архимандрит Амфилохий (Кеминь). Этот род был самым многочисленным, богатым и влиятельным в Изе.

Пагиця Василий. Монастыри на Закарпатье. Мукачево, 1993 (рус. и укр. яз.). – Через историю

обитателей по-особому раскрывается как судьба края, так и душа народа.

Петефи Шандор. Избранное. М., 1955. – В своих «Путевых записках» и «Путевых письмах» 1847 года поэт описывает и впечатления от посещения Подкарпатской Руси (которую, естественно, даже не упоминает, считая весь этот край венгерским). Его, конечно же, потрясли здесь бедность и безправие народа. В частности, он пишет: «Во время спуска, когда мы отдыхали на склоне горы, к нам подошел какой-то парень-поляк (скорее всего, просто русин из лемков с другой, “польской”, стороны Карпат. – *Г.Рачук*). Мы поняли, что ему нужно; и каждый из нас дал ему, сколько мог... Он упал на колени, хотел поцеловать нам ноги... О человечество, опустившееся человечество, где твой спаситель?»

Вообще, чем ближе я подъезжал к Карпатам, тем больше видел рабства. Тогда я расправлял крылья воображения, и душа моя спускалась к равнинам моей отчизны, где человеческое достоинство высоко держит свою голову даже в самой низкой хижине.

О горный край! Неужто твои кручи для того и вздымаются так высоко, чтоб еще сильнее бросилась в глаза согбенность твоих обитателей?» (первая страница «Путевых записок», с 427–428 вышеуказанного издания).

Поп Димитрій. Русинський Синонімчний словарь. Ужгород, 2001.

Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М.: Паломникъ; Сибирская благовозвница, 2000 (по одноименному изданию Московского общества любителей духовного просвещения. М., 1877; греч., церк.-слав., рус. яз.). 28-е правило IV Вселенского Собора говорит о древнейшей русской

епархии, которая может быть приурочена только к Карпатам (с. 243–250; см. также об этом: *Рачук Г.* Грушевская Святыня. Обитель в честь Архангела Божия Михаила, Архистратига Небесных Сил Безплотных. Древнейший монастырь Закарпатья. М., 2006; Ужгород, 2007. С. 4–8; Подвижник Руси Карпатской. Архимандрит Иов (Кундря) М.: Паломникъ, 2008 С. 5–9).

В 2005 году Мукачевский монастырь выпустил фундаментальный труд архимандрита **Василия Пронина** под названием «История Православной Церкви на Закарпатье», на основе его ценнейшей кандидатской диссертации в МДА «История Мукачевской епархии с древнейших времен до Первой мировой войны 1914 года». 22-й параграф своего труда (с. 48) он специально посвящает ранним данным о христианстве на Подкарпатской Руси: «Выше говорилось о св. апостолах, проповедь которых доходила до Карпат. <...> Со времени перенесения Константином столицы империи на Балканский полуостров церковное влияние усилилось. Дакский епископ Феофил присутствовал на Первом Вселенском Соборе в Никее (325 г.); Месопотамский епископ Андрей, будучи заточен во Фракии, доходил до Дуная и в Дакии проповедовал слово Господне и приобрел многих последователей веры Христовой; св. Никита [Ремизианский. – *Г.Рачук*] обратил жителей Дакии в христианство и учредил два епископства: *Argensem et Micloviensem*, последнее – Миклувицкое для русских; св. Мартин, славянин по происхождению [св. Мартин Турский. – *Г.Рачук*], жил в IV веке у подошвы Паннонской горы. [Ссылка на: *Шкирпан И.* Записки по истории Подкарпатской Руси. Мукачево, с. 10]».

В приложении 2 на с. 465–475 дан автобиографический рассказ преподобного Алексия, так как автор этой книги встречался с ним 2 ноября 1945 года в монастыре Домбоки и расспрашивал о его жизни, по благословению святого записывая его рассказ.

Журнал «Путь» (орган русской религиозной мысли). Издание религиозно-философской академии. Париж; М., 1992 (репринт). – Здесь есть интересная информация о расцвете женского монашества в Холмской Руси, связанного с именем игумении Екатерины, после революции и вынужденной эмиграции ставшей возродительницей женского монашества в Сербской Церкви, в Хопове. Ее деятельность отразилась, как в зеркале, и в Подкарпатской Руси, служа наглядным примером для подъема здесь женского монашества при самых неблагоприятных условиях, включая бедность народа и неприязненность прокатолических властей. В Леснинском монастыре были сестры из Подкарпатской Руси, главная возродительница православного женского монашества в Подкарпатье легендарная игумения Параскева ориентировалась на пример Леснинской обители и даже хотела одно время переселиться в Сербию со своими сподвижницами, чтобы там перенять опыт игумении Екатерины, которую преподобный Алексий знал лично и очень уважал. Поэтому здесь приведем небольшую выдержку из указанного источника (с. 516): «Когда мать Екатерина приехала в Лесну, там была одна церковь и один дом при 55 десятинах земли, в котором она жила с 3 послушницами, 2 девочками и одним священником. Когда она оставляла Лесну, там были монастырь с 1200 десятинами земли, осушенными болотами, много-

численными строениями, школами, больницей и амбулаторией не только для монахинь и детей, но и для всего окрестного населения. Хозяйство монастыря было поставлено образцово. В монастыре было 400 монахинь и около 100 служащих. Монастырь стал известен не только населению Холмщины, но и всей России, и на храмовые праздники в него стекалось до 20 000 богомольцев».

Кроме того, русские и сербские ученицы игуменнии Екатерины основали несколько женских монастырей как на Холмской Руси, так и в сербских землях.

Разгулов В.М., Фролов К.А. Апостол Карпатской Руси. Берегово, 2001. – Здесь, кроме биографических сведений о святом Алексии, находим много информации о самой Подкарпатской Руси, о ее церковных, культурных и политических деятелях.

Славяне и их соседи. Выпуск 8. М.: Наука, 1998. – Здесь особенно интересны статьи А.В. Ратобыльской «Имперская идея на венгерской почве (конец X – XI век)», с. 57–63, где говорится о судьбе православного князя-венгра Антония (Айтоня), который был лишен власти и убит с помощью католического духовенства края и его ненависти к Православию; М.К. Юрасова «Элементы имперского мышления у венгров в IX веке», с. 12–18.

Словарь карпатоукраинского торуньского говора (уникальная работа, изданная крошечным тиражом профессиональными лингвистами).

Сова Петр. Прошлое Ужгорода. Ужгород: типография «Школьная помощь», 1937. – Здесь много сказано о борьбе куруцев – противников Австрии и участии в этом движении православного народа.

Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. – Упоминается здесь и

этническая территория Подкарпатской Руси в связи с открытиями автором индоарийского этноса в Европе.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2003. – Олег Николаевич здесь убедительно доказывает, что правосточные славяне изначально жили в Карпатах, достигая на юге Баната (с. 367 и др.). Кроме того, он считает прародиной всех славян наравне с Паннонией также и Потисье (с. 9).

Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. – В этой работе есть непредвзятый взгляд на славянскую историю, в частности на происхождение славян; приводится и оценивается ряд важных первоисточников для изучения деятельности святых братьев.

Фейсах Иосиф. Православие в Подкарпатской Руси после Первой мировой войны. (Машинопись.) Курсовое сочинение по кафедре истории русской церкви МДА, 1980. Здесь в самом конце приложения к сочинению даны мемуары святого Алексия, охватывающие центральный момент его жизни – принятие Православия, служение, подвиг исповедничества.

Христу веран до смрти. Свештеноисповедник Доситеј загребачки и заведењски. Београд–Цетиње, 2008 (серб. яз.). – Во многих местах книги говорится о благословенном труде святителя в Подкарпатской Руси.

Цюка Сергей, иеромонах. Православная и иноческая жизнь в Закарпатье в первой половине XX столетия. (Машинопись, кандидатская диссертация.) МДА, 1960. – Основополагающий труд по истории великого православного возрождения в крае.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ КНИГИ «ТЕРЕЗИН И ТАЛЕРГОФ»

Василий Романович Ваврик, уроженец села Яснище Бродского уезда, родился в 1889 году в крестьянской семье. В Бродах окончил немецкую гимназию и уже на школьной скамье принимал живое участие в культурно-общественной жизни гимназической молодежи. Свирепый 1914 год не позволил ему продолжить учебу на юридическом факультете Львовского университета. Свой «народный университет» прошел Василий Романович в застенках австрийских концлагерей Терезина и Талергофа, где сочинял стихи, посвященные подневольной жизни карпаторусского народа, и редактировал подпольные листовки с разоблачением лагерных жестокостей. Первые послевоенные годы он посвятил пополнению своего высшего образования; в 1926 году окончил философский факультет Карлова университета в Праге с научной степенью доктора славянской филологии. Одновременно в студенческие годы принимал участие в общественной жизни возрождающейся Подкарпатской Руси. Вернувшись на родину во Львов, В.Р. Ваврик был принужден поступить в Львовский университет, который и окончил в 1929 году с научной степенью

доктора славянской филологии. В этом же году Василий Романович посвящает себя народной службе как писатель, как секретарь Ставропигийского института и как научный сотрудник Галицко-Русской Матицы. При Советской власти Василий Романович, после кратковременного занятия в Львовском университете в качестве преподавателя русского языка, поступает на работу в Исторический музей как старший научный сотрудник и на этом посту остается вплоть до выхода на пенсию в 1956 году.

Писательский диапазон В.Р. Ваврика обширен. Он ученый, поэт, писатель, публицист, и при всем этом горячий патриот Родины, общественный деятель.

Из научных, научно-популярных, филологических и исторических трудов приведем главнейшие: «Яков Федорович Головацкий, его деятельность и значение в галицко-русской словесности» (1925), «Львовское Ставропигийское Братство» (1926), «Львовский Ставропигион в освящении исследований И.И. Шараневича» (1927), «Денис Ив. Зубрицкий и его труды о Ставропигийском Институте» (1928), «Основные черты деятельности И.И. Шараневича» (1929), «Галицко-русская литература «Слово о полку Игореве» (1930), «Материалы, относящиеся к истории Львовского синода в 1891 году» (1931), «Старейшины и члены Ставропигийского Института» (1932), «Русская тройца (Вагилевич, Головацкий, Шашкевич)» (1933), «Жизнь и деятельность Ивана Николаевича Далибора-Вагилевича» (1934), «Слово о полку Игореве», «Литература и перевод на галицко-русское наречие» (1937), «Члены Ставропигиона за 350 лет» (1937), «Галицкая Русь – Пушкину» (1937), «Школа и бурса Львовского Ставропигиона» (1938), «Суд над Гоголем» (1959).

Особое место в творчестве В.Р. Ваврика занимает мартирология карпаторусского народа в Первую мировую войну 1914–1918 годов. Здесь следует отметить его сотрудничество при издании «Талергофского альманаха» (Львов, 1924–1934) и при его переиздании «Военные преступления Габсбургской монархии» П.С. Гардым (США, 1964); затем его монографии «Талергоф» (1934) и «Терезин и Талергоф» «К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа» (1966); кроме того, ряд отдельных произведений по этой тематике в художественной обработке, в том числе повести «В водовороте» (1926), «Изверг» (1927); рассказы «Калинин сруб» (1926), «Атаман» (1932), «Маша» (1933), «Урша», рассказ о расстреле галичанина в Альпах (1928), «Суд и расстрел», рассказ о расстреле крестьян в Мацаеве Зборовского района украинско-немецкими террористами (рукопись), «Нравоучитель», рассказ о жизни и подвигах В.Ф. Марущака (рукопись), «В кольце штыков» (1928), «В перекрестных огнях», в 5 частях (1929–1938), «Жертва австрийского террора о. Игнатий Гудима» (1930); драмы «Одна невеста, два жениха» (1928), «Талергоф», «Драматические картины» (1933), «Русины-партизаны в Карпатах» (рукопись); поэмы (18): «Анастасия Чагровна» (рукопись), «Крещение Руси» (1938), «Слово о полку Игореве» и др.; научно-популярные очерки «Григорий Семенович Малец» (1936), «Дмитрий Андреевич Марков» (1938), «Николай Павлович Глебовицкий» (рукопись), «Народнославянская Галицкая Русь» (рукопись), «Обзор галицкорусской письменности» (рукопись). По теме «Талергофа» поместил В.Р. Ваврик много статей публицистического характера в галицкорусской печати, как и вообще на злободневные вопросы, которыми живо интересовался. Сюда следует

отнести также документальную публицистическую монографию п.з. «Черные дни Ставропигийского Института» (1928). Поэтическое творчество В.Р. Ваврика очень богато. Его поэзия, напоминающая народную лирику, проникнута горячим патриотизмом, особенно любовью к родным Карпатам, рассеяна по всем карпаторусским изданиям. Назовем здесь только вышедшие сборники. Это «Трембита» (1921), «Стихотворения» (1922), «Красная горка», третий сборник стихотворений (1923) и «Гаивки», четвертый сборник стихотворений (1925).

Особое место в творчестве В.Р. Ваврика занимают литературные портреты выдающихся культурных деятелей Руси. Назовем некоторые: «Дмитрий Васильевич Залозецкий» (1922), «Иван Григорьевич Наумович» (1924) и монография «Просветитель Галицкой Руси Иван Гр. Наумович» (1926), «Яков Федорович Головацкий» (1924), «Богдан Андреевич Дедицкий» (1927), «Исидор Иванович Шараневич» (1929), «Федор Федорович Аристов» (1933), «Владимир Андреевич Францев» (1937), «Игорь Эммануилович Грабарь» (1945), «Мариан Феофилович Глушкевич» (1960), «Проф. Тит Иванович Мышковский» (1962), «Семен Юрьевич Бендасюк» (1962), «Антоний Степанович Петрушевич» (1963), «Иван Федоров, первый русский печатник, и его пребывание во Львове» (1963), «Иван Степанович Шлепецкий» (1963), «Андрей Васильевич Карабелеш» (1965), «Иван Степанович Шлепецкий — добрый пастырь» (1968) и много других. В.Р. Ваврик скончался 5 июля 1970 года во Львове.

Литература: «Талергофский альманах», вып. IV, с. 87-89; «Карпаторусский календарь Лемко-Союза на 1963 год»; газета «Вестник» за 1913–1969 гг.

Р.Д. Миревич

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей	3
Предисловие	7
Чудо Великого возрождения Православия...	13
Покров Божией Матери	32
Призвание.....	63
К истине!	86
Проповедь Православия и ходатайство за родной край	95
Принятие Православия и Божиего благословения на Святой Горе.....	114
Небесное знаменіе	163
Ежегодное торжество на Афоне Восточнаго Православия надъ римскимъ латино- папизмомъ	166
Путь к монашеству и священству.....	175
Служение.....	202
Подвиг исповедничества.....	231
В бушующей России.....	260
Новая жизнь	270
Основание Карпаторусской Церкви и борьба за ее признание	273
Победа Православия.....	302
Помощь близким	320

Годы оккупации. Чудесное спасение и разговор со Сталиным	335
Последние годы. Кончина и погребение	344
Обретение мощей и прославление	353
Акафист преподобному Алексию, Карпаторусскому исповеднику.....	374
Послесловие к полному Житию преподоб- ного Алексия, Карпаторусского исповедника.....	392
Проблемы биографии преподобного Алексия и источников, ему посвященных	397
Террор против русинов во время Первой мировой войны – корни фашизма	402
Из главы «Кровавый террор»	405
Из главы «Бешеный погром в Перемышле»	410
Из главы «Терезин»	412
Из главы «Талергоф»	413
Служба «Акафистой» иконе Божией Матери и 26 новомученикам Зограф- ским (память 10 октября по ст. ст.)	419
Источники с пояснениями.....	431
Сведения об авторе книги «Терезин и Талергоф»	443

ISBN-5-7877-0038-8

© Успенско-Казанский монастырь, 2009

Адрес издательства: Московская область,
Домодедовский р-н, д. Шестово, стр. 2.

Подписано в печать 16.01.2009

Усл. печ. л. 23,52 + 1,78 вкл. Формат 84х108/32

Тираж 7 500 экз. Заказ 93005.

Отпечатано в типографии ОАО «Молодая гвардия».
127994, Москва, Сущевская, 21

